

ЛИРИЧЕСКИЕ
НАРОДНЫЕ
ПЕСНИ

ЛИРИЧЕСКИЕ
НАРОДНЫЕ
ПЕСНИ

Q

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

основана
М.ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ленинград

1 9 5 5

ЛИРИЧЕСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Минин
советский
писатель

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Е. Лопыревой*

Лирическая песня — одно из лучших достояний русского народного творчества, необыкновенно богатого и в области эпоса и в области прозы. Русская песня — явление глубоко своеобразное, и в мировой поэзии ее не смешать ни с чем. Русские ученые и русские художники давно заметили и давно оценили народную песню. Уже с XVIII века начинается систематическое записывание песен и издание их печатными сборниками. Начало положил М. Д. Чулков своим «Собранием разных песен» (1770—1774), а в XIX веке пристально и любовно занимались песнями наши лучшие писатели и композиторы, трудившиеся над их собиранием и записыванием рука об руку с учеными филологами и музыковедами. Пушкин сам записывал песни, Гоголь был одинаково внимателен и к русской и к украинской песне. Видный собиратель фольклора П. В. Киреевский посвятил всю свою жизнь этому делу и создал одно из самых богатых собраний текстов, печатание которого было закончено уже в советское время. Значительную роль в собирании песен сыграли Якушкин, Рыбников, Шейн — люди, связанные с революционным движением, убежденные демократы, рассматривавшие свою работу как особый вид служения народу. С 50-х годов постоянно появляются публикации отдельных

записей в журналах и сборниках, выходявших и в столице и в провинции.

Уже к XX веку относится собирательская деятельность Линевой, выпустившей известный сборник великорусских песен, и Листопадова, в течение почти пятидесяти лет собиравшего песни Дона.

Собирание песен продолжается и в советское время; записываются и варианты старых песен, исполняемых посейчас, записываются и новые песни, народившиеся вместе с социалистической революцией и сопутствующие ей.

Параллельно с собиранием велось и ведется изучение и толкование русской народной песни. Много существенных указаний мы находим у наших великих писателей. Пушкин, Гоголь, Тургенев, Л. Толстой, Островский, Горький внимательно прислушивались и к тексту песен и к тому, как они поются в народе. В своих художественных произведениях эти писатели выводили народных певцов, показывая, в чем источники их вдохновения, в чем состоит их манера петь, «сказывать» песню, и описывали воздействие песни на слушателей ее. Всем памятен рассказ Тургенева «Певцы». Два певца из народной среды являются у Тургенева носителями двух характернейших тенденций в народной музыке и поэзии, один из них — лирик, а другой — комик, юморист с широким размахом юмора и комизма.

Лучшие русские мыслители, публицисты, художественные критики оставили множество суждений о народной песне, суждений метких и пронизатель-

ных; песня привлекала внимание и Белинского, и Герцена, и Чернышевского, и Добролюбова. В качестве теоретиков народной песни с музыкальной стороны выступали композиторы Серов, Соколовский.

Песня никогда не оставалась и не могла оставаться предметом только исторического интереса. Несомненно, русская песня может считать за собой добрую тысячу лет существования. Некоторые отголоски стариннейших песен, а иногда и сами эти песни дошли до нас в более или менее неприкосновенном виде. Однако, за очень немногими исключениями, старинные варианты песен почти неизвестны. Собиратели записывали живую песню — песню, которая сохранялась в устах народа, которую пели многие, которая многим была близка и нужна. Песня всегда находится в движении, сливая традиционные сюжеты и формулы с тем, что нужно новому дню и новому часу. Отсюда ее могущественное воздействие на русское искусство, на литературу и музыку. Фольклор вообще и народная песня в частности питали в России реалистическое искусство художников, настроенных демократически и революционно. Народная песня важным элементом вошла в поэзию Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова. Она включается в прозаические произведения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Льва Толстого, она окрашивает собой драмы Островского.

Лучшие русские писатели вводили в свои произведения народные песни, пользовались их мотивами и стилем для того, чтобы ближе подойти к

народной жизни. Поэты, для которых народная песня была всего лишь средством стилизации, внешним украшением, древним орнаментом, не оказались в России сколько-нибудь значительным явлением.

Советская литература и в отношении к песне подхватила традиции великих реалистов XIX века.

Широко известно значение народной песни и для русской классической музыки. Глинка, Даргомыжский, Балакирев, Мусоргский, Бородин, Серов, Римский-Корсаков, Чайковский, Глазунов, Лядов постоянно обращались к этому источнику. Как в литературе песня вошла существенной частью и в повествовательные жанры и в драматургию, так и в музыку значение песни не ограничивалось только произведениями для пения. Песня вошла в русскую симфоническую музыку, и она неотъемлемая часть русской музыкальной драмы. Широкая песенная мелодия входит в музыкальную драму Мусоргского, Чайковского, Римского-Корсакова. Она придает особую внутреннюю поэтичность этим произведениям, созданным для музыкальной сцены.

Особая активность, которую проявляли русские художники в деле собирания и изучения народной песни, в значительной степени зависела от того обстоятельства, что песня была действенной силой, помогала строить современное демократическое искусство.

Если русская песня сохраняла свою жизненную силу, если она могла служить передовому демократическому искусству, следовательно в самой песне этой должны были наличествовать какие-то особые

свойства, делавшие ее пригодной для жизни в народе и в его культуре.

Оглядываясь на капиталистический Запад, где фольклор, и в частности песня, заметно вымирал, буржуазные ученые XIX века говорили примерно так: Россия — страна патриархально-крестьянская, еще не испытавшая на себе влияния капиталистической цивилизации или же только частично затронутая этим влиянием, и отсюда — фольклорное богатство России. Спору нет — условия капиталистического развития действительно глубоко враждебны интересам народа и его поэзии. Но исходя из этого буржуазная наука рассматривала народное искусство как искусство вымирающее. Расцвет народного искусства его защитники из славянофильского лагеря относили к русскому средневековью; здесь они видели золотой век народной жизни и поэзии. Наперекор беспощадным свидетельствам истории, наперекор свидетельствам самого фольклора, но зато в полном соответствии со своими политическими позициями, они изображали феодальную эпоху как идиллию народной жизни. Русское средневековье славянофилы хотели изобразить временем, когда народная жизнь будто бы достигла особой красоты и полноты, развиваясь мирно, без социальных противоречий и потрясений. Представители официальной народности особое внимание уделяли обрядовой поэзии. Однако же народная обрядность отнюдь не совпадает с повседневным бытом народа, обряд — условность, праздник. Благолепие и красивость обряда еще не доказывают благополучия народной жизни. Романти-

чески настроенные авторы предпочитали выдавать обряд за быт и восторгались обрядами старой Руси, забывая или стараясь забыть, что реальным фоном красоты обряда являлась повседневность с подъремным трудом крестьянина, с казенными поборами, с нагайкой царских приставов. Обрядовая поэзия как связанное развитое целое не обладает особой стойкостью. Она рассыпается на части и остается в книге, куда ее внес собиратель, перерождается, уходит в детскую игру, рано исчезает из реального обихода. Дольше живет свадебная поэзия, потому что ее поддерживает близость к быту и потому, что она вбирает в себя лирику простого человеческого чувства — лирику любви и семейных привязанностей.

Ставить вопрос об исторической обусловленности народного искусства необходимо. Лирическая песня общими основами тоже уходит в историю. Но русская песня своим вдохновением обязана вовсе не каким-либо исключительным эпохам, будто бы являвшимся для народа временем его благосостояния. В песню вошла и ее определяет огромная воля к сопротивлению, присущая русскому народу, сопротивлению против гнета и феодальных времен и послефеодальных. Пафос освобождения, выхода народной души на простор — вот что слышится в русской песне. И так как традиция борьбы против неволи, борьбы за освобождение никогда не обрывалась в русском народе, то и песня с ее жаждой свободы и простора из века в век оставалась его спутницей, и она же верно служила демократическим русским художникам, поэтам, музы-

кантам. Своеобразие русского фольклора отражает своеобразие исторической судьбы русского народа. С огромной мощью в русской истории проявляло себя народно-освободительное движение. Русский народ раньше многих других европейских народов сплотился в единое национальное государство. В пределах единого русского государства народные массы располагали возможностью вести свою борьбу против господствующих классов в достаточно широких масштабах. Крестьянские восстания имели в России огромный размах, захватывали целые области и подчас держали под угрозой центральную правительственную власть. Разинское движение и пугачевщина породили множество песен, сильных и выразительных. Многие песни «вольного люда» избирают героями Разина и Пугачева, иногда предание приписывает вожакам народных восстаний создание этих песен. Но стихия русской вольной песни необычайно широка, она существовала и до восстаний XVII и XVIII веков и после них. Разинщина и пугачевщина были взрывом народно-освободительного движения, в скрытом виде существовавшего издавна. Поэтому песни о воле, о свободе, лишенные определенного исторического приурочения, трудно отделить от песен, более или менее крепко связанных с историческими лицами и историческими событиями.

Во время восстания или непосредственно после него песня может соединиться с историческим именем, затем снова оторваться от него, чтобы превратиться в безымянную. Так, например, известная песня «Ты взойди, взойди, солнце красное» поется

и от лица разинцев — «казаков-молодчиков, разинских работничков», и от лица «добрых молодцев, сирот бедных, людей беглых», то есть от героев без имени, без даты, старинных героев подневольной Руси.

Такая песня, как «Ой, не вечер, то ли не вечер» героем своим имеет Степана Разина, однако существуют записи вариантов этой песни без упоминания его имени. За историческими песнями, связанными с именами Разина и Пугачева, стоит множество песен, условно говоря — «неисторических». Историческая песня как бы подводит итог длительным постоянным устремлениям народа, нашедшим для себя в историческом событии выход, хотя бы временный и относительный.

Борьба с неволей в истории русского народа все разрасталась и захватывала всё более обширные народные слои. Об этом свидетельствуют песни XIX века. В них народ ропщет и против гнета политического и против гнета социального, сливает в один образ и царя и помещика, видя в том и другом враждебную для народа силу:

. неволюшка
Власть господская, воля царская.¹

В русской народной песне отсутствует идеализация какого бы то ни было из прежних социальных укладов. Любителям «доброй старины» не найти для себя опоры в памятниках народной ли-

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. II, ч. 2. М., 1929, стр. 3.

рики. При этом приходится учитывать, что народные песни, в которых резко выражался протест против помещичьего строя, не часто доходили до собирателей, еще реже бывали записаны, а опубликование таких песен было почти невозможно. Все-таки даже в старых собраниях встречаются песни с отдельными «бунтарскими» строками. Крепостное право изображается в песне резко и мрачно:

...пропали наши головы
За боярами за вóрами:
Гонят старого, гонят малого
На работушку ранешенько,
А хозяин да его все лает...
(«Из-за леса, леса темного»)

Работа на хозяина, тяжкая жизнь «в чужих людях» изображается как проклятие и несчастье.

В более поздних песнях, создававшихся в среде рабочего класса, появляются картины фабричной и заводской неволи, а место барина-крепостника занимает заводчик-эксплуататор, присваивающий себе время и труд работника. В раннюю пору капиталистической эксплуатации она переплеталась к тому же с эксплуатацией феодально-крепостнической:

А мой милый друг во неволе,
Он на сахарном на заводе,
Он там днюет да ночует,
Рано встанет, поздно ляжет,
А хозяин да его все лает...
(«Уж ты, волюшка, да разневоля»)

Лирическое чувство в русской песне рождается именно из энергичного протеста против социального гнета.

А мое сердечушко непокорное,
А моя головушка непоклончива!
(«Вырастала древушка тонка, высока»)

Лирическое содержание песни определяется этим протестом. В одной из песен мать провожает сына на чужую сторону. Усталая старая женщина учит сына жить тихо, а он, молодой, отвечает:

— Сударыня, моя матушка,
Со поклону голова болит,
С терпения сердце высохло!
(«Через леса, леса темные»)

Для русской песни более характерны эти мотивы «непоклончивости», мотивы стремления к свободе, чем мотивы покорности и бездействия.

В русской песне живет дух будущего, в этом ее особая сила и причина ее неистребимости. Многие русские песни и сейчас молодо и понятно звучат для советского человека, даже если они и очень давнего происхождения. Современникам развязки великой и долгой борьбы народа за свое освобождение, современникам новой и свободной жизни, которой добились народные массы, не может не быть близка эта песня с ее вековым движением к народной независимости, к освобожденному народному труду и к народному счастью.

От очень старых песен к новым развивается общая тема народного освобождения, меняя вместе с историческими условиями свой характер и содержание. В более близких к нам по времени рабочих песнях поется уже о борцах за народное дело, идущих на каторгу, в них слышатся новые слова. Рабочие песни сопровождают последний, заключительный этап борьбы трудящихся с угнетателями. Этот этап отличается существенно новыми чертами и в отношении конечных целей и в отношении форм борьбы, преодолевшей стихийность прежних народных движений. Проникновение в сознание рабочего класса передовой теории, отчетливость целей борьбы — все это сказывается в рабочих песнях: протест получает в них все большую определенность, а политическая тема приобретает главенствующее значение, часто являясь осознанным идейным центром песни, сложившейся по тому или другому конкретному поводу.

Напевы старинных русских песен протяжны и грустны. «От ямщика до первого поэта мы все поем уныло», — говорил Пушкин. Музыкальный строй песни не мог не отразить того, что заключалось в ее сюжетах, трактовавших тяготы народной жизни, весь каторжный быт народа, которому назначено было отбывать барщину у помещика, работу по найму у купца или у заводчика, а у царя — солдатчину. Однако в протяжном напеве сохраняется мужественность. Здесь умеют справляться с печалью, с несчастьем. В народной лирике певец самым складом песни проявлял свое духовное превосходство над трудным и бедственным положе-

нием, в которое ставила его жизнь. Самые песни, самое их существование являются ярким свидетельством того, что бесправие и угнетение не принимались народом как нечто неизбежное и вечное.

О русской песне имеются чрезвычайно глубокие суждения у Белинского, который вслушался в нее и уловил ее драматические противоречия. «Как отличительный характер эпической поэзии — дух удалства, отваги, молодечества, так отличительный характер лирической поэзии — заунывность, тоска и грусть души сильной и мощной...»¹ «Грусть русской души имеет особенный характер: русский человек не расплывается в грусти, не падает под ее томительным бременем, но упивается ее муками с полным сосредоточением всех духовных сил своих. Грусть у него не мешает ни иронии, ни сарказму, ни буйному веселию, ни разгулу молодечества: это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой. Все, что могло бы обессилить и уничтожить всякий другой народ, все это только закалило русский народ...»²

В связи с народной песней Белинский не случайно говорит о русском национальном характере. В народной лирике характер народа обнаруживается с естественной произвольностью. Мужественный и мощный лиризм прямо и непосредственно свидетельствует о том же внутреннем складе народа, о котором говорит героическая песня, былина. По-своему, с внутренней эмоциональ-

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VI. СПб., 1903, стр. 475.

² Там же, стр. 477.

ной ее стороны, в песне звучит «богатырская» тема. Свою мощь, свои неограниченные «богатырские» возможности народ выразил и в своей лирической песне, в ее особом складе, в ее необычайных, по своему масштабу, эмоциях и переживаниях.

«Душа крепкая, мощная, несокрушимая», о которой говорит Белинский, — это душа того самого народа, который веками строил свое государство, отбиваясь с востока и с юга от кочевников, выправляя и расширяя границы, прокладывая дороги через непроходимые леса, заселяя степи, ставил крепости и города, не жалея сил на созидание культуры материальной и духовной, и при всем том находился под жесточайшим гнетом, социальным и политическим. В былине и в исторической песне прямо выражается сознание народом своей творческой роли в истории страны. Народ откликается так активно на исторические события потому, что сознает себя деятельным участником этих событий, потому, что история России — его собственная история. В лирической песне это сознание собственного значения не выступает на первый план, но оно составляет скрытую предпосылку народной лирики. Песня лирическая — это душевная исповедь великого исторического народа с тяжким прошлым и прекрасным будущим. Именно это услышал в песне Белинский и именно это заимствовали у нее для собственного творчества в поэзии Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Кольцов, а в музыке Бородин и Мусоргский.

Очень показательны воинские песни — они ближе всего стоят к истории в тесном смысле этого поня-

тия. Эти песни печальны, особенно те из них, которые принято называть рекрутскими. Рекрутские песни — большой особый цикл в народной поэзии. Известно, чем была рекрутчина в старой России. Она отрывала человека на двадцать пять лет — собственно, навсегда, на всю жизнь — от родных мест, от родного дома, от семьи, от производительного труда и подчиняла его жестокому режиму царской казармы. Рекрутская песня — прощанье со всем, что дорого человеку. Над рекрутом причитали, как причитают над мертвым.

Печалью наполнены и собственно солдатские песни:

Не кукуй ты, не кукуй, горькая кукушечка,
во сырбем во борочке...

Уж и так-то нам, солдатушкам, служить очень
тошно:

Что загнал-то нас, загнал православный царь
во иные земли,

Поморил-то нас православный царь голодную
смертью;

Он не день-то нас морил, не неделюшку — ровно
три годочка.

(«Ты, долина ль моя, долинушка, раздолье широкое!»)

Тем не менее воинские песни далеко не исчерпываются одними жалобами. Служба в армии для новобранца означала новый, обширный круг товарищества и дружбы с такими же, как он, бывшими землепашцами и людьми ремесленного труда; означала новый богатый жизненный опыт, по-новому

раздвинувшийся кругозор. В народной сказке солдат обычно человек бодрый, ловкий и умелый, знающий многое, о чем другому и невдомек. Бодрый и уверенный тон характерен и для многих воинских песен. В казачьей песне «Служба явлена в поход» женщина заливается слезами, провожая мужа, но речь воина тверда и спокойна, он спешит и ссылается на своих друзей, которые уже «во строю стоят», поджидая его.

Еще важней, чем это ощущение общего солдатского быта, сознание того, что каждый солдат, каждый участник воинского похода вносит свою долю участия в дело национальной истории. В упомянутой выше песне «Служба явлена в поход» тоже есть это сознание — казак дорожит не только товариществом как таковым, но и тем, что вместе с друзьями он призван совершить высокое дело. Защита родины — один из существеннейших мотивов воинских песен. В этих песнях слышны мотивы гордости русским оружием, уважения перед русской воинской доблестью, с какими бы тяготами она ни была связана:

...Какова-то есть русска силушка, во строю
стоит,
Во строю стоит да по ружью держит.
(«Не беленькая березонька к земле клонится»)

Воинские песни в царской армии были часто предметом фальсификации. Царское начальство всеми возможными способами старалось вбить в солдата монархические чувства, старалось научить

русского солдата не рассуждать, не думать, не спрашивать, зачем и против кого он обращает оружие. Однако эти сочиненные, мнимосолдатские песни очень заметны среди песен подлинных, сложившихся в самой солдатской среде: сразу бросаются в глаза фальшивые строки и верноподданническая фразеология. У народа есть своя собственная позиция в вопросах войны и мира. Война принимается, если она — необходимость, если это война справедливая, но резко отвергается война по произволу господствующих классов.

Война всей тяжестью ложилась на народ. В песне мы слышим плач — скорбный плач над землей, по которой прошла война:

Чем-то наша славная земелюшка распахана?
Не сохами-то славная земелюшка наша распахана,
не плугами —
Распахана наша земелюшка лошадиными копытами;
А засеяна славная земелюшка казацкими
головами. . .

Народная жажда мира и народное осуждение царской войне, нужной царям и ненужной народу, замечательно полно выражены в одной старинной песне:

А вскрикнули да два лебедя
Посеред моря да на камушку:
«Ох, и дай боже, дай половодье,
Чтобы нам на бережку покупаться
И желтого песку позобаться!»

Как ускрикнули да два молодца
Посеред поля да на площади:
«Ой, и дай боже, дай замиренье,
Чтобы наши царицы замирились,
Чтобы нам на площади постояти
И на белый свет поглядети!»

Лебеди в народной поэзии — традиционный образ мирного, согласного существования. Лебеди — создания прекрасные и миролюбивые. Первая строфа посвящена лебедям, вторая, по обычному песенному порядку, — людям. Во второй все протекает соответственно тому, что происходит в первой, — как лебеди хотят привольно покупаться в глубокой воде, так и людям хочется испытать то, что может дать им простая мирная жизнь:

...на площади постояти,
И на белый свет поглядети!

Обычно в песне где молодцы, там и молодчество, опасные дела, смелость, удалство. Молодцы, выведенные в этой песне, полны спокойного чувства, со строками о них перекликаются предшествующие строки о лебедях; молодцы, как и те, помышляют только о радостях и приволье, которые наступят вместе с «замирением».

Народная лирика сохраняет свои общие свойства независимо от того, в трагическом ли тоне выдержана песня или же в тоне веселом и юмористическом. Замечательно, что русская песня нередко сочетает трагическое вдохновение с юмором,

с шутливостью, с ярким комизмом. Белинский говорил о том, что в русской песне ирония и сарказм вплетаются в развитие основной скорбной темы, которая не боится, не избегает этих нарушений. Тут проявляется тот же национальный характер, стоящий за русской лирикой. Способность шутить в ту самую минуту, когда душа полна скорбными переживаниями, говорит о великом самообладании, о великой душевной стойкости. Только мужественная и большая душа способна отвлекаться от собственной трагедии и находить в себе силы, не подавляемые этой трагедией, свободные от нее. В старой шахтерской песне на безотрадном бытовом фоне появляются яркие подробности, задорные внутренние созвучия (ясны — красны), и вся песня ведется бойкой скороговоркой:

Там народ стоит толпой,
Весь оборванный, худой,
Зубы ясны, глаза красны,
А рубашка как смола.

(«Загудел гудок на пять»)

Даже в трагические песни о рекрутах врывается особый юмор, юмор будущего солдата, бывалого человека. Одна песня представляет собой диалог сына-рекрута и горющей над ним матери. Песня начинается с вопроса матери: «А Ванюшка, мой батюшка, куда тебя снаряжают?» Диалог разыгрывается в комическую сторону: сын бодро и весело, шутками отвечает на ее печальные вопросы и проявляет солдатский оптимизм там, где она предви-

дит беду и лишения. От традиционной рекрутской песни остался здесь только голос матери, в голосе сына непривычная для рекрутской песни интонация. Он не вторит материнской грусти, он возражает. Вопросы матери — длинная фраза в стиле причети, длинные слова, а в ответах сына — отрывочные строки в плясовом ритме, с характерными плясовыми повторными присказками, подобранные так, что диалог неожиданно приобретает оптимистическую окраску. Мать позволяет себе усомниться, действительно ли сын ее найдет способы оградить себя от тягот воинской жизни, сын в ответ громоздит шутку на шутку.

В так полюбившейся Пушкину песне «Не шуми, мати зеленая дубравушка!», которую поют на пугачевском пиру в «Капитанской дочке», юмор уже другого свойства — трагический, зловещий юмор, — сарказм, по выражению Белинского. Песня начинается с обращения к «дубравушке». Зачин этот вполне совпадает с обычным началом русской лирической песни — обращением к чему-то лежащему во вне, к миру природы, зачин не позволяет содержанию песни стать чем-то только личным, укрепляет связь певца с широким миром. Но в то же время в этом кратком зачине излагается основная тема, воссоздается исходное сюжетное положение: «добрый молодец» остался один на один с зеленым лесом, следовательно он уже потерял товарищей и уже теряет надежду на свое спасение. Но дубравушка названа «матерью» — то есть защитницей разбойника. Пока зеленый лес еще защищает его, суд и казнь являются только мрачным предвиде-

нем. Песня заполнена воображаемым будущим разговором между разбойником и царем. Разбойника скоро («завтра») изловят, и царь станет судить этого вольного человека, которому не уйти от допроса и казни. Весь диалог проводится как особое состязание, напряженное, мрачное, где в руках одного из говорящих, у царя, вся сила физической власти и принуждения, а у другого, у разбойника, остались только отвага и неукротимость духа. И в этот диалог проникает своеобразный, суровый юмор. И разбойник и царь говорят метафорами, иносказаниями. Разбойник предпочитает этот язык, так как он позволяет ему уклониться от прямых ответов на вопросы царя, чинящего допрос. Разбойник не хочет предавать своих товарищей и, чтобы не называть их, отвечает царю поэтическими метафорами. Вместе с тем эти метафоры являют собой вольность духа и воображения, которых царю не отнять у разбойника, скованного по рукам и ногам. Разбойник по-своему шутит со своим грозным судьей, отвечая ему обиняками, сбивая его. Царь втягивается в этот словесный поединок, но царские метафоры — грубые, самоуверенные шутки того, кто является полновластным хозяином положения. Царь иносказаниями рисует перед разбойником неминуемую расправу и виселицу. Царь злобно шутит и играет чужой судьбой. Для разбойника дело идет не о чужой судьбе, но о его собственной, и над этой своей собственной трагической судьбой он способен возвыситься и побивает в этом споре царя своим моральным превосходством.

В этой песне перед нами пример юмора, от кото-

рого человек в избытке внутренних своих сил не отказывается даже в самых страшных и грозных для него положениях. Недаром эту песню о воображаемом царском допросе народ иной раз связывал с одним из самых героических для него имен — с именем Степана Разина.

То же переплетение трагических мотивов и шуток, не щадящей самого певца, в записанной Гл. Успенским песне «российского чернорабочего» («Что шахтерска жизнь проклята»).

Удалая, разгульная песня возникала на особых путях народной жизни, искавшей для себя выхода во что бы то ни стало. Добролюбов, вслед Белинскому, не раз обращался к народной песне и давал ей толкования, исходившие из глубоко сочувственного и в то же время реалистического понимания народной судьбы и народного характера:

«Народ не замер, не опустился, источник жизни не иссяк в нем; но силы, живущие в нем, не находя себе правильного и свободного выхода, принуждены пробивать себе неестественный путь и поневоле обнаруживаться шумно, сокрушительно, часто к собственной гибели».¹

Много юмора и в текстах «счастливых» любовных песен. Народная песня разрабатывает иной раз любовную тему и трагически и драматически, когда тема эта связана с препятствиями, с трудностями, возникающими для любящих. В радостной, оптимистической любовной песне почти всегда при-

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1935, стр. 306.

сутствует юмор, который оживляет ее, вносит в нее многообразие. Как будто ровное, тихое счастье недостаточно богатый предмет для песни, и потому создается видимость распри между любящими, они рискуют собственным счастьем, — разумеется, не всерьез; и распря и опасные положения в этих песнях только шутка. Любовный диалог в таких случаях становится спором, шуточной тяжбой, где не всегда легко отличить шуточное от серьезного, — так далеко заходит игра. Жених просит девушку подержать коня, она круто отказывает, — ее ответ можно понимать либо как прекращение игры, либо как начало новой игры, более значительной по своему характеру. Здесь проглядывают серьезные реальные отношения: девушка отстаивает свою независимость, она несогласна быть рабой собственного чувства. В этой шутливой распре как бы определяются реальные границы, до которых может дойти чувство и перед которыми оно останавливается.

В одной свадебной песне, «Воробушек-воробей», невеста не открывает двери жениху, притворяется, что «боится матушки». Тогда и жених грозитя уехать, так как, мол, на дворе непогода. Игра здесь в равной мере захватывает обе стороны, на юмор невесты и жених отвечает юмором:

Ох, девушка, уеду,

Красавица, уеду...

(«Воробушек-воробей»)

Песня «На речке на Клязьме купался бобер» тоже чудесный пример лирического юмора. Сна-

чала очень подробно описано, как бобер купается, как охорашивается. В одном варианте этой песни рассказывается, как пришла к бобру лисица. Может быть, это песня о зверях? Но появляются охотники, они ищут бобра, разворачивается довольно длинный монолог профессионалов-ловцов, пришедших к речке за красивым мехом. Может быть, это охотничья песня? Опять ошибка: последние строчки меняют дело — охотникам мех нужен для шубки, а шубка для девушки, и в ней весь смысл сюжета. Вот конец песни:

Кунью шубу сшить, бобром обложить,
Бобром обложить, девку полюбить,
Девку полюбить, кунью шубу подарить.

Песня понемногу приближается к своей теме, приближается и снова задерживается, фраза перебрасывается из строки в строку. Начала песня издалека, рассказала про бобра, про охотников и внезапно, очень коротко, сообщила о своем настоящем предмете. Нарочно шуточно смещена перспектива, на переднем плане очень далекие от сюжета этой песни явления, они представлены широко, и только под конец выводится самое главное.

Разумеется, юмор народных песен связан не только с определенными темами. Народная песня вообще богата юмором. Он показывает, как много свободных сил хранится в народной душе и как охотно эти силы пользуются всякой возможностью найти для себя выход. Особое место занимают шуточные песни, под которые пляшут.

Народная пляска — это веселье огромного размаха, не знающее границ. Тексты плясовых песен обычно очень длинные, так как нет такого текста, который мог бы исчерпать настроение веселого народного празднества. Плясовая песня по природе своей есть нечто нескончаемое.

«Куманечек, побывай у меня» — песня-диалог, один уговаривает, другой отговаривается. Диалог этот в данном варианте оборачивается всего три раза, но юмор песни в том, что положить предел ей невозможно: кум так привередлив, что у него всегда найдется новое возражение, а кума так избретательна и настойчива, что всегда придумает новый способ, как помочь делу, и поэтому песня эта может длиться бесконечно.

Органическое свойство русских песен — их реализм. В них нет чувств выдуманных или надуманных, чувств ложных и сочиненных, чем так часто грешит лирика литературная. Душевные состояния в народной песне — это действительно пережитое, вылившееся в словах и в напеве с полнейшей искренностью. Поэтов привлекала в песне именно прямота и простота выражения, короткий путь от чувства к слову и звуку, прямой переход, без всякой оглядки на какие-либо литературные или музыкальные правила. У народной песни лирические поэты учатся благородной простоте и чистоте голоса, она помогает им освободиться от лирического сочинительства и преувеличения, от самолюбования, от умышленных эффектов. Реализм песни сказывается и в том, что она широко захватывает, втягивает в себя явления внешнего мира,

материальную, бытовую, социальную среду. По песне всегда видно, какими внешними впечатлениями она питается и какой социальный и личный опыт породил ее. Реальная почва песни обыкновенно включена в текст самой песни. Песня так легко и естественно входит в роман, в драму, в оперу оттого, что уже в самой себе она содержит повествовательные и драматические элементы. По песням можно узнать не только о том, как сам народ оценивает и воспринимает свой быт, но и самый этот быт показан в песне со всеми его социально-характерными положениями, с его характерной обстановкой и с конфликтами, ему присущими. Трудовая деятельность народа, многочисленные повседневные заботы отражены здесь с редкой силой и наглядностью. Они не описываются отдельно, умышленно. Они входят в само лирическое содержание песни. Бурлацкая песня «Эй, ухнем!» этому самый разительный пример. В ней нет никаких описаний, отрывочные строки «текста» обычно импровизируются, и здесь вся суть в постоянном припеве, сопровождающем работу. Песня как бы медленно раскручивается, с повторениями, с топтаньем на месте, она то приходит в движение, то подается обратно, и тем не менее все идет и идет вперед. Такова же здесь и мелодия, трудная и торжественная, широко текущая, но не плавно, а с толчками, с усилиями. В песне слышится, как тяжел подневольный труд, которому она сопутствует. И хотя поющие люди почти ничего не рассказывают и не описывают — их тяжкий труд,

сами они видны нам. Это поют люди сильной воли и сильного характера, рабочая песня звучит не только тоскою, она звучит и как песня победы, движение бурлаков в песне — шествие победителей. Скупые слова текста говорят о содружестве людей, совершающих общее усилие. Весь текст построен на гласных, на поющих звуках речи. Все внешнее, материальное претворилось в состояние души, в поющий человеческий голос, стало ритмической последовательностью слова и звуков.

Какими бы беглыми намеками ни определялся внешний мир в песне — он предстает перед нами; как бы ни были скупы детали — они чрезвычайно выразительны и уместны.

В русской песне постоянно и с огромной силой поэтического внушения изображается родная страна. Для песни внешний мир — это впечатления родины. Она всюду: в кусках пейзажа, которые включены в песню, в национальных нравах и обычаях, которые либо прямо воспроизводятся, либо подразумеваются. Особенно велико значение пейзажа: русские березы и русские ели, русский снег и русская весна с пчелкой, «отмыкающей» лето. В песню родная природа входит часто только отдельными образами, но за каждым таким образом угадывается весь родной край, со всем его пейзажем и складом жизни.

Песня любит великие русские реки, она прославляет Дон и Волгу. К ним в песнях обращаются, как обращаются к отцу, к матери — и с нежностью и с уважением.

Как ты, батюшка славный тихий Дон,
Ты кормилец наш, Дон Иванович!

По отчеству, то есть так, как именуют почтенного и старшего человека, обращаются к своей реке казаки; «матушка» — привычное название для Волги. Великие реки — это дорога через страну, реки соединяют один край с другим, они создают ощущение всего пространства родной страны. Шутливо и чуть-чуть пренебрежительно в песне затрагивают маленький город, где-то затерянный и значащий что-то лишь для своих обитателей:

Город не деревня, Пензенска губерня,
Пензенска губерня, Саратовска уезда!

(«Выйду за ворота, погляжу далеко»)

Но возвышенно-лиричны все упоминания о великой реке, так как это вся страна, это Россия. Так же и в той песне, где конь уговаривает убитого хозяина вернуться домой и торопит его догонять товарищей, уже ушедших «на Дон», — это обозначение является синонимом родного дома.

Родная земля, родина постоянно присутствует или подразумевается в народных песнях, и эта тема редко выступает самостоятельно. Однако есть песни, весь смысл которых — любовь к родине. Обычно такое яркое сознание родины сопутствует песням, в которых человек разлучен с нею, тоскует по родной земле, и ей он предан и телом и духом. Сюда относятся песни о бедствующих на чужбине, о пленниках, об отставшем в походе, который умоляет товарищей не покидать его одного в чужом краю. Такие песни о «чужой стороне» одновременно

и более всего являются песнями о родине, — к ней стремятся как к единственному источнику жизни, а существование без родины означает смерть, физическую и духовную.

Песни странствий и скитаний — песни о разлуке — один из поэтичнейших циклов народной лирики. Бродячая жизнь обычно здесь вынужденная. Покидают свой дом неволей или же когда надеются набрести на места, где живется свободней, легче, богаче. В этих песнях всегда слышится унылая нота — воспоминания о брошенном доме и о близких людях. Развязки этих песен печальны — искал счастья в скитаниях, в дальних походах, на окраинах родной земли и не нашел. И немало песен, где говорится об одинокой смерти на чужбине. Где-то «в диких степях» лежит «тело белое» — погиб то ли воин, то ли просто искатель вольной жизни; «за Кубанью за рекой» исходит кровью казак, при чьей одинокой смерти присутствует только верный конь; в степи Моздокской умирает молодой ямщик.

Удивительно красивы эти песни; в них нет ничего жалобного, слабого, их красота — спокойная, величественная красота. Песня о скитаниях и о скитальцах обыкновенно рисует то один, то другой край родной земли, она рассказывает и откуда началось скитание и чем оно кончилось. В такой песне к развязке ее как бы складывается единый сводный образ родной страны, в который входят пейзажные впечатления, нередко контрастные в отношении друг к другу. И этот единый образ родины вносит в песню красоту и спокойствие.

Песня «Горы Воробьевские» распадается на три отдельных картины: бесплодные горы «Воробьевские», где идет беседа орла и ворона о погибшем, степь «саратовская», где лежит его тело, и дом, где плачут о нем. В этой песне все три картины, мало сходные, каждая со своим особым настроением, постепенно связываются друг с другом. Места, люди, звери и птицы — все они существовали раздельно. Смерть скитальца объединяет их. Тут лежит его тело, а там, вдалеке, поминают его. Так и в песне «За Кубанью за рекой» — в одну картину входят и дальняя степь, где умирает казак, и дом со всеми домашними на тихом Дону. Тот же единый образ возникает и в песне о ямщике, перед смертью завещающем своей жене «полну волюшку, всю свободушку».

По мере того, как отдельные части русского пейзажа постепенно срастаются в единый, общий образ родины, меняется и лирический характер песни. Затихает, гаснет трагическая тема одинокой смерти и уступает место другой, более могущественной теме. Родина рисуется в песне во всей своей ширине и во всей своей необозримости. Родина — огромное поприще для человека. От него здесь требуются труды, подвиги, он может здесь найти все — не только гибель, но и удачу, счастье, в гибели его нет ничего непреложного.

При всем значении, которое имеют в народных песнях образы внешнего мира, они существуют, подчиняясь общему лирическому настроению. Здесь все говорит через эмоцию, все послушно эмоциональному языку ее. Через эмоцию, через

лирическое чувство песни говорят нам о человеке, о его исторической судьбе, обо всем, чем богата и чем живет его страна. Сама эта эмоциональность русской песни имеет свои характерные особенности. Она необыкновенно интенсивна, глубока, в нее вовлечены все силы и способности душевной жизни. Знаток и ценитель народной песни Н. М. Лопатин пишет о народных певцах, от которых он сам в 80-х годах прошлого века записывал песни: «Сильный, свободный голос как будто не знает себе предела и просится все на новые и новые музыкальные обороты». ¹ Характер исполнения соответствует и характеру песни — беспредельности, неисчерпаемости ее эмоционального содержания. Этим свойством наделены в равной степени и мужские и женские песни. Среди русских лирических песен песни от женского имени и о женской судьбе занимают видное место. Записанные тексты песен доказывают, что Россия богата и народными поэтами и народными поэтессами. Женские песни душевной энергией, силой лирического напора не уступают мужским. В них в то же время часто еще сильнее звучит трагическая нота — отголосок тяжкого бытового положения женщины, того гнета, которому подвергалась она в патриархальной семье, особенно во времена феодально-крепостнические.

Особенностью поэтического искусства народной песни является то, что все вошедшее в песню эмоционально окрашивается. Если такое превращение

¹ Н. М. Лопатин и В. П. Прокунин. Сборник русских народных лирических песен, ч. 1. М., 1889. стр. 92—93.

зрительного образа в эмоциональный характерно для всякой лирики, то народная песня отличается здесь особой смелостью. В песне особо выделяются некоторые подробности зрительного образа. Красота, доступная глазу, оказывается знаком красоты душевной, доброты, нежности, благородства. Известная, когда-то участвовавшая в старинном свадебном обряде песня об олене с золотыми рогами настойчиво твердит об этих золотых рогах. Молодец в песне собирается подстрелить оленя, тот молит о пощаде и обещает прийти к нему на свадьбу.

Златыми рогами, златыми рогами
Весь двор освечу,
Песню спою, песню спою,
Всех гостей взвеселю,
Пуще того, пуще того
Невесту твою.
(«Во поле олень, во поле олень»)

Зрительный образ — олень с золотыми рогами — раскрывается в песне как образ лирический. Его золотые рога не только признак внешней красоты, они сами источник света — «весь двор освечу», — источник радости и нежного лиризма. Прекрасный олень поет веселую песню милой невесте охотника, чтобы отвлечь ее от горестного оплакивания своей девичьей воли, чтобы развеселить ее.

История прекрасного оленя полней разработана в другой песне, принявшей эпические черты и уже не имеющей отношения к свадебному обряду. В этой песне («Из-за леса было, леса темного»)

перед нами раскрываются основания народной эстетики.

Охотник снарядился на охоту по-праздничному. Его винтовочка — «легкая турочка», «златом-серебром изусечена, мелким жемчугом изунизана», дело охоты для него не труд, а забава. Он — «млад охотничек, млад гулебщик». Перед ним бежит, как он сам, нарядная добыча —

Олень белая, златорогая,
Златорогая, златобокая.

Происходит как бы переключка образов: в руках охотника изукрашенная легкая винтовочка, а добыча его — изукрашенная «белая олень». Охотник прицеливается, точно стрелять ему не в живое существо, а в расписанную красками, условную мишень. И вдруг «белая олень» заговорила, ожила, ее речь — речь страдающей матери; она нежно и проникновенно просит не трогать ее, не сиротить ее детей — оленяточек. Этой мольбой оканчивается песня. Вероятно, мать оленяточек убедила охотника. Наверное, она убедила тех, кто слушал песню: это язык живого прекрасного существа, с которым хотели обойтись как с неживой вещью. Равенство между изукрашенной «легкой турочкой» и «златобокой оленью» разрушено, в красоте «златорогой, златобокой олени» заговорила душа, на эту красоту не поднимется рука.

Обычно в песнях говорится о людях, в зачине же песни идет речь о животных, о птицах, но среди русских песен имеются и песни, где вовсе не уча-

ствуют люди. Такова песня «Да по морюшку, да было по морю по Верейскому». В ней действуют только птицы: сокол и лебедушка с лебедятами. Но это песня на человеческие темы — о силе чувства, о силе вдовьего горя, о материнской любви. Мы не видим здесь людей в их обычном облике — лебеди заслонили людей, но в этой песне слышится человеческий голос. В песне устраняются все внешние подробности человеческого быта и сохранено в чистейшем виде лирическое содержание этого быта. И образы, заменяющие живых людей, взяты не откуда-нибудь издалека, они из русской природы. Лебеди, сокол — для русской поэзии хорошо знакомые, свои птицы. Поэтому, несмотря на то, что драма изложена речью косвенных образов, все обаяние национального быта сохраняется — голоса, которые здесь слышатся, — голоса с родной земли, голоса родных существ.

Особо следует отметить стихотворные размеры, которыми пользуется русская песня. Ритмический принцип песни чисто тонический: он основан на количестве ударений в стиховой строке, а в промежутках между ними количество неударных слогов может колебаться, причем и количество ударений в строке не соблюдается строго; например, в песне могут преобладать строки с тремя ударениями, что не исключает четырех ударений в иных из них. Песня всегда поется, существует совместно с музыкой. Тонический стих по своей природе соответствует потребностям напева, музыкального сопровождения. Недаром русские лирические поэты с особым вниманием отнеслись к строю народного

стиха и под его воздействием привили книжной поэзии тонические принципы. Ритм в народной песне подвижен, в припеве он иной, чем в основном тексте, что усиливает лирическую выразительность припева.

Слова в народных песнях выбраны тоже согласно природе лирического искусства. Слова, определяющие свойства вещей, не могут быть здесь безразличными. Они прямо или косвенно проникнуты эмоциональным содержанием.

Возле речки, возле мостика
Трава росла,
Трава росла шелковая,
Шелковая, муравая, зеленая.
И я в три косы косила
Ради гостя,
Ради гостя, ради друга,
Ради гостя, ради друга дорогого.

«Друг дорогой» — центральная лирическая тема в этой песне, подчиняющая себе всё вокруг. Поэтому и трава, которую косят для друга дорогого, — трава шелковая, муравая.

В народных песнях часты уменьшительные, ласкательные суффиксы. Они отнюдь не всегда означают любовное отношение к предмету, таким суффиксом отмеченному. Но они подчеркивают особо эмоциональное восприятие мира, свойственное лирической песне.

В песне выдвигаются слова, имеющие сходное эмоциональное значение, для того чтобы при этом

слово дало все, что может, не стираясь, не будучи закрыто другим.

Что на молодце была рубашка,
Тонка, беленька была бумажна,
Во крови-то она была, кумашна,
Во грязи-то она была, китайна.

(«Край дорожки, край широкой было московской»)

Здесь обособлены, выдвинуты каждое отдельной строкой стиха определения: бумажна, кумашна, китайна... Как материальные определения, они исключают друг друга, но в песне имеется в виду другое — их эмоциональная связь. Главное из этих определений, самое действенное в эмоциональном своем содержании, находится в третьей строке: «во крови-то она была, кумашна». Остальные либо готовят к нему, создают подход к нему, либо являются отзвуком его.

При исполнении песни наиболее значительные слова подчеркиваются тем, что слово подчас не допеваётся, обрывается на половине, затем его снова начинают и допевают, так сказать, окончательно и наверно. Слово складывается у нас на глазах, при хоровом пении его поет сначала один голос, затем его подхватывают, утверждают другие певцы:

На речушке Волге-ма... на речушке Волге-
матушке.

(«Не шуми и не бушуй»)

В комических песнях часто обратное явление — в плясовой песне слово ломается, дробится и обезличивается:

...ворота скрипучи-пучи-пучи-пучи...

(«Куманечек, побывай у меня»)

На примере комической песни видно, насколько народная поэзия дорожит полновесным словом, ясным по своему фонетическому и внутреннему строю. Именно нарушение этих требований к слову создает комизм, пародию. Слово, в котором выделены, подчеркнуты какие-то его части, слово, в котором нарушены фонетические пропорции, слово, потерявшее свою цельность, свой привычный звуковой облик, а вместе с ним и свой внутренний смысл, — это и есть нужное для особых целей комической песни забавно-уродливое слово.

Старинная русская песня почти не пользуется рифмой, особенно рифмой систематически проводимой. Но там, где в песне применяется рифма, она тоже служит лирическим целям.

Милый отплывает по реке:

Суденышко за лесок,
А я, млада, в голосок;
Суденышко во пучину,
А я, млада, во кручину.

(«По улице мостовой»)

При помощи рифмы здесь выдвинуты слова, эмоциональное значение которых очень велико в

песне: «в голосок», «во кручину». Задача этих рифмующихся, заключительных слов — подчеркнуть, усилить грустную окраску песни.

Сюжетное изложение тоже подчиняется законам лирического искусства. Они определяют, с чего начать рассказ, что особо выдвинуть и где остановиться. В песне совершенно не обязательно излагать всю историю от завязки до развязки; здесь выбирается только эмоционально значительное, нет стремления рассказывать подряд, без пропусков, как это свойственно эпосу. В песне рассказывается, как казак искал в поле ночлега, как заночевал под кусточком-полыночком. Выдвинут только диалог казака с кусточком-полыночком, диалог эмоциональный, за которым угадывается удальство и тоска по дому, счастье вольной воли и печаль горького одиночества. Песня в большем и не нуждается. Ей незачем рассказывать, что еще росло в поле и росло ли, и откуда пришел казак, и от кого спасается. В песне не нужно ставить слушателя в известность о том, как прошла ночь и что случилось с казаком дальше.

Отсюда не следует, что лирическая песня обрывочна, хаотична. Она имеет свою законченность, но особую, лирическую, отличную от законченности, которой мы ждем от эпического повествования. Когда создана эмоция, ради которой сложили песню, то песня исчерпана, хотя, быть может, фабула, рассказ о событиях, вошедших в песню, не исчерпаны еще. Во многих случаях досказывать фабулу после того, как определилось лирическое содержание, значило бы портить песню. Закончен-

ность лирической темы и законченность фабулы далеко не всегда совпадают. Однако же в лирическом содержании песни получают отклик не только те события, которые прямо и непосредственно в песне показаны или упомянуты, — часто и прошедшие события и предвосхищение событий будущих тоже включены в это лирическое содержание. Наглядно и непосредственно в песне представлено лишь немного, но из лирического настроения песни угадывается все. Песня о скитальце может говорить только о его смерти, но она заставляет нас угадывать весь его путь и даже то, почему он выбрал этот трудный путь бездомного человека. По песне, провожающей милого, который отплывает по реке, угадывается, что девушка никогда больше с ним не встретится, — так резок здесь голос печали и столько отчаяния в этом голосе. Особое умение лирической песни состоит в том, что, выхватывая только отдельные куски народной жизни, она умеет своим лирическим светом осветить эту жизнь далеко и широко.

Песня является гордостью русского народа. Она свидетельствует о его духовной и художественной одаренности, о его великом историческом призвании. Русский народ узнается в его песнях: вольных, мужественных, бесконечно талантливых.

Е. Лопырева

**ПЕСНИ, СВЯЗАННЫЕ
С НАРОДНЫМ КАЛЕНДАРЕМ**

Весна красна,
На чем пришла?
— На жердочке,
На бороздочке,
На овсяном колосочке,
На пшеничном пирожочке.
А мы весну ждали,
Клочки допрядали.
Летел кулик
Из-за моря,
Принес кулик
Девять замков.
«Кулик, кулик!
Замыкай зиму,
Замыкай зиму,
Отпирай весну —
Теплое лето».

Ты, пчелынька,
Пчелка ярая!
Ты вылети за море,
Ты вынеси ключики,
Ключики золóтые.
Ты замкни зимыньку,
Зимыньку студеную!
Отомкни летечко,
Летечко теплое,
Летечко теплое,
Лето хлебородное!

И ё! иё!
Березонька,
Завивайся, березка,
Завивайся, кудрява.
К тебе девки идут
Со яшенками,
Со кукоричками
Со сдобными.
Где девки шли,
Там рожь густа,
Где ребята шли,
Там и пастбище.

А мы просо сеяли, сеяли;
Ой, дид-ладо, сеяли, сеяли!
А мы просо вытопчем, вытопчем;
Ой, дид-ладо, вытопчем, вытопчем!
А чем же вам вытоптать, вытоптать?
Ой, дид-ладо, вытоптать, вытоптать!
А мы коней выпустим, выпустим;
Ой, дид-ладо, выпустим, выпустим!
А мы коней перейем, перейем;
Ой, дид-ладо, перейем, перейем!
А чем же вам перенять, перенять?
Ой, дид-ладо, перенять, перенять!
А шелковым поводом, поводом;
Ой, дид-ладо, поводом, поводом!
А мы коней выкупим, выкупим;
Ой, дид-ладо, выкупим, выкупим!
А чем же вам выкупить, выкупить?
Ой, дид-ладо, выкупить, выкупить!
А мы дадим сто рублей, сто рублей,
Ой, дид-ладо, сто рублей, сто рублей!
Нам не надо тысячи, тысячи;
Ой, дид-ладо, тысячи, тысячи!
А что же вам надобно, надобно?
Ой, дид-ладо, надобно, надобно!
Нам-то надо дэвицу, дэвицу;
Ой, дид-ладо, девицу, девицу!

А нашего полку убыло, убыло;
Ой, дид-ладо, убыло, убыло!
А нашего полку прибыло, прибыло;
Ой, дид-ладо, прибыло, прибыло!

Кто с нами, кто с нами
Пашенку пахати,
Кто с нами?
Мы с вами, мы с вами
Пашенку пахати,
Мы с вами!

Кто с нами, кто с нами
Жито засевати,
Кто с нами?
Мы с вами, мы с вами
Жито засевати,
Мы с вами!

Кто с нами, кто с нами
Жито косити,
Кто с нами?
Мы с вами, мы с вами
Жито косити,
Мы с вами!

Кто с нами, кто с нами
Жито вязати,
Кто с нами?
Мы с вами, мы с вами
Жито вязати,
Мы с вами!

Кто с нами, кто с нами
Жито возити,
Кто с нами?
Мы с вами, мы с вами
Жито возити,
Мы с вами!

Кто с нами, кто с нами
Жито молотити,
Кто с нами?
Мы с вами, мы с вами
Жито молотити,
Мы с вами!

Кто с нами, кто с нами
Жито перьвявати,
Кто с нами?
Мы с вами, мы с вами
Жито перьвявати,
Мы с вами!

Кто с нами, кто с нами
Солод солодити,
Кто с нами?
Мы с вами, мы с вами
Солод солодити,
Мы с вами!

Кто с нами, кто с нами,
Кто пиво варити,
Кто с нами?
Мы с вами, мы с вами,
Мы пиво варити,
Мы с вами!

Кто с нами, кто с нами,
Кто сына женити,
Кто с нами?
Мы с вами, мы с вами,
Мы сына женити,
Мы с вами!

Ж али мы, жали.
Жали-пожинали,
Жнеи молодые,
Серпы золотые,
Нива долгоня
Побстать широкáя.
По месяцу жали,
Серпы поломали,
В краю не бывали,
В краю не бывали,
Людей не видали.

За рекой огонь горит,
На скамье девка сидит.
Калёда-малёда!

Русу косу плетет,
Приговаривает.
Калёда-малёда!

Ты расти, расти, коса,
До шелкова пояса. . .
Калёда-малёда!

**ПЕСНИ
О ЧУЖОЙ СТОРОНЕ**

Ты взойди, ты взойди, красное солнышко,
Над горою взойди над высокою,
Над ущельями взойди над глубокими,
Над лесами взойди над дремучими,
Над долинами взойди над широкими,
Над лугами взойди над зелеными,
Над родимой взойди над сторонущкой!

Сторона ль моя, ты сторонущка,
Сторона ль моя незнакомая,
Незнакомая, невеселая!
Как не сам-то, не сам я, добрый молодец,
Как не сам-то, не сам я зашел-заехал, —
Занесла-то меня служба царская...

Сторона ль ты моя, вот моя сторонушка,
Сторона ль моя чужая, ой, вот чужая!
Да не сам я на тебя, вот моя сторонушка,
Не сам я зашел-заехал, ой, вот заехал.
Занесла-то меня, да доброго молодца,
Занесла меня неволя, ой, вот неволя!
Да неволен я был, да я, добрый молодец,
Неволен я был, кручинен, ой, был кручинен,
Да никто-то, никто про мою кручинушку,
Никто про нее не знает, ой, вот не знает;
Только знает про нее, про мою кручинушку,
Сердечушко ретивое, ой, ретивое.
Ой да как закрытое ты, мое сердечко,
Закрыто грудью белою, ой, грудью белою;
Запечатанное, вот мое ретивое,
Оно только думой крепкою, ой, думой
крепкою...

А х ты, ноченька, ночка темная,
Ты темная ночка осенняя!
Как мне ноченьку коротать будет,
Как осеннюю проводить будет?
Нет ни батюшки, ни матушки,
Нет ни братца, ни родной сестры...
Ты, детинушка-сиротинушка,
Бесприютная твоя головушка,
Кто тебя породил, молодца,
И кто тебя вспоил-вскормил?
— Воспоил-вскормил Ярославль-город,
Возлелеяла Волга-матушка река,
Научили люди добрые меня,
Породила ж родная матушка,
Пустила на свет горе мыкати.

Седина ль моя, сединушка,
Седина моя молодецкая!
Ты к чему рано появилась,
Во черны кудри вселилася?
Ах ты, молодость, моя молодость,
Ах ты, молодость молодецкая!
Я не чаял тебя измыкати;
Ах, измыкал я свою молодость
Не в житье-бытье богачестве —
Во проклятом одиночестве;
Изошел-то я, добрый молодец,
С устья до вершинушки
Всю сибирскую сторонушку!
Не нашел-то я, добрый молодец,
Ни батюшки, ни матушки,
Ни братьев-то, ясных соколов,
Ни сестриц-то, белых лебедушек,
А нашел-то я, добрый молодец,
Полоняночку красну девицу.

Пролежала во поле дороженька;
Шириной она, дороженька, она не широкая,
Долиной-то она далекая.
Никто-то, никто по этой дороженьке
не проезживал;
Ни конного, ни пешего по ней следу нету.
Проезжал по этой дороженьке удал добрый
молодец;
Под ним добрый конь, его добрая лошадушка,
Худым она худенька, она притомленная
да припотненная.
Пристигла его, доброго молодца, темная
ноченька;
Сворачивал он, добрый молодец, со пути-
дороженьки,
Приворачивал он, добрый молодец, к кусточку
горькому полыночку.
«Ты позволь, ты позволь мне, кусточек, ночку
ночевать!» —
«Ты ночуй, ты ночуй, добрый молодец, ночуй,
не убойся!»
Постелюшка тебе, доброму молодцу, — что
ковыль-травушка,
В изголовьице тебе — сам кусточек,
Часовые тебе, доброму молодцу, — частые
звездочки,
Коню твоему, добрый молодец, коню — серые
волки!»

Как в поле шлях-дороженька пролегала,
Она не широкая, в длину конца-края не было.
Как по этой-то дороженьке шел млад донской
казак.

Он шел, оглядался, приглядал в поле себе
товарища.

С дорожки добрый молодец сворачивал:
«Бог помощь тебе, кусточек полыночек!
Прикажи мне, кусточек, ночку ночевать!» —
«Ночуй, ночуй, молодец, ночуй, разудаленький!
Вот тебе постелюшка — ковыл-травушка,
А высокие изголовьица — полыночек,
Как и теплое одеялице — темная ночушка,
Шитый-браный положочек — частые звезды,
Как и крепкий караульщик тебе —
светел месяц!»

Свети, свети, батюшка светел месяц,
во всю темную ночушку!

Я всю ночь, млада, не спала,
Ничего, млада, не слыхала,
Как буйны ветры шармовали,
С высока терема верхи посорвали,
В чисто поле поносили,
Ко белу шатру становили.
А в белом шатре злой татарин,
Красная девушка-полоняночка
Сильно добре плачет,
Татарин ее унимает:
«Ты не плачь, не плачь, красная
девушка,
Мы сошьем тебе лисью шубу,
На буйну головушку кунью шапку,
На резвы ножки красны сапожки,
На белые ручки рукавички». —
«Изотлей та кунья шуба,
Пропади та шапка...
Пусти меня к отцу, к матери».

У государыни матушки
Нас было три дочери,
Три было хорошие.
Одну дочку отдали
В село за боярина;
Другу дочку отдали
В Москву за подьячего;
Третью дочку отдали
В Орду за татарина.
Одна дочь приехала.
«Ты не плачь, моя матушка,
Не тужи, государыня!
У моего у боярина,
На его на новых сенях,
Там сидят слуги верные,
Они льют кольца золоты
На мои руки белые,
На мои руки нежные».
С Москвы дочь приехала.
«Ты не плачь, моя матушка,
Не тужи, государыня!
У моего у подьячего,
На его на новых сенях,
Там сидят слуги верные,
Они шьют платье цветное

На мое тело белое,
На мое тело нежное».
С Орды дочь приехала.
«Ты поплачь, моя матушка,
Потужи, государыня!
У моего у татарина,
На его на новых снях,
Сидят слуги неверные,
Плетут плети ременные
На мое тело белое,
На мое тело нежное».

На море орел,
На море орел с соколами говорил:
Полетай, сокол,
Полетай, сокол, на родиму сторону,
Спроведай, сокол,
Спроведай, сокол, об родителях моих,
Живы ли они,
Живы ли, здоровы ли родители мои;
Тужат ли они,
Тужат ли, горюют по мне, горькой сироте?
Я ли, сирота,
Я ли, сирота, на чужой стороне,
Плакать я не смею,
Плакать я не смею, тужить мне не велят;
Только мне велят,
Только мне велят потихохоньку вздыхать.
Выйду я на горку,
Выйду я на горочку, на крутенькую;
Погляжу я в поле,
Погляжу я в поле — из очей слезы текут;
Вздумаю бежать,
Вздумаю бежать — мои ноженьки нейдут;
Вздумаю нанять,
Вздумаю нанять — у меня ли денег нет;
Рада бы лететь,
Рада бы лететь — у меня ли крыльев нет!

Уж вы, горы мои, горы Воробьевские,
Ничего вы, горы, ничего не породили,
Породили горы один бел-горюч камень.
Из-под камушка течет, течет быстра реченька,
Как на этой на реке стоит куст ракитовый,
На кусту том сидит, сидит млад сизой орел,
Во когтях держит, держит черна ворона.
Он и бить его не бьет, все выпрашивает:
«Где ты, ворон, братец, был, где полетывал?» —
«Уж и был я на дикѣх, на дикѣх степях
на саратовских,
Уж и видел я там, видел чудо дивное:
Там лежит, лежит тело белое.
Никто к тому телу, никто не подступится.
Как вокруг того тела выются лишь три ласточки.
Как и первая ласточка — его родна матушка,
А другая ласточка — его сестра родная,
Как и третья ласточка — его молода жена.
Как и мать по нем кричит, что быстра река течет.
А сестра по нем кричит, что с горы ручьи текут.
А жена по нем кричит — словно утрешня роса:
Как и солнышко взойдет — роса высохнет».

Край дорожки, край широкой было
московской,

Тут стояла зелена елинка.
Не толстая, собою ровная,
Со вершиночки до самого корня.
Что на этой было елинке,
Что на самой было на вершинке,
Тут сидела дорогая пташка,
Горе-горькая бедна кукушка.
Не кукует, все бедна горюет,
Жалобнешенько, слезно причитает,
Под елинушку сама взирает:
Под елинушкой лежит молодчик,
Не убит он лежит, не застрелен —
Вострой сабелькой весь он изрублен.
Что на молодце была рубашка,
Тонка, беленька была бумажна,
Во крови-то она была, кумашна,
Во грязи-то она была, китайна.
Тут спроговорит душа молодчик:
«Уж ты, мамушка, зелена елина!
Опусти ты свое прутьё-витьё!
Ты прикрой мое тело белое,
Чтобы дождиком тело не мочило,
Красным солнышком тело не сушило,
Чтобы звери тела не терзали,
Чтобы вороны тела не клевали».

За Кубанью за рекой, там казак гулял;
Не один казак гулял, со товарищем.
Как товарищ-то его — развороный резвый конь,
Оборонушка его — шашка вострая.
Из вострой он шашечки огонечек воскривал,
Огонечек воскривал, ковыль-травоньку рвал,
Ковыль-травоньку рвал, на огонечек ее клал;
Клал он, пораскладывал, свои раны казак
перевязывал, приговаривал:
«Уж вы, раны мои, раны растяжелые мои!
Тяжелым вы тяжелы, к ретиву сердцу пришли,
К ретиву сердцу пришли, алой кровью изошли».
Перед смертью он, казак, стал коню наказывать:
«Уж ты, развороный мой конь! Оборви-ка ты
шелков чумбурик,
Оборви-ка шелков чумбурик, сломай-ка дубов
прикол.
Ты не слушай, конь, где шум шумит,
И не гляди, где вода-то бежит,
Ты беги-ка, конь, по дороженьке вдоль,
По дороженьке вдоль к нам на тихий, славный
Дон,
К нам на тихий, славный Дон, где живет мой
батюшка родной.
Ты ударь-ка, конь, во воротечки:
К тебе выйдет старый старичонечек, родный
батюшка мой,

Туманы вы, мои туманушки, туманы вы мои
 разосенные!
 Не подняться ли вам, туманушкам, со синя моря
 долой,
 А нам, разудалым казаченькам, со чиста поля
 домой. . .
 Ты, печаль ли моя, кручинушка, зла мучительна
 тоска,
 Не отстать ли тебе, кручинушка, от ретива
 сердца прочь. . .
 Как вечер ночесь мне, добру молодцу, ночка темна
 не спалась;
 Как вечер ночесь мне, добру молодцу, много
 виделось во сне:
 Будто я убит, добрый молодец, на Бухарской
 на стороншке,
 Близ Индерских гор, у Яикушки;
 Будто я лежу, разудаленький, на дикой степи,
 А постелюшка мне, добру молодцу, — ковыль-
 травка постлана,
 Изголовьице мне, разудалому, — бел-горюч камень
 лежит,
 Одеялице мне, добру молодцу, — темна ночка
 надо мной;
 Мои резвы ноженьки — вдоль дороженьки лежат,
 Мои белы рученьки — врозь разложены,

Кудри мои русые — буйным ветром разнесло;
Очи мои ясные — желтым песком засыпаны;
Тело мое белое — черны вороны клюют;
Сквозь костей-то моих, ребрышков, трава-мурава
растет;
Ретиво мое сердечушко — змея лютая сосет.

У ж ты, степь ли моя, степь Моздокская,
Степь Моздокская!
Широко ли, далеко, степь, ты протянулася,
Протянулася,
От Саратова ты, степь, до села Царицына,
До Царицына!
Пролежала по степи большая дороженька,
Дорожка широкая...
Проезжали по ней молоды извозчички,
Молоденькие;
Как лошадки у них буланные,
Все буланные;
Хомуты-то у них серебряны,
Серебряны;
Как узды-то на них все наборные,
Все наборные;
Как тележки-то у них все шиновные,
Все шиновные...
Солучилося у них несчастьеце,
Да не малое:
Захворал да занемог у них добрый молодец,
Млад извозчичек...
Он просил-то, он просил своих товарищей,
Товарищей:
— Ах вы, братцы вы мои, вы друзья-товарищи,
Товарищи!

Не покиньте вы, братцы, моих вороных коней,
Вороных коней!
И свезите вы, братцы, батюшке низкий поклон,
Низкий поклон,
Родной матушке челобитьице,
Да челобитьице,
Малым детушкам мое благословеньице,
Благословеньице,
Молодой моей жене полну волюшку,
Всю свободушку!

Ой да как под славною было все под Журжею,
Да под Журжею,
Ой да ну стояла али, там стояла
Она Шат-гора!
Ой да под горою лежала долинушка,
Очень широка,
Ой да по долине бежала тропинушка,
Очень далека.
Ой да на тропинке выросла березынька,
Она зелена.
Ой да ну с кореня она, березынька,
Шеплеватая.
Ой да с макушечки она, березынька,
Кудреватая,
Ой да под березой вырыта могилушка,
Она глубока.
Ой да во могиле лежит тело белое
С Дону казака.
Ой да его буйная будто головушка,
Она пробита.
Ой да во руках-то его винтовочка,
Она замерла.
Ой да пика длинная, она к ноженькам
Будто прилегла.

Ой да его коник, добрый конь служивьский
Во ногах стоит.

Ой да пробуждает он своо хозяина
Все любезного:

— Ой да уставай же, уставай, хозяин,
Нам домой пора, —

Ой да все товарищи, любезный хозяин,
Все на Дон пошли!

ПЕЧИ ВОИНСКІЕ

А вскрикнули да два лебедя
Посеред моря да на камушку:
«Ох, и дай боже, дай половодье,
Чтобы нам на бережку покупаться
И желтого песку позобаться!»

Как ускрикнули да два молодца
Посеред поля да на площади:
«Ой, и дай боже, дай замиренье,
Чтобы наши цареви замирились,
Чтобы нам на площади постояти
И на белый свет поглядети!»

С гор вода бежит, с гор по камушкам,
С гор по камушкам, по ступенушкам,
По новым сеням, по решетчатым.
Всем господам, всем князьям слуги дадены;
Моему ж дружку слово сказано,
Чтобы мой милый наперед ишел.
Всем господам, всем князьям кони дадены;
Моему ж дружку коня не дали.
Ах, милой, милой, ты возьми меня,
Заложи меня,
Заложи меня и купи коня!
Все господа, все князья домой съехались,
Моего ж дружка дома нетути...
Шелковы повода в грязи вымараны,
Острая сабелька из рук вывалилась...

Бережочек зыблется,
Да песочек сыплется,
А ледочек ломится,
Добры кони тонут,
Молодцы томятся.

Ино боже, боже,
Сотворил ты, боже,
Да и небо-землю,
Сотвори же, боже,
Весновую службу.

Не давай ты, боже,
Зимовые службы,
Зимовая служба —
Молодцам кручинно
Да сердцу надсадно;

Ино дай же, боже,
Весновую службу.
Весновая служба —
Молодцам веселье,
А сердцу утеха.

А емлите, братцы,
Яровы весельца;

А садимся, братцы,
В ветляны стружочки,
Да гренимте, братцы,
В яровы весельца,
Ино вниз по Волге!
Сотворил нам боже
Веснову службу.

Как бежал-то, бежал молодой невольник,
Бежал-то он из неволи
Как из той-то орды из далекой.
Прибежал-то молодой невольник к реченьке он
Дунаю.

На ту пору, на то время Дунай становился,
Как он тоненьким ледком сверху затягался
И беленьким снежком пушистым покрывался.
Не нашел-то молодой невольник себе переправы,
Переправы и переходу он, мелкого броду.
Становился же молодой невольник на крутенький
бережочек,

На крутенький бережочек, на сыпучий песочек.
Как ставши на песочек, он горько заплакал:
«Сторона ль ты, моя сторонushка, сторона милая!
Видно мне, сторонushка, на тебе не бывать,
На тебе не бывать, отца, мать не видать».

Чем-то наша славная земелюшка распахана?
Не сохами-то славная земелюшка наша распахана,
не плугами —
Распахана наша земелюшка лошадиными копытами;
А засеяна славная земелюшка казацкими
головами. . .
Чем-то наш батюшка славный тихий Дон
украшен?
Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами.
Чем-то наш батюшка славный тихий Дон цветен?
Цветен наш батюшка славный тихий Дон сиротами.
Чем-то во славном тихом Дону волна наполнена?
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими,
матерними слезами. . .

Как ты, батюшка славный тихий Дон,
Ты кормилец наш, Дон Иванович!
Про тебя лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая.
Как бывало ты все быстер бежишь,
Ты быстер бежишь, все чистехонек;
А теперь ты, кормилец, все мутен течешь,
Помутился ты, Дон, с верху до низу!
Речь возговорит славный тихий Дон:
«Уж как-то мне все мутну не быть?
Распустил я своих ясных соколов,
Ясных соколов донских казаков,
Размываются без них мои круты бережки,
Высыпаются без них косы желтым песком!»

Ой вы, станы мои,
Станы мои теплые,
Станы мои развеселые,
Ой, развеселые!
Лужочки вы зеленые,
Ой, вы широкие!
На этих-то на лужочках
Стоят они, леса темные,
Ой, леса темные!
Во тех во лесочках
Сидят два братца родимые,
Ой, два родимые!
Сидели, ружья чистили,
Между собой разговор вели,
Ой, разговор вели:
Нам завтра, братец, во поход идти
В чужедальнюю сторонушку.

Служба явлена в поход.
Как со вечера добрый молодец коня своего ловил,
Ко полуночи седельцем оседлал,
Ко белой-то заре с широка двора съезжал.
Как никто-то его, доброго молодца, провожать
нейдет:
Ни батюшка его, ни матушка его, ни роду его,
ни племени.
Провожала его, доброго молодца, молодая жена,
Провожала его, доброго молодца, слезно плакала
по нем;
В слезах-то ему, молодцу, словечушко молвила:
«Ты вернись-воротись, душа добрый молодец,
Воротись, душа, назад!
Уберу-то я доброго молодца хорошононько,
Провожу-то я тебя, доброго молодца,
далекононько!» —
«Уж ты, глупая, да ты неразумная, молодая
моя жена!
Как все-то они, друзья мои, во строю стоят,
Как меня-то они, доброго молодца, дожидаются!»

«У ж ты, сад, ты мой сад, сад зелененький,
Почему ж ты, мой сад, да не рясно цветешь,
Да не рясно цветешь, осыпашься?
Ты куды, мой милой, собираешься?
Чи у ход, чи в поход, чи в дороженьку?» —
«Я не в ход, не в поход, не в дороженьку,
Собираюся я у солдатушки!» —
«Заночуй у меня хотя ноченьку!» —
«Уж я рад ночевать всю неделюшку,
Да боюсь же я начальника!» —
«Ты не бойся, милой: я рано встаю,
Я рано встаю и тебя узбужу! . .
Уставай, мой милой! Кочеты кричат,
Кочеты кричат, барабаны бьют,
Барабаны бьют, солдаты идут!»

Не сизы орлы солеталися —
Два братца родные во чистом поле соезжались,
Родною роднею сознавались,
Белыми руками обнимались,
Во сахарны уста целовались.
Как меньшой брат большому речь возговорил:
«Где-то мы, братец, темную ночь ночевать
будем?» —
«Заночуем под сырым дубом, дубочком
зелененьким».

Белыми ручками снежок разгребали,
Сабелька о сабельку огонюшек вырубали,
Калеными стрелочками огонь разводили,
Кровавые ноженьки к огню пригревали.

Во дикой-то степи пролегивала большая
дороженька,

Шириной-то она не широкая,
Долинкой-то она — конца-краю нет.
Как никто-то по ней не прохаживал,
Никто следил по ней не прокладывал,
Только шли-то, прошли удалы казаченьки.
Позади-то бежит сивый резвый конь;
Как седельце на нем черкесское набок сбилося,
Потнички-то белы поярчаты они все повыбились,
Как стремянушки его булатные они по копытам
бьют,
Как уздечку свою тесьмяненькую на ушке пронсс.
За конем-то бежит раздушечка добрый молодец,
Добрый молодец, удалой-то казак;
Он бежит-то, бежит, раздушечка, сам рукой машет,
Он рукой-то машет, голосом кричит:
«Уж вы, братцы мои, вы станичники!
Не спокньте меня во дикой степи,
Во дикой-то степи, в азиатской стороне».

Матушка красно солнышко,
Со светлым месяцем оно порассорилось,
Называло его, светлого месяца, вот его

изменщиком:

«Ты изменник, батюшка светел месяц!
Светишь ты со вечера, светел месяц,
Ко полуночи да ты примеркаешь;
Потакаешь ты, батюшка светел месяц,
По ворам, по плутам да ты по разбойничкам!»
Как воздалече было, ей, воздалече во чистом-то

поле,

Было во синем море.

Что не белая лебедушка она во пролет летит,
Что не красная-то девушка она из плена бежит,
За ней гонят, за красной девушкой, за ней-то
в гонь гонят.

Выбегает она, красная девушка, на быстрый
Терек,

На крутой берег;

Что кричит-то она громким голосом:

«Перевозчики мои, перевозчики, вы гребенские
казаки!

Перевезите меня, красную девушку,

Перевезите на свою сторонушку!»

Воздалече было, воздалеченько,
Пролегала там дорога она не широкая,
Длининою та дороженька — конца-краю нет.
Как никто по той дороженьке не хаживал...
Как один-то раз выбегает по ней душа добрый
конь,

Черкесское седелечко на боку несет,
Полуженые стремянушки по копытцам бьют,
Тесьмяные уздечушко на правом ухе,
Шелковые поводья ноги путают.
А за ним-то бежит млад донской казак.
Воскричит-то он, возопит своим громким голосом:
«Ты постой-подожди, душа добрый конь!
Могуты моей нет идти пешему:
Истомили меня, добра молодца, раны кровавые,
Разломило мне могучи плеча ружьецо турецкое!
Подожди ты меня, лошадь верная,
Довези ты меня да на тихий Дон,
К отцу-матери, молодой жене,
Малым детушкам!
Как отец-то и мать, молодая жена будут холить
тебя,

Приговаривать:
«Да спасибо тебе, лошадь верная,
Что ты вывез нам нашего болезного!»

Панья пану да говорила,
Говорила, приказала:
«Ты пойдешь ли, мил, на службу,
Возьми меня с собою!
Не возьмешь меня с собою —
Возьми мою кручину.
Завяжи мою кручину
Доброму коню в гриву,
Ты развей мою кручину
По чистому полю,
Ой да по чистому да по полю,
По синему морю.
Взойдет моя кручина
Да ни рожь, ни пшеница.
Да ни рожь ли, ни рожь, ни пшеница —
Трава муравая,
Да трава ли, трава муравая,
Вода ключевая».

Мне, матушка, тошнехонько,
Государыня, грустнехонько,
Мне пить и есть не хочется,
Мне гульба, прохлад' на ум нейдут:
Мне милый друг с ума нейдет.
Сильна-крепка я разумом,
Да я пала-перепалася:
С милым другом давно виделась,
Через речку ему поклонилася,
Через поле слово молвила...

Все полки домой идут,
Моего дружка коня ведут,
Буланого, приубранного,
Сивогривого, белкопытного;
В тороках везут его рубашечку,
Рубашечку боевую, кровавую.
Умирал мой друг, приказывал:
«Вы, братцы мои, товарищи,
Может, бог велит вам домой прийти —
Поклонитесь вы моему батюшке,
Сударыне родной матушке;
Милой жене слово молвите,
Чтобы вымыла мою рубашечку
Не на речке, не в колодезе,

А вымыла горячей своей слезой;
Чтоб высушила мою рубашечку
Не на ветре, не на солнышке,
А высушила на белой своей груди».

Не травушка, не ковылушка
Во поле шатается —
Он шатался, волочился
Раздобрый молодец.
Идет он, шатается,
За ковыл-траву хватается.
Из его свежих ран
Кровь цевкой течет.
На нем черкесочка
Нараспашечку,
У черкесочки рукавчики
Назад позакиданы,
А полы под ремень
Позатыканы,
Горячей кровью
Все призабрызганы.
Навстречу раздоброму молодцу —
Мать родимая...
«Ты, дите ли мое,
Моя деточка,
Ты на что допяна напиваешься?» —
«Напоил меня
Русский царь,
Напоил меня тремя поймами:
Первое пойло — пулечка свинцовая,
Второе — шашка острая,
Третье — пика длинная».

Не кукушечка, братцы, во сыром бору куковала,
Не соловьюшко, братцы, в зеленом саду громко,
звонко свищет —
Добрый молодец в неволюшке слезно, горько
плачет:
«Никогда ж в мене, раздоброго молодца, тоски-
горя не бывало,
А вот нонешний день-то вот денечек тоска-горе
обуяло.
Что куют-то, куют меня, раздоброго молодца, куют
во железы,
Что везут, везут меня, разудалого, везут
во солдаты,
Что никто-то, никто по мне, добром молодце,
не тужит, не плачет.
Что поплакала, по мне порыдала, ах, матушка
родная,
А еще по мне, по завдалому, красная девица».

Ох, ты пей-ка, моя головушка, прохладися,
Что за бабушкиной, за матушкиной головою!
Тошно жить вдове грешной с сиротою,
А еще тошней жить с богатыми мужиками:
Богатые мужики — мироеды;
Собирали они сходы частые, потайные,
Они думали думу крепкую заедино:
«Нам кого отдать будет во солдаты?»
Нам богатого отдать — прогневити,
Одинокого отдать — разорити.
На ряду-то живет вдова грешная с сиротою:
У нее есть один сыночек сиротина, —
Отдадим-то мы его во солдаты».

Мы пройдемте-ка, братцы, вдоль по улице,
Запоемте-ка, братцы, песню новую,
Мы не сами про себя — мы про Волгушку.
Широко ты, Волгушка, разливалась,
Спотопляла, Волгушка, все горы и доли,
Все горы да все доли, луга зелены.
Как на этих на лужках часты островцы;
Как на этих островочках част ракитов куст,
Да на этом на кусточке свито гнездышко,
Не просто свито гнездо — соловьиное;
Уж повыше-то того — соколиное.
Высоко сокол сидит, далеко, ох, он глядит,
Далеко сокол глядит — во чистое поле,
Как во чистое во поле, га синее море.
Да на синеем на море три кораблика.
Еще первый вот корабль — родной батюшка;
Еще другой-то корабль — родна матушка;
Еще третий-то корабль — мил сердечный друг.

Еще нет-то у нас в синем море, нет такой
бусочки,
Еще нет-то у нас в синем море такого
корабличка,
Который бы корабль без мачты построен,
Без белого без тонкого паруса;
Без якоря без булатного корабль не становится.
Нет у нас в чистом поле такой травушки,
Которая бы без ветру шаталась;
Нет такой в поле травушки,
Чтобы без цветов росла она без лазоревых.
Нет у нас на свете белом такой родной матушки,
Чтобы она, родимая матушка, по сыну не плакала,
Не лила бы слез она во сырую землю.
Сырая земля от слез загоралась —
Родимая матушка по сыну плакала. . .

Породила да меня матушка,
Породила да государыня,
В зеленом-то саду гуляючи,
Что под грушею под зеленою,
Что под яблонью под кудрявою,
Что на травушке на муравушке,
На цветочках на лазоревых.
Пеленала да меня матушка
Во пеленочки во камчатные,
Во свивальники во шелковые.
Берегла-то меня матушка
Что от ветру и от вихорю;
Что пустила меня матушка
На чужу дальну сторонушку.
Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона ль моя незнакомая!
Что не сам-то я на тебя зашел,
Что не добрый меня конь завез, —
Занесла меня кручинушка,
Что кручинушка великая —
Служба грозная государева,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

Отпущало, отпущало сердце матушкино,
Отпущало, отпущало чаду милую свою,
Чаду милую свою на чужую сторону.
Как большая сестра коня с стойла свела,
А середняя сестра коня оседывала,
А меньшая сестра коня брату подала;
А жена-то, горюша, у воротичках стоит,
У воротичках стоит, сама плачет, говорит:
«Уж ты, миленький, милой, ты когда будешь
домой?» —
«Я тогда буду домой, когда вырастет трава,
Когда вырастет трава выше царского двора,
Узобьет, узовьет большой камушек со дна!» —
«Да неправду, мой миленький, со мною говоришь!
Да не вырастет трава выше царского двора,
Не взобьет Волга-речка бела камушка со дна!»

Как за лесом, за лесочком,
Над крутеньким бережочком,
Над крутеньким бережочком
Там стояли три садочка.

Как во первом садочке
Кукушечка куковала,
А в другом во садочке
Соловейка распевала.

Как при третьем при садочке
Шлях-дороженька бежала,
Как во третьем во садочке
Мать сыночка провожала:
«Ты скажи, скажи, сыночек,
Кого тебе в свете жалко?» —

«Жалко жену по закону,
А тещеньку по привету,
Еще матушки родимой
Жалче в белом свете нету.

Как она меня носила —
Себе милости просила.
Как она меня рожала —
Себе смерти дожидала.

Как она меня растила —
Свою силушку дарила.
Как она меня взрастила —
На службишку проводила».

Не беленькая березонька к земле клонится,
Не шелковая в поле травонька расстилается —
Стелется-расстилается полынь горькая.
Нет тебя, полынушки, горче в поле нет!
Горчее тебя, полынушка, служба царская,
Наша солдатская,
Царя белого Петра Первого!
Не днем-то нам — со вечера, солдатушкам, ружья
чистити;
Со полуночи солдатушкам голова чесать,
Голова чесать да кудри пудрити;
На белом свету солдатушкам во поход идти,
Во поход идти, во строю стоять,
Во строю стоять да по ружью держать.
Пристоялись резвы ноженьки ко сырой земле;
Придержались белы рученьки к огненному ружью;
Пригляделись очи ясные за Дунай-реку.
Уж мы ждали-то, дождали неприятеля,
Неприятеля да супостателя — короля шведского.
Выходил тот король шведский из бела шатра;
Он смотрел русску силушку из ясна стекла,
Какова-то есть русска силушка, во строю стоит,
Во строю стоит да по ружью держит.

Ты, долина ль моя, долинушка, раздолье широкое!
Ничего-то на тебе, долинушка, да не уродилось:
Нет ни травушки, ни муравушки, ни алых
цветочков;
Уродился на тебе, долинушке, один ракитовый
кустик.
Возле кустика возле ракитова дороженька
пролежала.
Как никто-то по этой дороженьке не ходил,
не ездил,
Только шли-прошли по этой дороженьке горьки
солдаты,
Они, шедши, эти солдатушки, шедши, приустиали.
Приустиамши, эти солдатушки сели, отдохнули;
Отдохнувши, эти солдатушки в поход подымались.
Во сыром-то бору на сосенке кукушечка
куковала.
Не кукуй ты, не кукуй, горькая кукушечка,
во сыром во борочке,
Не давай ты, не давай тоски-назолушки
молодым горьким солдатам!
Уж и так-то нам, солдатушкам, служить очень
тошно:
Что загнал-то нас, загнал православный царь
во иные земли,

Поморил-то нас православный царь голодною
смертью;
Он не день-то нас морил, не неделюшку —
ровно три годочка.
Нет ни весточки, нет ни грамотки с родимой
сторонки.
Пришла весточка, пришла грамотка, и та
невесёла:
Что родимого мово батюшки давно вживе нету,
Что родимая моя матушка давно овдовела,
Молодая-то жена-хозяйюшка, слышно, замуж
вышла,
Малы детушки мои, детушки давно сиротсют.

Там построили там кабак
Не про девок, не про баб,
Про холостых-то про робят.
Пришел мальчик, выпил шкальчик,
Веселешенек пошел.
Прощай, девки, прощай, бабы,
Нам тепереча не до вас:
Во солдатушки берут нас!
Наши ноженьки да не ходят,
На свет глазушки да не глядят.

Шли солдатушки слободой,
Манят девушек за собой:
«Вы пойдете-ка, девушки, с нами,
С нами, добрыми молодцами,
Недалече — до Казани.
Во Казани-то жить привольно,
Жить привольно, гулять охотно;
У нас денежек предовольно;
У нас домики пребогаты,
Белокаменные стоят палаты;
Меж домами-то течет речка,
Течет реченька медовая,
По ней струечка золотая».
Что за реченькой стоял кустик,
Стоял кустик, куст ракивов;

На кусточке соловейко.
Соловеюшко сидит, громко свищет,
Громко свищет он, воспевает,
Красных девушек унимает:
«Не сдавайтесь вы, девки красные,
На солдатские на обманки:
У солдатушек дома — горы,
Дома — горы каменисты;
Меж домами-то течет речка,
Течет реченька да кровавая,
По ней струечка да слезялая».

Проторенная новая дорожка,
Тут дорожка — московская,
Московская дорожка широкая.
Никто не шел по этой дорожке,
Только шел-прошел по этой дорожке
Преображенский славный полк солдат.
Не дошедши до новой деревни,
Становилися во поле ночевать,
В чистом полюшке под белой березкой,
Под кудрявой березкой зеленой.
Расшумелася белая березка
Во всю темную ночку до утра,
До утра было, до самого белого денька.
Не от этой ли белой от березки
Вдоль по Питеру листочки несет?
Что не мой ли то миленький хороший
За собой ворона коня ведет?

Ой да не буён-то ветерок поносит,
Ей да, поносит.
Ой да не дубрава в поле расшумелась,
Ей, расшумелась.
Ой да ничего-то за ветром не слышно,
Ей, вот не слышно.
Ой да только слышно было голос дальний,
Ей, вот казачий:
«Ой да одолели меня злые турки,
Ей, неприятели!»
Ой да услышали казаки донские,
Ей да, товарищи,
Ой да на конёй-то казаки сажались,
В темный лес бросались,
Ей, все бросались.
Ой да своего-то казаки товарища
Они отбивали,
Ей, отбивали.
Ой да они турок во полон забрали,
Во полон всех забрали,
Ей, всех забрали.

«А Ванюшка, мой батюшка,
Куда тебя снаряжают?»
— А мамонька, в солдаты,
Сударыня, в солдаты,
Не тронь, в солдаты,
Не замай, в солдаты,
Что же делать, в солдаты! —

«А Ванюшка, мой батюшка,
Что ты будешь в солдатах делать?»
— А мамонька, учиться,
Сударыня, учиться,
Не тронь, учиться,
Не замай, учиться,
Что же делать, учиться! —

«А Ванюшка, мой батюшка,
Что ты будешь есть-то?»
— А мамонька, сухари,
Сударыня, сухари,
Не тронь, сухари,
Не замай, сухари,
Что же делать, сухари! —

«А Ванюшка, мой батюшка,
Сухари-то жестки!»

— А мамонька, размочу,
Сударыня, размочу,
Не тронь, размочу,
Не замай, размочу,
Что же делать, размочу! —

«А Ванюшка, мой батюшка,
Что еще там делать?»
— А мамонька, отдыхать,
Сударыня, отдыхать,
Не тронь, отдыхать,
Не замай, отдыхать,
Что же делать, отдыхать! —

«А Ванюшка, мой батюшка,
С кем же отдыхать-то?»
— А мамонька, с женою,
Сударыня, с женою,
Не тронь, с женою,
Не замай, с женою,
Что же делать, с женою! —

«А Ванюшка, мой батюшка,
Где жену-то возьмешь?»
— А мамонька, украду,
Сударыня, украду,
Не тронь, украду,
Не замай, украду,
Что же делать, украду! —

«А Ванюшка, мой батюшка,
Она убежит?»

— А мамонька, догоню,
Сударыня, догоню,
Не тронь, догоню,
Не замай, догоню,
Что же делать, догоню!

ПЕСНИ О НЕВОЛЕ

А и горе, горе-гореваньице!
А и в горе жить — некручинну **быть**,
Нагому ходить — не стыдиться,
А и денег нету — перед деньгами,
Появилась гривна — перед злыми **дни**!
Не бывать плешатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отрбстить дерева суховерхого,
Не откбрмить коня сухопарого,
Не утешити дитя без матери,
Не скроить атласу без мастера.
А и горе, горе-гореваньице!
А и лыком горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны.
А я от горя в темны леса —
А горе прежде век зашел;
А я от горя в почестный пир —
А горе зашел, впереди сидит;
А я от горя на царев кабак —
А горе встречает, уже пива тащит!
Как я наг-то стал, насмеялся он.

Из-за леса, леса темного,
Из-за садика зеленого
Собиралась туча грозная
Со снегами со сыпучими,
Со морозами со трескучими.
Дочка к матке собиралась;
Пособравшись, дочь поехала.
Поехала дочь, не доехала,
Среди лесу становилась:
Лошаденка истомилась.
Лошаденка истомилась,
Тележонка изломилась.
Все каточки раскатились,
Все каточки раскатились,
Ко дубочку прикатились.
На дубу сидит соловушка.
«Ах ты, птушка, птушка вольная!
Ты лети, лети в мою сторонушку,
Ко батюшке во зеленый сад,
А к матушке во нов терем.
Ты неси, неси, соловушка,
Ах, батюшке да низкóй поклон,
А матушке челобитьице:

Что пропали наши головы
За боярами за ворами!
Гонят старого, гонят малого
На работушку ранешенько,
А с работушки позднешенько».

Малинушку с малинушкой водой залило, —
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись с разумом, меня замуж отдала.
Я три года у матушки в гостях не была.
На четвертый год задумала — пошла.
Я скинуся-сброшуся горькой пташечкой,
Полечу я, горькая, в матушкин садок,
Сяду я, горькая, на сладкую яблонь;
Слезами-то горючими весь сад затоплю,
Причетами горькими живот-сердце иссушу.
А матушка ходит по новым сениям,
Невестушек-ластушек побуживает:
«Невестушки-ластушки, встаньте скорей!
Что у нас во садику пташечка поет?
Где она, горькая, причети берет?»
Большой-то брат скажет: «Давай застрелим!»
Середний брат скажет: «Давай поймаем!»
А меньшей-то брат скажет: «На что вам ее?
Не наша ли горькая с чужой стороны?»
Поди же ты, горькая, в наш высок терем,
Про свое горе расскажи, про наше спроси:
Как батюшку с матушкой за Волгу везут,
Большого-то брата в солдаты куют,
А среднего-то брата в лакеи стригут,
А меньшого-то брата в приказчики.

Во лесу, лесу дремучем
Тут поет, поет соловьюшка,
Тут кукует горькая кукушечка,
Да никто ее голоса не слушает —
Одна слушает сиротинушка,
Сиротинушка сenna девушка.
«Государыня, родная матушка!
Выкупи из неволюшки,
Из неволюшки — дому барского:
Пристоялись резвы ноженьки,
Примахались белы рученьки,
Качаючи дитя барского». —
«Уж ты, милое мое дитятко!
Золотой казны у нас нет с тобой.
Ты терпи горе, не сказывай!
Тебе стерпится, тебе слюбится.
Носи платье, не складывай!
Износя платьице, сложить можно,
И стерпя горе, сказать можно».

Слобода моя, ты слободушка!
Слобода моя подмосковная,
Подмосковная, разоренная!
Разорил тебя злой приказчикек,
Разорил-то он вместе со старостой...
Меня отдали мужу старому,
У меня, молодой, голова болит,
Голова болит, худо можется.
Мой постылый муж на руке лежит,
На руке лежит, целовать велит.
Целовать его мне не хочется,
Мил сердечный друг из ума нейдет...

У ворот сосна раскачалася,
Ай люли-люли, раскачалася:
Белая Дунюшка разыгралася,
Ай люли-люли, разыгралася:
Как боярский сын на крыльце стоит,
Ай люли-люли, на крыльце стоит.
Как боярский сын Дуне речь говорит,
Ай люли-люли, Дуне речь говорит:
«Поиграй, Дунюшка, поиграй, белая,
Ай люли-люли, поиграй, белая.
Я тебя, Дунюшка, жить к себе возьму,
Ай люли-люли, жить к себе возьму».
Белая Дунюшка испужалася,
Ай люли-люли, испужалася.
Как со вечера голова болит,
Ай люли-люли, голова болит;
Ко полуночи она попа просит,
Ай люли-люли, попа просит.
Ко белу свету уж нет Дунюшки,
Ай люли-люли, нету Дунюшки.
Как в Москве звонят ко обеденке,
Ай люли-люли, ко обеденке;
Белую Дунюшку хоронить несут,
Ай люли-люли, хоронить несут.

Вы, кудри ль, мои кудри,
Хорошо ль, кудри, расчесаны,
Как по плечикам лежат
И развиться хотят.
Как завила, завила
Чужа дальняя сторона.
Как плакала, тужила
Наша Обозерска слобода.
Наша Обозерска слобода,
Что нагуляться не дала.

Разорил нашу сторонку
Злодей боярин-господин,
Как повыбрал он, злодей,
Молодых наших ребят,
Молодых наших ребят
 во солдатушки,
Во солдатушки,
А нас, красных девушек,
Во служаночки,
Молодых молодушек
Во кормилочки,
А матушек с батюшками
На работушку.
Собрались наши ребятушки
Что на круту горушку,

Отказали наши ребятушки
Своему боярину-господинушке:
«Ты, злодей наш господин,
Мы тебе не солдатушки,
Красны девушки тебе
Не служаночки,
Молодые молодушки
Не кормилочки,
Батюшки с матушками
Не работнички».

Через леса, леса темные
Пролежала дороженька,
Широким она не ширька.
По той по дороженьке
Мать дитя провожала,
Мать дитяти приказала:
«Ты живи, живи, мое дитячко,
На чужой дальней сторонушке,
Держи голову поклонную,
Ретиво сердце покорное!» —
«Сударыня, моя матушка,
Со поклону голова болит,
С терпения сердце высохло!»

Вырастала древушка тонка, высока,
Листом широка;
Под этим древушком вырастала травушка,
Трава шелкова;
На этой травушке разостлан ковер;
На этом коврикe два стула стоят;
На этих стуликах два братца сидят.
Меньший к большему речи говорит:
«Что же ты, братец, ты не пьешь, не ешь,
Невесел сидишь?
Или тебе, братец мой, гульба немила?» —
«Все-то мне мило, все-то хорошо;
Одна мне немила чужа сторона:
На чужой сторонушке жить умеючи,
Разумеючи;
Быть сердечушке покорливей,
Быть головушке поклончивей!
А мое сердечушко непокорное,
А моя головушка непоклончива!»

РАЗБОЙНИЧЬИ ПЕСНИ

Не шуми, мати зеленая дубравушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати,
Что завтра мне, доброму молодцу, в допрос идти,
Перед грозного судью — самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
«Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?»
— Я скажу тебе, надежа православный царь,
Всеё правду скажу тебе, всю истину.
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ — темная ночь;
А второй мой товарищ — булатный нож;
А как третий-то товарищ — то мой добрый конь;
А четвертый мой товарищ — то тугой лук;
Что рассыльщики мои — то калены стрелы. —
Что взгóворит надежа православный царь:
«Исполать тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими —
Что двумя ли столбами с перекладиной!»

Вниз по матушке по Волге,
По широкой реке, долгой,
Поднималась погода,
Погодушка немалая,
Немалая, волновая.
Ничего в волнах не видно,
Одна лодочка чернеет,
Только парусы белеют,
На гребцах шляпы чернеют,
Сам хозяин во наряде —
В черном бархатном кафтане.
Уж как взгóворит хозяин:
«Нуте, грянемте, ребята,
Вниз по матушке по Волге!
Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережочку!..»

Сирота ль моя, ты сиротушка!
Сиротец, удалец, горе-вдовкин сын!
Да ты спой, сирота, с горя песенку!
— Хорошо, братцы, петь да пообедавши,
А и я ль, молодец, лег не ужинал,
Поутру рано встал, не позавтракал,
Да случился был обед — хлеба-соли нет.
Нет ни хлеба, нет ни соли, нет ни кислых щей.
Я пойду ли, молодец, с горя в темный лес,
Я срублю ль, молодец, я иголочку я дубовую,
Да я ниточку я вязовую.
Хорошо иглой шить, под дорогой жить:
Да я раз-то стегнул — да я сто рублей,
А в другой раз стегнул — да я тысячу,
Да я в третий раз стегнул — казне сметы нет,
А считать ту казну у царя в казне.

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Над горою да над высокою,
Над горою да над высокою,
Над долиною над широкою,
Над долиною над широкою.
Обогрей ты нас, добрых молодцев,
Добрых молодцев — сирот бедных,
Сирот бедных, людей беглых.
Как повыше-то было села Юркина,
Как пониже-то было села Лыскова,
Протекала там речка быстрая,
Речка быстрая, славна Торженка.
Что никто по ней не проезживал,
Никто следику не прокладывал.
Что плыла по ней косна лодочка,
Косна лодочка все разбойничья.
На носу-то стоит есаул со багром,
На корме-то сидит атаман с ружьем.
Посередь лодки бел тонкой шатер;
Под шатром лежит золота казна;
На казне сидит красна девица.
Говорит она таково слово:
«Уж как мне, младой, мало спалося,
Мало спалося, много виделось;
Нехорош-то мне сон пригрезился:

Атаману-то быть повешену,
Есаулу-то быть застрелену,
А вам, молодцам, всем в тюрьме сидеть,
Мне-то, девушке, быть на волюшке».

Что светил-то, светил месяц во полночи,
Светил вполовину.
Что скакал-то, скакал один добрый молодец
Без верной дружины.
Что гнались-то, гнались за тем добрым молодцем
Ветры полевые.
Что свистят-то, свистят в уши разудалому
Про его разбои.
Что горят ли, горят по всем по дороженькам
Костры сторожевые.
Что следят ли, следят молодца-разбойничка
Царские разъезды.
Что сулят ему, сулят в Москве белокаменной
Каменны палаты,
Что и те ль палаты — два столба точеные,
Столбы с перекладиной!

Не от пламечка, не от огничка
Загоралася в чистом поле ковыль-трава;
Добирался огонь до белого до камешка,
Что на камешке сидел млад ясен сокол.
Подпалило-то у ясна сокола крылья быстрые;
Уж как пеш ходит млад ясен сокол по чисту
полю.

Прилетали к ясну соколу черные вороны;
Они граяли, смеялись ясну соколу,
Называли они ясна сокола вороною:
«Ах, ворона ты, ворона, млад ясен сокол!
Ты зачем, зачем, ворона, залетела здесь?»
Ответ держит млад ясен сокол черным воронам:
«Вы не грайте, вы не смейтесь, черны вороны!
Как отращу я свои крылья соколиные,
Поднимусь-то я, млад ясен сокол, высокошенько.
Высокошенько поднимусь я, млад ясен сокол,
по поднебесью;

Опущусь я, млад ясен сокол, ко сырой земле,
Разобью я ваше стадо, черны вороны,
Что на все ли на четыре стороны;
Вашу кровь пролью я в сине море,
Ваше тело раскидаю по чисту полю,
Ваши перья я развею по темным лесам!»

Что когда-то было ясну соколу пора-времечко,
Что летал-то млад ясен сокол по поднебесью,

Убивал-то млад ясен сокол гусей, лебедей,
Убивал-то млад ясен сокол серых уток.
Что когда-то было добру молодцу пора-времечко,
Что ходил-то, гулял добрый молодец на волюшке.
Как теперь-то добру молодцу поры-время нет;
Засажен-то сидит добрый молодец во победности,
У злых ворогов добрый молодец в земляной
тюрьме.

Он не год-то сидит, добрый молодец, и не два
года —

Что сидит-то добрый молодец ровно тридцать
лет.

Что головушка у добра молодца стала седешенька,
Что бородушка у добра молодца стала
белешенька,

А все ждет он поджидает выкупа, выручки,
Был и выкуп бы и выручка, своя волюшка,
Да далечева родимая сторонушка!

**ПЕСНИ НАРОДНЫХ
ВОССТАНИЙ**

Ай как на речке, на реке,
На речушке Камышинке,
Ай там жили-проживали
Люди вольные.

Ай там жили-проживали
Люди вольные,
Всё донские, гребенские,
Всё яицкие.

Собирались они
Во единый круг;
Думу думали,
Думушку крепкую.

Вот кому-то из нас
Атаманом быть?
Ай атаман-то будет
Степан Тимофеевич,
Атаманушка.

Не золотенькая
Трубушка вострубила —
Ай атаманушка наш
Степан Тимофеевич
Речь возговорил.

Ай вот он речь возговорил,
Речь хорошую:
«Братцы вы мои, казаченьки,
Ай ну и голь же ты моя,
Голь бедняцкая,
Собирайся со всех сторон!

Ай ну и голь же ты моя,
Голь бедняцкая,
Вы товарищи,
Други любезные!
Ах, собирайтесь, братцы,
Солетайтесь
Ай на волюшку,
Волю вольную».

Мы не воры, не разбойнички —
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички.
Мы веслом махнем — корабль возьмем,
Кистенем махнем — караван собьем,
Мы рукой махнем — девицу возьмем».

Не шуми и не бушуй,
Зеленая мать дубровушка!
Не дай расцвести ты
Лазоревому цветочику!
— Ну и как же мне,
Дубровушке, не шуметь:
Как по мне, дубровушке,
У города Симбирского
На речушке Волге-матушке
Большая будет негодушка, —
Как во мне, дубровушке,
Стоять будут казачушки,
Ой, донски там казачушки,
Донские, братцы, гребенские,
Гребенские, всё яицкие;
Как по мне ли, по дубровушке,
По мне будет кроволития большая!
Как по той по армеюшке
Разъезжает атаманушка,
Степан, братцы, Тимофеевич.
Вот и ищет он, Степанушка,
Ищет, братцы, добра молодца:
Ой да кто бы, кто,
Кто полез бы в Волгу-матушку,
Кто достал бы с донушка,
Достал бы песку белого?

Кто бы стер с моей
Вострой шашечки,
Стер бы черную,
Братцы, ржавушку?
Раскрыл шашечкой
Мои груди белые,
Посмотрел бы, молодец,
Ретиво сердечушко?
Отчего оно, сердечушко,
Без огня-то загорелось,
Без полымя оно,
Без полымя изотлелось,
Без времечка сердечко,
Без времечка сокрушилось.

Ой не вечер, то ли не вечер
Мне малым-мало спалось,
Ой мне малым-мало спалось,
Во сне виделся.
Ой мне малым-мало спалось,
Во сне виделся:
Ой будто конь мой вороной
Разыгрался подо мной,
Ой разыгрался, расплясался
Под удалым, добрым молодцом.
Ой разыгрался, расплясался
Под удалым, добрым молодцом.
Ой налетали да ветры буйны
Со восточной стороны,
Ой сорывали-то черну шапку
С моей буйной головы.
Ой сорывали-то черну шапку
С моей буйной головы.
Ой отрывался лук звончатый
Со могучего плеча;
Ой рассыпались каленые стрелы
Как по матушке сырой земле.
Ой рассыпались каленые стрелы
Как по матушке сырой земле.
Ой да и кто бы мне этот да сон
Разгадал его бы он?

Ой есаулушка был догадливый,
Есаул тот сон все рассуживал.
Ой есаулушка был догадливый,
Есаул тот сон все рассуживал:
Степанушка ты наш Тимофеевич,
По прозванью Разин сын!
Сопала у тебя с головы черна шапка —
Пропадет твоя буйна головушка.
Сопала у тебя с головы черна шапка —
Пропадет твоя буйна головушка;
Отрывался, ой ли, лук звончатый —
То мне, есаулушке, ой ли, быть повешену;
Ой рассыпались каленые стрелы —
То казаки наши, ой ли, все разбойнички,
Они во побег пойдут.

Загорелась во поле ковылушка
Неизвестно от чего,
Не от тучи, не от грома,
Не от сильного дождя, —
Загоралась во поле ковылушка
От казачьего ружья.
Поднимались жаркие огоньюшки
Под самые небеса,
Подпалили ясному соколику
Ему правое крыло,
Нельзя, нельзя ясному соколику
По чисту полю летать.
Прилетали к ясному соколику
Стадо черных вороньев.
Надсмехались над ясным соколиком,
Называли все вороною.
«Ой да как пройдет мое горе-кручинушка,
Посмеюсь над вами я,
Отращу я свои быстры крылушки,
Взовьюсь выше облака,
Разобью я стадо черных вороньев,
Перебью всех до единого».
Не во времечко вот бы наш Степанушка
Сидел во неволюшке,
Он кричал, шумел, наш Степанушка,
Громким голосом своим:

«Уж вы, братцы, вы мои товарищи,
Не покиньте вы меня
При моем-то горе, при кручинушке,
При несчастьице большом.
Пригожусь вам в недоброе времечко
Грудью белою своей!
Отстоим же мы, братцы товарищи,
Жизню вольную, свободную».

Ай да не шуми, шумка,
Дуброва зеленая,
Вот и не бушуйся,

Ай да не мешай
Раздоброму молодцу
Вот мне думу думати!

Ай все я думушки,
Раздобрый я молодец,
Все я передумал.

Ай как одна думушка
Раздоброго молодца,
Думушка с ума нейдет.

Ай как заутра-то
Да мне, Стеньке Разину,
Заутра мне на суд идти,

Ай мне на суд-то идти,
Раздоброму молодцу,
Вот и мне ответ держать.

Ай как и станут-то меня,
Раздоброго молодца,
Станут меня спрашивать.

Ай ты скажи-расскажи,
Скажи, с кем ты бражничал,
Скажи, с кем разбойничал.

Ай я скажу-расскажу,
Удал добрый молодец,
Скажу правду-истину:

«Ай я не бражничал,
Раздобрый я молодец,
Вот я не разбойничал.

Как я с голытьбой-то своей,
Удал добрый молодец,
Вот я по морям гулял.

Ай и по морям-то да рекам
Гулял добрый молодец,
Вот и корабли разбивал.

Ай я бояр да купцов,
Удал добрый молодец,
Вот и я топил, морил.

Ай я и голытьбу свою,
Удал атаманушка,
Вот ее на бой водил.

Ай ну и голытьбы-то моей,
Да моих товарищей
Всех-то не счесть-перечесты!»

А из тихого, из мелкого из затону
Плывут-выплывают два стружочка.
Стружочек на стружочек набегаёт,
Есаулушка есаулушку окликает:
«Здорово ли, братцы, спали-ночевали?
У нас, братцы, на суденышке нездорово:
Коренного нашего атамана вживе нету,
Что нет вживе Степана свет Тимофеевича».
Вы берите-ка, ребята, весла в руки,
Вы гребите-ка веслами, не робейте,
Уж вы тайной своей силушки не жалеите.
Пригрянемте, ребяташки, к бережочку.
Прими ты нас, крута гора, ночевати,
Не год-то нам, бурлаченькам, у те годовати,
Одну ноченьку, одну темную ночевати,
Дорогие нам товары просушити,
Крутой кашицы нам, бурлаченькам, наварити.

Ой да ты, батюшка Оренбург-город!
Про тебя-то идет слава добрая.

Слава добрая, речь хорошая —
Будто ты, Оренбург, на красе стоишь.

На красе-то стоишь, на крутой горе,
На крутой-то горе, на Яик-реке,

На желтых-то песках, песках рассыпчатых,
Как на речушках да на устьицах.

Как и первая речушка — Самарушка,
А другая-то речушка — Уралушка,

Прозывалася она все Яик-река.
Ой на Самарушке живут татарушки,

На Яик-то реке живут казачушки;
Там ходил да гулял атаманушка,

Атаманушка, казак Емельянушка.
Как на матушке было, кременной Москве,

Во дворце было, дворце белокаменном,
У крылечка было у высокого,

На часах-то стоял молодой казак;
На часах он стоит, с собой речь говорит:

«Подучают меня, посылают меня,
Посылают меня в Оренбург-город,

В Оренбург-то город Пугача споймать,
Пугача-то словить, Пугача-то убить!

Ну, а я-то молодец, донской малолеточек,
Я не стану ловить и не стану губить,

Пускай бьется за нас Емельянушка,
Пускай бьется за нужду народную».

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом попóбито.
Нагишом за плугом спотыкалися,
Допьяна слезами напивалися,
Во солдатушках послужено,
Во острогах ведь посижено,
Что в Сибири перебывано,
Кандалами ноги потерты,
До мозолей душа ссажена.
А теперь за бар мы богу молимся:
Божья церковь — небо ясное,
Образа ведь — звезды частые,
А попами волки серые,
Что поют про наши душеньки.
Темный лес-то — наши вотчины,
Тракт проезжий — наша пашенка.
Пашем, пашем мы в глухую ночь,
Собираем хлеб не сеявши,
Не цепом молотим — слегию,
По дворянским по головушкам
Да по спинушкам купеческим.
Свистнет слегушка — кафтан сошьет,
А вдругорядь — сапоги возьмет,

Свистнет втретью — шапка с поясом,
А еще раз — золота казна.
С золотой казной мы вольные:
Куда глянешь — наша вотчина,
От Козлова до Саратова,
До родимой Волги-матушки,
До широкого раздольца.
Там нам смерти нет, ребяташки.

**РАБОЧИЕ
И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕСНИ**

Работали мы да день до вечера,
До потух-зари.
Со потух-зари мы домой пошли.
Домой пошли позднехонько,
Под окошком постучались.
Отцы-матери испужались,
За окошечко побросались.
«Ох вы, милые наши детушки,
Что же вы пришли так позднехонько?»

Благослови, сударь хозяин,
У тебя ли во дому
Во высоком терему
Поскакать, поплясать,
Про все города сказать,
Про все Демидовы.
У Демидова в заводе
Работушка тяжела,
Ах, работушка тяжела.
От виц спинушки болят,
Ох, спинушки болят!
В рудник-каторгу сажают,
Ах, да не выпускают!
Там нас голодом морят,
Ах, студенцою поят!
Уж вы, горы да горы высокие,
Уж леса на горах да дремучие,
Вы укройте работничков бедных,
Добрых молодцев, людей беглых,
Ах, людей да Демидовых.

Ай, ухнем! эй, ухнем!
Еще разик, еще раз!
Эй, ухнем! эй, ухнем!
Еще разик, еще раз!
Разовьем мы березу,
Разовьем мы кудряву,
Эй да, да ай да! ай да, да ай да!
Разовьем мы кудряву.

Во всю-то ночь мы темную,
Осеннюю,
Долгую...
Ухнем!
Грянем!
Нам кричит дядя «давай» —
Мы даем,
Сильно гребем...
Ухнем!
Грянем!

Ой-ёй, ой-ёй,
Дует ветер верховой!
Мы идем босы, голодны,
Каменьем ноги порваны.
Ты поддай, Микола, помочи,
Доведи, Микола, до ночи!
Эй, ухнем! Да ой, ухнем!
Шагай крепче, друже,
Ложись в лямку туже!
Ой-ёй, ой-ёй...

Ай да вы, заводы,
Вы мои заводы кирпичные!
Ай да мы, работающий народ,
Люди горемычные!
Люди горемычные,
Без грошей живем,
До ноченьки работаем,
С горя водочку пьем.
Ну, а кто же вас, заводы,
Заводил, ай да заводил?
Кто же вас, работнички,
В заводы привозил?
Ай да заводы
Заводил хозяин,
Ай да работничков
Привезла
Нужда горькая.

Как на свете живется,
Вот та песня поется,
Через золото слеза льется,
Руда кровью обмывается.
Слезы льются рекой,
Рекой широкой,
Пока могилку твою
Принакроет травой
Зеленой.

Что шахтерска жизнь проклята —
Кто не ведает про то?
В божью церковь он не ходит,
Он не знает про нее.
День и ночь он работает,
Ровно в каторге всегда.
Придет праздник воскресенье —
Уж шахтер до свету пьян.
В кабачок бежит детина —
Словно маковка цветет;
С кабака ползет детина —
Как лутошечка гола!
Ой, гола, гола, гола,
В чем мамаша родила.

Вы во шахтах не бывали —
Нужды с горем не видали,
Вы пойдите в шахты с нами,
Распознаете про все,
Распознаете про все,
Про шахтерское житье.
Шахтер пашенку не пашет,
Косы в руки не берет.
Косы в руки не берет,
В казну денег не кладет.
Шахтер-холод, шахтер-голод,
Нет ни хлеба, ни воды.
Нет ни хлеба, ни воды,
Нет у воли никому.

У ж ты, волюшка, да разневоля,
Ты не знаешь мово горя!
Мое горюшко, да великое:
С горя ноженьки не ходят,
Со слез глазушки не смотрят,
Белы ручушки не робят,
Красота в лице переменилась.
Уж ты, голубь мой, сизокрылый!
Ты скажи мне, где мой милый?
А мой милый друг во неволе,
Он на сахарном на заводе,
Он там днюет да ночует,
Рано встанет, поздно ляжет,
А хозяин да его все лает. . .

Во приисках лето жили,
Свои жилы натужили.
А на третьем на годочке,
На последнем на денечке
Нас подрядчик рассчитал,
Ни копеечки не дал,
Только матерно ругал,
Во неволюшку отдал.
Оставались малы детки
Без водички и без хлебца.
Разлучила, развела
Чужа дальняя сторона —
Та Бисертская дорожка,
Дороженька больша.

Загудел гудок на пять —
На работу мне вставать.
Загудел гудок на шесть —
А на зданье негде сесть.
Я на клеточку садился,
С белым светом распростился,
Клетку дернуло, качнуло,
Меня в сердце колонуло,
Клетка в шахту понеслась,
Вся постройка затряслась.
Клетка к камере подходит,
Там народ стоит толпой,
Там народ стоит толпой,
Весь оборванный, худой,
Зубы ясны, глаза красны,
А рубашка как смола.

Эх, да постыла контрашна работа,
Тошно, тошно, как тянется год,
Да у хозяина одна забота:
Ему мучить, морить бы народ.
Эх, немила да нерадостна жизнь,
Красну солнышку нас не согреть.
Эх, да заживо в землю ложись,
Да чем голод и холод терпеть.
Да убегу, убегу я от муки,
И скроюсь в лесу я, в горах,
Да есть же пока ноги и руки,
Да пока в молодых-то порах.

Ты взойди-ка, взойди,
Солнце красное,
Над горою-то над высокою,
Над полянушкой широкою.
А на той на полянушке
Стоит завод новенький,
А у железных-то ворот
Будочка сосновенькая.
Ты освети-ка, согрей,
Красное солнышко,
Во заводе да работничков,
Добрых молодцев-бездомничков.
Ты им дай-ко, прибавь,
Красное солнышко,
Силу крепкую да крепешеньку,
Было б можно терпеть
Холод-голод, непогодушку
Да разнесчастную невзгодушку!

Во деревне-то я спородился,
Да в завод-то я жить угодил.
Я робил тут, голодом бился,
Много горя, нужды испытал.
Да, тяжела работа в заводе —
Полсуток горишь, как в аду,
А хозяин пслицию водит,
Чтоб мы не творили беду.
За малу провинку всё плети,
Всю спину сполосуют — молчи!
Эх, тяжело жить нам на свете,
Загонят нас в гроб палачи.

Горы мои, горы вы Уральские,
Не забыть вас, горы, да во все года.
Да через вас, горы, ой, лежит дороженька,
Лежит большая, да сибирский шлях.
Как по ней-то идут да молодцы отважные,
Звеня кандалами да с гордостью в глазах.
Да шли они, шагали за горы Уральские,
Ой, в темные остроги да в каторгу шли.
Вьюги злые, лютые да ветры осенние
Шумели над дорожкой да секли лицо.
Да не стушили ветры да в глазах отважных
Огня-пламени да гордости большой.
Да усеяли тот шлях-дороженьку
Курганы-могилы да неизвестные кресты,
Да призывала травка над шляхом-дороженькой,
Она призывала, да только до поры.

Во заводе парень жил,
Меня, девушку, любил,
Во завод меня манил,
Тайны речи говорил.
Он по улице ходил,
Знамя красное носил.
Поколь парня не знала,
И в тюрьме я не была.
А как парня стала знать,
Во тюрьме стала бывать.
Меня мать стала бранить,
Тюрьмой, каторгой корить.
Уж ты, мамонька моя,
Ты не мучь боле меня.
Я скажу тебе секрет —
Мне дороже его нет.
Не течет в гору река,
Не вернусь назад и я.

Губернатор Богданович,
Николашкина вся власть,
Напились вы нашей крови,
Скоро ждите смертный час.
Неужель на белом свете
Для того лишь мы живем:
Тюрьма, каторга да цепи
Или голодом мы мрем.
Правды нет, но она будет,
Мы с огнем ее найдем,
Силы нет терпеть нам боле,
Кровопийцев бить пойдем.
Скоро гром над вами грянет,
Задрожите в теремах,
Пролетарская свобода
Разнесет вас в пух и прах!

Царь гуляет, тризну правит,
Нашу кровушку сосет.
Как его нам обезглавить,
Как вернуть с войны народ?
Всех война нас закрутила,
В гроб-могилу загнала,
Мужиков всех погубила,
Сыновей отобрала.
Тризну правит царь Николка
С сворой пьяных палачей.
В руки мы возьмем винтовку
И пойдём на богачей.

ЛЮБОВНЫЕ ПЕСНИ

Ах не одна-то, не одна,
Эх, во поле дороженька, эх, одна пролегала;
Ах зарастала та дорожка,
Эх, ельничком да березничком, эх, горьким частым
Осинничком.

Ах что нельзя-то, нельзя,
Эх, к любушке-сударушке, эх, нельзя в гости ехать
молодцу.

Ах ты прости-прощай,
Эх, мил сердечный друг, эх, прощай, будь здорова!
Ах коли лучше меня найдешь,
Эх, меня, доброго молодца, эх, меня позабудешь.
Ах коли хуже меня найдешь,
Эх, меня, доброго молодца, эх, меня вспомянешь,
Ах меня вспомянешь,
Эх, горючими слезами, эх, ты заплачешь!

Как у голубя как у сизого
Золотая голова,
У голубушки у сизой
Позолоченный венец.
Позавидовал, позавидовал
Разудалый молодец:
Кабы эта, кабы эта
Моя сужена была.
Я бы ее, я бы ее, я бы ее
Урядил,
Епанечку, епанечку
Ей сошил.
Золотой парчой, золотой парчой
Покрыл,
Соболями, соболями, соболями
Опушил.
Ты красуйся, ты красуйся,
Моя суженая,
Ты красуйся, ты красуйся,
Моя ряженая!
За моей, за моей
За буйной головой!

Я вечер, вечер, добрый молодец,
Вечор загулялся,
Я со любушкой, со своей сударушкой
Долго застоялся;
Я тайного ласкова словечка
От ней дожидался.
Ничего-то моя сударушка
Она мне не сказала,
Только сказала моя сударушка
Грубое словечко:
«Ты отстань, отстань, добрый молодец,
Отстань по охоте;
Не отстанешь ты по охотушке —
Отстань по неволе».
Тосковал-то я, добрый молодец,
Ровно три годочка,
Что никто, никто по добром молодце,
Никто не потужит:
Что ни батюшка, ни матушка,
Ни жена молодая;
Что потужит ли, погорюет ли
Красная девица,
Что названая прежняя
Милая сестрица!

Эко сердце, да эко бедное мое!
Полно, сердце, да в теле нить и занывать!
Ох да, знать, моему-то сердцу покою не видать!
Ох да без покоечку темна ночка долга...
Ох да что шумит-то, болит буйна голова;
Ох да от головушки глаза на свет не глядят.
Ох да днем не вижу я с неба солнечных лучьев,
Ох да из лучьев, да лучьев туманец выпадал,
Сквозь туманичек силен дождик проливал;
Что прибил-примочил шелковую траву.
Ох да не растет-то в поле шелкова трава,
Ох да не цветут-то в лужках лазоревы цветы.
Ох как за реченькой сено косят, сенокос.
Ох да тут косила же красна девица душа;
Ох да не берет-то у нее укладная коса;
Ох миткалинова рубашечка к телу льнет.
Ох да по прокоосу добрый молодец идет:
«Ох да бог же помочь те, красна девица душа!
Ох да не берет-то, знать, твоя укладная коса!»

Ах да не вечерняя заря спотухала, заря
спотухала,
Ах, спотухалася заря.
Ах да полуночная звезда высоко ли, звезда
высоко ли,
Ах, высокó звезда взошла.
Ах да не пора ли мне, раздоброму молодцу,
со квартирушки,
Со квартирушки долой.
Уже выйду ли, раздобренький молодец, выйду
на крылечко.
Эх, на крылечке постою,
Ах да закричу ль я, добрый молодец, громким
голосом,
Эх, громким голосом своим.
Уж вы, слуги, слуги верные мои, слуги верные мои,
Ах, слуги верные мои!
Ах да запрягайте тройку серопегих, серопегих,
Эх, тройку лошадей.
Эх да чтобы сесть бы мне, добру молодцу,
сесть бы да поехати,
Да поехати домой!
Со всеми простился раздобренький молодец —
с одной красной девицей
Распроститься позабыл.

Ах да со пути ли, со дороженьки назад воротился,
Эх, воротился он назад!

«Ах да здоровенька ли ты, моя сударушка, живешь-
поживаешь,
Эх, поживаешь без дружка?» —

«Ах да тесовая нова кроватушка пуста простояла,
Ах, простояла пуста.

Ах да соболино ново одеяльце в ногах пролежало,
Ах, пролежало во ногах.

Ах пуховые новы подушечки в слезах потонули,
Потонули во слезах!»

Вспомни, вспомни, моя любезная,
Нашу прежнюю любовь,
Как мы с тобой, моя любезная,
Погуливали,

Погуливали. . .

Осенние, долгие ночи
Просиживали,

Просиживали. . .

Забавные, тайные речи
Говаривали,

Говаривали. . .

«Тебе мой друг, мой друг, не жениться,
Мне замуж, молодой, нейти.

Замуж не иди. . .»

Передумала красная девица
В одну темную ночь,

В одну темную ночь. . .

«Женись, женись, мой любезный,
Я сама замуж пойду,

Я сама замуж пойду. . .»

В чистом поле, поле, на раздольи
Стоял нов высок терем.

Стоял нов высок терем...
Как во том ли новом теремочке
Красные девицы поют,

Красные девицы поют...
Знать-то, знать, то мою любезную
Сговаривают.

Ты не пой, не пой, соловьюшко,
 Не пой рано весной.
Не давай тоски-назолушки
 Сердцу моему;
И так мое сердечушко
 Изныло во мне!
Из-под бережка из-под крутого
 Вода не течет;
Из-под камешка из-под белого
 Вода ключом бьет.
За реченькой за быстрою
 Зелен сад растет;
Во этом ли во садике
 Черема цветет.
Несозрелую, неспелую
 Нельзя заломать;
Не сосватавшись, красну девицу
 Нельзя замуж взять.
Я повыгляжу да повысмотрю,
 Я тогда возьму.
.
С того крыльца ведут к венцу
 Красну девицу.
Один ведет за рученьку,
 Другой за другу.
Третий стоит — слезы ронит:
 Любил, да не взял!

Досталася сударушка
Другому, не мне!
«Красавица-забавница,
Простимся со мной». —
«Я рада бы простилася —
Кони не стоят;
Извозчички коломенски
Не смогут держать!» —
«Красавица-забавница,
Взгляни на меня». —
«Я рада бы взглянула бы —
Глаза не глядят!» —
«Красавица-забавница,
Платочком махни». —
«Я рада бы махнула бы —
Платка в руках нет!»

Селезень мой, селезень,
Селезень мой молодой!
Да что же ты, селезень,
Невесел сидишь?
— Как мне, селезню,
Веселому быть?
Ввечеру позднихонько
Утица со мной была;
Поутру ранешенько —
Застрелена она;
Не жалко было б,
Что застреленная,
Если б утка на воде,
А жалко — простреленная
На шелкóвой на траве!
Ввечеру позднихонько
Девушка со мной была;
Поутру ранехонько —
Просватанная она;
Не жалко — просватанная,
Если б девка за меня;
А жалко — просватанная
За лиходея она моего!

Добрый молодец похаживает,
Калену стрелу навязывает:
«Ты лети, леги, калинова стрела,
Выше лесу по поднебесью,
Ниже солнца по сыррой земле,
Ты убей, убей, калинова стрела,
На полете ясного сокола,
На походе удалого молодца,
Серу утицу на Волге на реке,
Сиза голубя на каменной стене,
Красну девицу в высоком тереме:
Сера утица — ества моя.
Красна девица — невеста моя,
Сизый голубь — забавушка моя,
Добрый молодец — досадушка моя!»

У ж вы, бабочки, бабеночки мои,
Рассудите мою горькую печаль —
Почему же мне бабеночку так жаль,
Почему мое сердечушко болит?
Я не знаю, со какой поры пойти:
Рано с вечеру — семеюшка не спит,
Со полуночи — жалею разбудить.
Я пойду, молодец, на белой на заре,
Разбужу, молодец, на утренней поре.
Стану, стану я во гуслицы играть,
Стану, стану приговаривати,
Свою болечку расхваливати.

На горе растет калина, под горою малина.
Молодая девчоночка молодчика любила;
Взяла его за рученьку, всю ночь водила,
Всю ночь до светочку; на дворе белая заря,
На дворе белая заря — девчоночке спать пора.
Выходила красная девка на свое новое крыльцо;
Простужала красна девка свое белое лицо.
Хорошо тебе, девица, по горенке ходити!
Да и мне ли, молодчику, на морозе стоюмчи!
Со морозу ножки стынут; снежок белый выпадал,
Снежок белый выпадал, дороженьку заметал...

Вдоль по улице молодец идет,
Вдоль по широкой удаля голова;
Ему встречу та, которую искал.
Повстречавшись и «здорово» не сказал.
«Верно, молодец, не любишь ты меня?
Верно, молодец, друга есть у тебя?» —
«Ах ты, девица, красавица душа,
Не одна ж ты уродилась хороша!»

За морем синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала;
Солоду купила, хмелю займы взяла.
Черный дрозд пивоваром был.
Дай же нам, боже, пиво то сварить,
Пиво то сварить и вина накурить!
Созовем к себе гостей — мелких пташечек.
Совушка-вдовушка незваная пришла.
Снигирюшка по сеничкам похаживает,
Совушке головушку поглаживает.
Стали все птички меж собой говорить:
«Что ж ты, снигирюшка, не женишься?» —
«Рад бы я женился, да некого взять!
Взял бы я пернатку — та матка моя;
Взял бы я чечотку — та тетка моя;
Взял бы я синичку — сестричка моя;
Взял бы я сороку — щекотливая.
Есть за морями перепелочка;
Та мне не матушка, не тетушка,
Ту я люблю, за себя возьму!»
Здравствуй, хозяин со хозяйскою!

На речке на Клязьме купался бобер.
Купался бобер, купался чернóй;
Купался, купался, не выкупался,
На горку взошел, отряхивался,
Отряхивался, охорашивался.
Охотнички свищут, черна бобра ищут:
«Где бы нам найтить, его застрелить,
Его застрелить, с него кожу снять,
С него кожу снять, кунью шубу сшить,
Кунью шубу сшить, бобром обложить,
Бобром обложить, девку полюбить,
Девку полюбить, кунью шубу подарить».

Хожу я по улице, да не нахожуся,
Гляжу я на милую, да не нагляжуся.
Светит, светит месяц во все чисто поле.
А в том чистом поле девка просу полет,
Девка просу полет, белы руки колет.
Скинул бы голицы, отдал бы девице,
Чтоб она полола да рук не колола!
Послать было сваху за девушку сватать,
Да поп не венчает, за своо сына чает,
А дьякон не служит, по девушке тужит,
А дьячок не дьячит, по девушке плачет,
Пономарь не звбнит, по девушке стонет.
Поедемте, братцы, во чистое поле,
Наловимте, братцы, куниц, лисиц, зайцев.
Попу дадим лисицу, дьякону куницу,
А дьячку-беднячку хоть серого зайца,
А просвирне-горюше хоть заячьи уши!

Из улицы в улицу
Летел сокол высоко,
Махал крыльями далеко.
Он махал, размахал,
Все перышки растерял.
Позади идет Иван:
Крылья-перья собирал,
Грамоточку написал,
Родну батюшку послал:
«Родимый мой батюшко,
Позволяешь ли гулять?» —
«Гуляй, гуляй, дитятко,
Покуль волюшка дана,
Покуль старость не пришла,
Покуль младость не ушла!» —
«Я старости не боюсь,
Я старость пришиблю
Своим черным чеботком,
Высоким каблуком,
Прошивным носочком!»

Соловей-соловейко молодой,
Ты не пой-ка рано весной,
Не пой шибко, не пой громко, —
Не столь тошно будет молодцу,
Не столь тошно, не столь грустно,
Сам не знаю, молодчик, почему;
Только знаю, думаю: по той,
По любезной по своей.
Что моя-то ли милая,
Удалилась она от меня,
Удалилась, отошла
За четыре ровно ста,
За четыре, за пятьсот,
За двенадцать она городов,
За двенадцать, за тринадцать —
В славный город во Москву.
Во Москве милый гулял,
Извозчичков себе нанимал;
Извозчичков не нашел,
Сам к товарищу зашел.
Ты, товарищ, братец мой,
Сядь, подумаем со мной,
Сядь, подумаем, присядем:
Кого к любушке послать?
Если старого послать —
Стар не знает, что сказать;

Если молодого послать —
Млад не дойдет до двора,
Не отворит ворота;
Если ровнюшку послать —
Ровня сам того глядит,
Ровня сам того глядит —
Хочет любу полюбить.
Подниматься соколу,
Верно, седни самому!

В темном лесе, в темном лесе,
В темном лесе, в темном лесе,
Во лесу, во лесу
Распашу я, распашу я,
Распашу я, распашу я
Пашенку, пашенку.
Я посеял, я посеял,
Я посеял, я посеял
Белый лен, белый лен.
Уродился, уродился
Белый лен, белый лен.
Тонок, долог, тонок, долог,
Тонок, долог, тонок, долог,
Бел, волокнист, бел, волокнист.
Повадился, повадился,
Повадился, повадился
Вор-воробей, вор-воробей
Мою конопельку, мою зеленую,
Мою конопельку, мою зеленую
Клевати, клевати.
Уж и я его, уж и я его,
Уж и я его, уж и я его,
Его изловлю, его изловлю,
Сизы перья, сизы перья,
Сизы перья, сизы перья
Ему исщиплю, ему исщиплю.

Он не будет, он не станет,
Он не будет, он не станет
Летати, летати.
Он не будет, он не станет,
Он не будет, он не станет
Клевати, клевати.
Повадился, повадился,
Повадился, повадился
Вор-молодец, вор-молодец
К моей Марусеньке, к моей молодой,
К моей Марусеньке, к моей молодой
Ходити, ходити.
Мою Марусеньку, мою молодую,
Мою Марусеньку, мою молодую
Любити, любити.
Уж и я его, уж и я его,
Уж и я его, уж и я его
Изловлю, изловлю,
Руки-ноги, руки-ноги,
Руки-ноги, руки-ноги
Ему изломлю, ему изломлю.
Он не будет, он не станет,
Он не будет, он не станет
Ходити, ходити,
Мою Марусеньку, мою молодую,
Мою Марусеньку, мою молодую
Любити, любити.

Зеленая роща во всю ночь шумела,
А я, молоденька, всю ночьку не спала,
Всю ночьку не спала, сидела и пряла.
Пряди, моя праха, пряди, не ленися!
— Я бы рада пряла, — меня в гости звали,
Меня в гости звали — к соседу в беседу.
К соседу в беседу, во пир пировати,
Во пир пировати, гостей забавляти.
Как приехал в гости на вороном коне,
На вороном коне, в белом балахоне,
В белом балахоне, мой милый с усами,
Мой милый с усами, с русыми кудрями...

Пойду я, младенька, погуляю
Я на свои новые на сени;
Посмотрю-ка я далече в чисто поле,
Хорошо ли в поле луги зеленеют.
Хорошо ли в поле луги зеленеют,
Лазоревые цветы расцветают.
Зеленеются в чистом поле луги,
Лазоревые цветы расцветают.
А всех людей в поле я вижу,
Одного света милого не вижу.
А все люди с службы едут,
Моего света милого нету.
По здорову ли мой миленький едет,
Али-то воеводы не отпустят?

Да ой не плачьте, мои ясны очи,
А не все надсажайте мое сердце.
Как увижу мила друга очи,
О здоровье мила друга спрошаю.
О здоровье мила друга спрошаю,
Про свое я житье ему скажу.
А не то мне на мила друга досадно,
А что долго мила друга нету,
А и то мне на мила друга досадно,
А что прельстила мила друга иная.
А всем мне надѣжа полюбился:
А умом он и ростом да родился,
Лишь одним мил надѣжа провинился,
А что смолода с иными поводился.

Пад озером верба,
Под вербою камень,
На камушке девка
Горчехонько плачет:
«Отдал меня батька
В турецкую землю,
В немецкую веру,
А я, молоденька,
Ничего не умею —
Ни прясть, ни ткати,
А только умею
Раненько вставати,
Косу заплетати».

Как на матушке на Неве-реке,
На Васильевском славном острове
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати тонких парусах;
Тонки, белые, полотняные,
Полотняные шиты-браные.
Как увидела красна девица
Из высокого нова терема,
Из косящата из окошечка,
Из хрустального из-за стеклушка,
Уж взяла ведра́, за водой пошла,
За водой пошла за холодною;
Почерпнув воды, ведра ставила,
А сама она слово молвила:
«Ты зачем, матрос, корабли снастишь
О двенадцати тонких парусах?» —
«Ах ты, душенька красна девица!
Не охотой я корабли снащу
О двенадцати тонких парусах,
Я по царскому повелению!»

Не бушуйте, не бушуйте, ветры буйные,
Не тревожьте мои мысли скучные;
Уж и так мне жить тошнехонько:
Покидает любить меня сердечный друг,
Сама не знаю, не ведаю за что.
Чем я своего голубчика прогневала?
Или тем, что я верна была?
Или тем, что я люблю тебя?
Не лукава была, не насмешлива?
Знаю, батюшка, знаю, жизнь моя,
Что можешь найти лучше меня, —
А верней меня не сыскать тебе.

У ж ты, веснушка, весна!
Ты не в радость мне пришла,
Не в радости, во тоске!
Во великой сухоте.
Болит сердце по тому
По зеленому саду.
Уж ты, сад ли мой зеленый,
Сад, зеленый виноград!
Отчего, садик, подсох?
Отчего, зелен, прибрек?
Отчего в тебе, мой садик,
Ни травушка не растет,
Соловьюшко не поет?
Ты воспой, соловьюшко,
Жалобнехонько!
Уж и так мне, молодой,
Жить тошнехонько.
Выду я на улицу —
Все журят, бранят,
Все плакать велят.
Погляжу в окошечко —
Во поле туман.
Во поле туман большой
Растуманился:
Знать, это мой милый друг
Припечалился.

Гусли вы, гусли звончатые мои,
Скажите вы, гусли, про мое про несчастье,
Про великую нужду: ведут дружка в службу!
А мне его жаль, жаль, жальчей его нету
По белому свету!
Далече милого дружка провожала:
За лес, за дуброву, за белу березу.
Там же я с милым дружкой расставалась,
Там же я с милым дружкой распрощалась...
Как вода в море, так я, молода, в горе,
Как вода в песке, так я, молода, в тоске.
Как же пчелы вьются, у меня слезы льются,
На час не уймутся...

В. ы, молодчики, вы, молоденькие, вы, дружки мои,
Ваши ласковые, распрятные ко сердцу слова
Без огоничку во мне сердце, сердце изожгли,
Без буйных ветров мои мысли, печаль-горе
разнесли,
Разнесли мысли по чистым полям, по зеленым
лужкам!
Все лужочки заливались свежее водою;
Я-то, девушка, заливалася горячим слезам.
Ах да кто бы, кто бы моему горюшку, кто бы
помог,
Кто бы, кто бы за мила дружка во солдатушки
пошел?
Еще кто бы моему великому горю пособил,
Кто бы моего милого со дорожки воротил?
Воротися, воротися, миленький дружок,
На маленькое времечко, на минутку, на часок!
Наглядятся очи ясны на мила дружка!
Не сидела бы девушка в новой горенке одна,
Не гасила бы во всю ноченьку во всю темную
огня,
Не лежала бы белой грудью, грудью на окне,
Не роняла бы горьки слезы, горьки слезы за
окно.

Не глядела бы девушка в поле, в чисто поле
далеко.

Не бранила бы девушка чужу дальню сторону:
«Ты, злодейка, чужа дальняя, чужа дальняя сторона,
Разлучила-развела со милым дружком!»

Цвели в поле цвѣтики, да поблекли.
Любил мене миленький, да спокинул.
Ох, спокинул, душа моя, ненадолго,
Ах, на малое времечко, на часочек.
Часочек мне кажется да за денечек,
Денечек мне кажется за недельку,
Неделька мне кажется за май месяц.

Я куда с горя, да куда с горяшка одеваюся,
Да со печалюшки потеряюся!
Да я пойду с горя во темны леса,
Во темны леса да в зелены лужки.
В зеленых лужках растет трава,
Растет трава да расцвели цветы лазоревы;
Лазоревы, да нанесли духи малиновы,
Малиновы, да что малиновы, анисовы;
Анисовы, да я со той травы цветов сорву;
Цветов сорву, да я веночек совью;
Веночек совью да своему дружку,
Своему дружку да на головушку;
Да носи, милый, да не уранивай,
Да ты люби меня, да не обманывай,
Да, ай, веночек спал, да мил любить не стал,
Да любить не стал, да он смеяться стал,
Да он смеяться стал над девушкой.

Все окошечки-окна вон повынуты,
Вон повынуты...
Все окошечки они распечатаны,
Распечатаны.
Уж как то ли мой милой сидит, собирается,
Собирается...
Ты куда, куда, милый, собираешься,
Собираешься?..
Во какую путь-дороженьку, милый,
отправляешься?
Пойду, молода, тишком-лужком,
Тишком-лужком, бережечком;
Нарву, молода, я цветочков,
Я цветочков василечков;
Совью, молода, я веночек,
Пойду, млада, к быстрой речке,
Брошу веночек вдоль по речке;
Позадумаю про милого:
Как любит ли меня милый?
Мой веночек тонет, тонет,
Мое сердце ноет, ноет.
Стал веночек потопати —
Мое сердце замирати,
Стал милый друг покидати... .

А х ты, ночь же, ночка,
Ночка темная,
Осенняя, долгая!
Молодка, молодка,
Молоденькая;
Головка твоя
Победненькая!
С кем же тебе, молодка,
Ночь спать-ночевать,
Ночку спать-ночевать,
Осеннюю коротать?
Лягу спать одна,
Без мила дружка;
Без мила дружка
Обуяла грусть-тоска.
Грусть-тоска берет:
Далеко милóй живет,
Далече-далече —
На той стороне,
На той стороне,
Не близко ко мне.
Ходит мой милой
Тою стороной.
Машет мой милой
Правою рукой,
Ручкой правою,

Шляпой черною:
«Перейди, сударушка,
На мою сторонушку».
Я бы рада перешла,
Переходу не нашла;
Переход нашла —
Речка глубока,
Речка глубока,
Жердочка тонка,
Тонка, тонка, гнется —
Боюсь, переломится,
Знать, там мой милóй
С иной водится,
С иной водится —
С красной девицей.

Шла тропинка,
Шла тропинка мимо кузницы.
 Во кузнице,
Во кузнице два молодых кузнеца
 Куют замки,
Куют замочки, наваривают;
 Меня, младу,
Меня, младу, подговаривают;
 Сулят, дарят,
Сулят, дарят два замочка со ключом.
 Мне не надо,
Мне не надо ни замочка, ни ключа,
 Да только надо,
Только надо мне каленая стрела —
 Стрелить, убить,
Стрелить, убить добра молодца,
 Добра молодца,
Добра молодца на вороном коне
 Да красну девку,
Да красну девку во высоком тереме.

По рощице Машенька гуляла,
Со правой со рученьки кольцо потеряла;
Со той тоски, со досады рошу зажигала:
«Гори, гори, рощица, гори, зеленая!
Все пеньица-кореньица, все вон выгорайте!
Все пташечки-канарейки, все вон вылетайте!»
Один-то, один млад соловушек в роше оставался.
Прилетала к соловушку горькая кукушка;
Молодого соловушка журила-бранила:
«Уж ты, глупый, неразумный, молодой соловейко!
Ты умеешь, соловейко, только песни пети;
Ты не умеешь, соловейко, тепла гнезда вить!
Уж ты свей-ка гнездо при долине, на кусте
раките!
Что никто тое гнездышко не разовьет,
Малых детушек никто не разгонит».

Эй да уж вы, ночи темные,
Ах, ночи темные,
Ночи темные, долгие, осенние,
Да вы осенние.
Надоели вы, ночи, надоскучили,
Ах, надоскучили,
Со милым-то ли дружкой поразлучили,
Да поразлучили!
Всю-то я ноченьку, млада, просидела,
Да я просидела,
Всю я темную, млада, проплакала,
Да я проплакала,
Все я думушки, млада, придумала,
Да я придумала,
Одна думушка да мне с ума нейдет
Да со разума.
Проторил-то ли милый путь-дороженьку,
Да путь широкою:
Пропустил-то ли милый худу славушку
Да про девушку.
Сама девка глупо сделала —
Дружка распрогневала,
Назвала его горьким пьяницей,
Все пропойцей.

Эх да уж вы, ночи, ночи мои темные!
Все-то ночушки, млада, я просиживала,
Все-то думушки, млада, я придумала.
Эх как одна-то думушка мне с ума нейдет.
Эх я сама-то, млада, глупо сделала,
Эх я мила-то дружка распрогневала,
Эх назвала я дружка: горький пьяница.
Эх я еще-то дружка назвала: вор-разбойничек.
Эх не ходи-ка, дружок, во царев кабак,
Эх не пей же, дружок, сладку водочку,
Эх да не люби ты, дружок, целовальничиху!

Никак не возможно мне без печали жить,
Любить дружка можно мне — нельзя по нем
не тужить,
Нельзя не тужить...
Хорош, пригож миленький — всем сердцем больно
горяч,
Всем сердцем горяч...
Вздумаю про милого — немил девке белый свет,
Немил белый свет...
Немил девушке белый свет — бежала б я в лес,
Бежала б я в лес...
В лесу пользы нету мне — все листья шумят,
Все листья шумят...
Шумят, шумят листики, пошумливают,
Пошумливают.
А нам с тобой, милый друг, разлуку они дают,
Разлуку дают...
Разлука-разлучница — чужая дальняя сторона,
Чужая сторона...
Чужая сторонушка — незнакомая,
Незнакомая...
Ходил гулять молодец по темным по лесам,
По темным лесам...
Стрелял разудаленький по частым по кустам,
По частым кустам...

Застрелил он девицу в ретивое во сердце,
В ретиво сердце...
Не гневайся, девушка, любя тебя застрелил,
Любя застрелил...
Не стой, не стой, красная, под частым кустом,
Под частым кустом...
Под частым кустом с иным молодцом,
С иным молодцом...
Не то-то мне тошно-то, что ты с ним стоишь,
Что ты с ним стоишь...
А больше досадно мне — про что говоришь,
Про что говоришь...
Клялася ему, божилася — право, его не люблю,
Его не люблю...
Право, не люблю — за тебя замуж пойду.

Не велят Маше на улицу ходить,
Не велят Маше молодчика любить,
Ей молодчика молоденького,
Неженатого, холостенького.
Холостой парень любитель дорогой,
Он не чувствует любви, злодей, никакой.
Такова любовь на свете горяча,
Горяча любовь, слезами она облита.
Как у Машеньки заплаканы глаза,
У красавицы затерто белое лицо.
Вечор, милый друг, гуляли с тобою,
На другой вечер прибили меня за тебя,
За тебя ли, удалого молодца.
Уж я с тех пор в постелюшку слегла,
Во постели три недели лежала,
На четвертую выздоравливать стала,
Я на пятую в зеленый сад пошла.
Мимо рощи, мимо зелена сада,
Пролежала тут дороженька торна,
Что торна-торна, пробита она до песка.
Уж и кто ж эту дорожку проторил?
Холостой парень ко девушке ходил,
Много злата, много серебра носил,
Без расчета золотой казной дарил.
Как за это его батюшка бранил,
Как за эти за худые за дела,
Как за эти за поздные вечера.

Возле речки, возле мостика
Трава росла,
Трава росла шелковая,
Шелковая, муравая, зеленая.
И я в три косы косила
Ради гостя,
Ради гостя, ради друга,
Ради гостя, ради друга дорогого.
Что задумал моя радость,
Друг, жениться.
Он не хочет со мной, бедной,
Он не хочет со мной, бедненькой,
проститься.
Заезжай ко мне, девице,
Друг, проститься,
Неравно, моя надежда,
Что случится:
Через реченьку поедешь,
Друг, утонешь;
Через быстру понесешься —
Захлебнешься;
Про меня, красну девицу,
Друг, помянешь,
Какова-то я, младенька,
Какова я, молодешенька, бывала:
Поутру раным-раненько,
Поутру раным-ранешенько вставала,

На босу ножку башмачки
Надевала,
И на плечики салопчик
Накидала,
На головушку платочек
Навязала,
Встретить друга дорогого
Поспешала.

Сказали про молодца, что не жив, не здоров,
 Сказали про удалого, будто без вести пропал,
 А нонече молодец вдоль по улице прошел,
 Любимую свою песенку шибко-громко просвистал,
 Душе красной девице в терем голос подавал,
 Чтобы слышала любезная, не дремала, не спала,
 Ждала б, ждала б девица к себе милого дружка,
 Горела б у девицы воску ярого свеча.
 Не дождавшись, девица ложилась спать одна.
 Пришел добрый молодец в самую полночь.
 Стучит-гремит молодец у косящата окна:
 «Дома ли, любезная? Вышла б, встретила
 меня». —

«Зачем, зачем, молодец, ко мне раньше
 не пришел?» —

«За тем, за сем, девица, позамешкался в дому:
 С худою женою у нас с ней побраночка была,
 А все, мой друг, за тебя.
 Я бил ее, молодец, — чуть живу на свет
 пустил». —

«Не бей, не бей, молодец, худую свою жену.
 С худою жененкою тебе век с ней вековать,
 А со мной, красной девицей, одну ночку
 ночевать».

По Тверской Ямской, вдоль по Питерской.
Вдоль по Питерской,
Едет миленький по дороженьке,
Он на троечке на вороненькой,
На вороненькой, с колокольчиком.
Пишет миленький ко мне грамотку,
Весть нерадостну,
Не пером пишет, не чернилами —
Пишет миленький горючим слезам,
Горючим слезам молодецкими:
«Ты не жги, не жги свечи сальные,
Свечи сальные, воску ярого,
Ты не жди, не жди дорога гостя,
Дорога гостя, дружка милого!»
Он идет, идет, дружок миленький,
Он идет, идет, низко кланяется.
«Здравствуй, милая, расхорошая,
Моя прежняя полюбовница!
Я не гость пришел, не гостить к тебе,
Пришел, любушка, распроститися,
За твою любовь поклонитися;
Ты дозвожь мне женитися!» —
«Ты женись, женись, разбессовестный,
Разбессовестный, дружок миленький!
Я не думала в тебе этого,
Не ждала такого словечушка.
Испужал ты мое сердечушко...

Ты возьми, возьми саблю вострую,
Ты разрежь, разрежь мою белу грудь,
Посмотри-ка на ретиво сердце:
Не белее черного бархату!» —
«Не печалься-ка, моя милая,
Моя прежняя любовница!
Я любить буду лучше прежнего,
Я ходить стану чаще старого!» —
«Не обманывай, дружок миленький!
Ты ходить будешь, все расспрашивать,
Молодой жене все рассказывать!
Молодая жена будет сердиться,
На меня, младу, будет гневаться.
Пойдем в садичек, разгуляемся,
Мы подарочкам разменяемся:
Ты возьми, возьми золото кольцо;
Ты отдай, отдай мой тальянский плат!
Тебе тем кольцом обручатися,
А мне тем платком жениха дарить!»

Раздивья тому на свете жить,
Да у кого нету милá дружка.
У того ль нету заботушки,
На сердечушке зазнобушки.
У меня ль, у красной девушки,
Есть по разуму сердечный друг;
Да высушил меня, молодешеньку,
Хуже ветра, хуже вихоря,
Хуже травушки скошёной,
Подкошёной, засушенной.
Сама, девушка, на грех ступлю,
Своего дружка да иссушу
Я не зельем, не кореньями —
Иссушу да горючими слезьми.
Не достанься, мой сердечный друг,
Не достанься ни тебе, ни мне,
Не достанься-ка моей сестре.
Ты достанься-ка, мой сердечный друг,
Да достанься-ка сырой земле,
Доставайся гробовой доске.

Ой выду я на реченьку,
Посмотрю на быстрюю,
Ой посмотрю я, молода,
Да куда течет вода.
Ой течет речка по песку
Во матушку во Москву.
Ой разнеси ты, быстра реченька,
Печаль мою, тоску,
Ой всю печаль мою, тоску
Во матушку Москву!
Ой быстра реченька течет,
Всю печаль мою несет.
Ой мне сказали про милого,
Будто не жив, не здоров,
Ой будто не жив, не здоров,
Будто без вести пропал.
Ой на рассвете светик мой
Вдоль по улице прошел,
Ой вдоль по улице прошел,
Шибко-громко просвистал,
Ой шибко-громко просвистал,
На окошечко взирал.
Ой на окошке есть приметка —
Винограду висит ветка.
Ой виноград мой спелый-зрелый,
Без ума девку изделал. . .

Снежки белые, пушисты
Покрывали все поля,
Одного лишь не покрыли —
Горя лютого мово.
Есть кусточек среди поля,
Одинешенек стоит,
Он не сохнет, он не вянет,
И листочков на нем нет.
А я, горькая, несчастна,
Всегда плачу по миллом.
День тоскую, ночь горюю,
Потихоньку слезы лью.
Слезка канет, снег растает,
Травка вырастет на нем.

И экой Ваня, разудалая, ой да голова,
Да сколь удалая головушка, Ваня, твоя.
Да сколь далече уезжаешь от меня,
Да на кого же спокидаешь ты меня?
Да с кем я буду эту зиму зимовать,
Да с кем дозволишь весну красную встречать,
Да с кем прикажешь лето теплое гулять?

«Да гуляй, гуляй, красная девица, одна,
Да я уеду, не приеду больше никогда».
Да что ты, Ваня друг, смеешься надо мной,
Да оставляешь не девицей, не вдовой,
Да горе-горькой сиротинкой-сиротой.

Злые люди, перестаньте говорить,
Да научите, как мила дружка забыть.

Ой да вы, морозы,
Вы морозы крещенские, лютые!
Ой да сморозили,
Сморозили казаченьку на коне.
Ой да выходила,
Выходила девчонка на крыльцо,
Ой да выносила,
Выносила шубеночку на руке.
Ой да прикрывала,
Прикрывала казаченьку на коне.
Ой да прикрывамши,
Прикрывамши, приговаривала:
— Ой да куда едешь,
Куда едешь — заезжай, милый, ко мне,
Ой да коль заедешь,
Коль заедешь — сердце взрадуется,
Ой да не заедешь,
Не заедешь — обомрет сердце во мне.

Несчастливый день суббота,
Нельзя в поле работать,
Ни скородить, ни пахать.
Пойдем с тобой, друг Ванюша,
В зелен садик погулять.
Во зеленом во садочке
Соловьи пташки поют,
А другие канарейки
Нам покою не дают.
Вечор я свово милого
Снаряжала хорошо:
Коленкорову рубашку
Надевала да на него,
Шелковеньким поясочком
Подпоясывала его.
Поутру рано вставала
Провожала далеко,
На ту гору на крутую,
На высокий на курган.

Ты не пой, ты не пой,
Веселый мой,
Веселый соловьюшек!
Ты не пой, мой соловьюшек.
В моем зеленóm саду.
Не давай же ты, не давай
Моему ли сердцу,
Сердечку да назолы моему.
И так-то ли я, девочка,
Хожу чуть,
Хожу чуть да живехонька.
Сама-то хожу —
Стень моя,
Стень моя да шатается.
Я во девочках жила,
Ничегохоньки я,
Ничегохоньки я не знала, девочка.
Во чужие люди пошла —
Все горюшко,
Все я горюшко узнала, жалкая.
Прилетал ко мне, прилетал
Веселый мой,
Веселый соловьюшек.
Приносил он мне, приносил
Вести мне,
Вести нехорошие:

Ой да будто, будто бы поймали
Мово милого в зеленóm
Его, в зеленом саду.
В зеленом-то во саду
Поймали его,
Поймали его на курганчике.
Взяли-то, взяли его,
Взяли-то соловьюшка,
Взяли его под белы руки,
Посадили-то соловья,
Соловьюшка во темную,
Во темную его клеточку.

Ой, мимо сада, сада зеленого
Ай да провожала я свою дружка,
Ой, как по этой только по дорожке,
Ай да провожала милого дружка.
Ой, провожала, речью ублажала,
Ай да и вздыхала по нем тяжело.
Ой, я тогда дружка свою забуду,
Ай да когда смертью своею умру.
Ой, помру, помру, я жива не буду,
Ай да похоронят в зеленом саду.
Ой да отымутся мои резвы ножки,
Ай да я не буду к милому ходить.
Ой, отымутся мои белы ручки,
Ай да я не буду его обнимать.
Ой, запекутся мои уста кровью,
Ай да я не буду его целовать.

Волга-матушка родимая течет,
Друга милого, касатика несет;
Вниз красивая расшивушка плывет,
Дорогой товар нарядная несет.
Подбодрился мой хороший, дорогой,
Словно гоголь над кормой:
Кудри шелковы по плечикам бегут,
Ясны оченьки расшиву стерегут.
Друга милого путина далека;
Разделила нас широкая река.
Друга милого путина далека;
Не оставила следа широкая река.
Только струйка малая ко бережку бежит,
Как слеза моя, колышется, дрожит.
Растворю тесовые ворота я на двор,
Выйду рано я на утренней заре,
В синю даюшку туманну погляжу,
Друга милого хоть сердцем провожу...

Выйду за ворота, погляжу далеко,
Погляжу далеко, где луга, болота,
Где луга, болоты, озера глубоки.
Во этих в озерках живет рыба щука,
Живет рыба щука, белая белуга.
Белая, белáя, где моя милáя?
По бережку ходит, белу рыбу ловит,
Неводом закинет, осетрину вынет.
Где бы сесть, присести, белу рыбу съести?
Сяду, присяду к зеленому саду
На ту на долинку, на милу тропинку.
Где милый ни пóйдет, меня не обóйдет,
Где мил ни поедет, меня не объедет.
В саночки посадит, городом прокатит.
Город не деревня, Пензенска губерня,
Пензенска губерня, Саратовска уезда!

Куревушка, курева,
Закутила, замела
Все дорожки, все пути,
Нельзя к милому идти.
Пошла по дрова —
С милым свиделася.
На ключ по воду пошла —
Поздоровалася:
«Здравствуй, миленький дружок!
Ко мне в гости гости,
Да подалече садись!
Уж как нонешние люди
Догадливые,
Переводливые:
Накутят, намутят,
С тобой, милый, разлучат».

Научить ли те, Ванюша,
Как ко мне ходить?
Ты не улицей ходи —
Переулочком,
Ты не голосом кричи —
Соловьем свищи,
Чтобы я, млада, младенька,
Догадалася,
Со беседушки домой
Собиралася...
Уж я батюшке скажу,
Я родному ли скажу —
Голова болит.
Уж я матушке скажу,
Я родимой доложу —
Нездоровится,
Худо можется.
А к милу дружку приду,
А к любезному приду
Здоровешенькой,
Веселешенькой!

Как пойду я, молоденька,
Как пойду я, веселенька,
Вдоль долиною,
Вширь шириною.
Как навстречу молоденьке,
Как навстречу веселеньке
Косой серый заяк.
Наперед он забегает,
В глаза заглядает.
Не заглядывай, зайнька,
Не заглядывай, серенький.
У меня мать гробзна,
Не пускает гулять поздно.
Велит распротиться
И врозь разойтись. . .

Я вечер в гостях гостила,
Всех подружек веселила;
Танцевала, приустала,
Приустала, задремала;
Задремавши, спать ложилась
Ко молодцу на колени,
К хорошему под гусельцы.
Молодец в гусли играет,
Меня, младу, побуждает:
«Встань, девушка, встань, лапушка,
Встань, белая лебедушка!
Воно идет твой батюшка,
Воно идет, бранить будет!» —
«Я батюшки не боюсь,
Родимого не стыжусь:
Мой батюшка не чужой,
Мой родимый не лихой,
Он меня бить, бранить не станет,
Побьет, побранит — перестанет,
На двор пошлет — назад возьмет!»

Я по сеничкам гуляла,
Белой рученькой махала,
К себе дружка вызывала.
Мой миленький неспесив —
В новы сени выходил,

За белу руку схватил,
Постоять на час просил.
Своей чести не сдержала —
Простояла с ним часок,
Говорили про любовь.

Ой да Ваня белый, Ваня чернобровый,
Молодец хороший!
Ой да ходил Ваня-Ваня по лужочку,
Он искал следочку.
Ой да не нашел он, Ванюша, следочку
И стал на тыночку.
Ой да злы собаки Ваню увидали,
На него брехали.
Ой да к нему вышла, вышла-выходила
Красная девица;
Ой да она вышла, вышла-выходила,
Речи говорила:
«Ой да ты сам себе, Иванушка, шкодишь:
Не во-время ходишь!
Ой да ты приди-ка, Ванюша, порою —
Вечерней зарею;
Ой да когда зоренька, Иванюша, стухнет,
Все люди приуснут;
Ой да ни батюшки, ни матушки
Дома не случится;
Ой да родны братья, братья за стрельбою,
Сестры за гульбою;
Ой да невестушки, они, голубушки,
Хотя они дома,
Ой да хотя они дома, они ведь не скажут,
А хоть скажут, не скажут,
А им не поверят!»

Посею лебеду на берегу,
Посею лебеду на берегу,
Мою крупную рассадушку,
Мою крупную зеленую!

Погорела лебеда без воды,
Погорела лебеда без воды,
Моя крупная рассадушка,
Моя крупная зеленая!

Пошлю казака по воду,
Пошлю казака по воду,
Ни воды нет, ни казаченка,
Ни воды нет, ни казаченка!

Кабы мне, младе, ворона коня,
Кабы мне, младе, ворона коня,
Я бы вольная казачка была,
Я бы вольная, молоденькая!

Скакала, плясала по лугам,
Скакала, плясала по лугам,
По зеленым лес-дубровушкам,
По зеленым лес-дубровушкам.

С донским с молодым казаком,
С донским с молодым казаком,
Со удалым добрым молодцем,
Со удалым добрым молодцем!

Раздушечка, казак молодой,
Раздушечка, казак молодой,
Что не ходишь, что не жалуешь ко мне,
Что не ходишь, что не жалуешь ко мне?

То не гусельки рокоцут,
Не свирели говорят,
Э, не свирели говорят.
То воробушек по улицам
Поскакивает,
Э, да поскакивает.
Красных девушек на игрище
Заманивает,
Э, да заманивает.
А меня-то, молоду,
Да и свекор не пускал,
Э, да и свекор не пускал.
Заставляет свекор-батюшка
Работу работать,
Э, он работу работать.
Что работу работать,
Все сукно дотыкать,
Э, все сукно дотыкать.
В полусердце я войду
И сукно изорву,
Э, и сукно изорву.
А во сердце я войду,
И челнок зашвырну,
Э, и челнок зашвырну.
Я челнок зашвырну
Да на игрище пойду,
Э, да на игрище пойду.

У ж я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки в терему, в терему,
Я у матушки в высоком, в высоком.
Пал, пал перстень
В калину, малину,
В черную смородину.
Гадай, гадай, девица,
Отгадай, красавица,
В коей руке былица?
И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, кабы ведала.
Через поле идучи,
Русу косу плетучи,
Щелком первиваючи,
Златом приплетаючи.
Ах вы, кумушки,
Вы голубушки!
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте!
Меня мати хочет бити
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертым жемчужным.
Еще девицы гадали,
Еще красные гадали,

Да не отгадали.
Пал, пал перстень
В калину, малину,
В черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина да у молодого
На правой на ручке,
На малом мизинце.
Еще девицы гадали,
Да не отгадали,
Еще красные гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чистым порохом запало,
Призаиндевело,
Призаплесневело.
Молодайка,
Отгадай-ка!

Через сад, через сад,
Через зелен виноград
Гуси, лебеди летали,
Чисто серебро роняли,
Его девушки брали,
Корыстовали.
Еще каждая говорила:
У меня, у меня,
Или подле меня,
У моей сестры
У голубушки.

А как же мне, матушка,
Как же, родимая,
Белый ленок сеять,
Белый ленок сеять?

Вот так, вот сяк,
Вот и эдак, вот и так!
При дороге лен, лен,
При широкой — частый,
Частый, перистый,
Долгий, волокнистый,
Долгий, волокнистый.

А как же мне, матушка,
Как же, родимая,
Белый ленок брати,
Белый ленок брати?

Вот так, вот сяк,
Вот и эдак, вот и так!
При дороге лен, лен,
При широкой — частый,
Частый, перистый,
Долгий, волокнистый,
Долгий, волокнистый.

А как же мне, матушка,
А как же, родимая,

Белый лен стелити,
Белый лен стелити?
Вот так, вот сяк,
Вот и эдак, вот и так!
При дороге лен, лен,
При широкой — частый,
Частый, перистый,
Долгий, волокнистый,
Долгий, волокнистый.

А как же мне, матушка,
Как же, родимая,
Белый лен мяти,
Белый лен мяти?
Вот так, вот сяк,
Вот и эдак, вот и так!
При дороге лен, лен,
При широкой — частый,
Частый, перистый,
Долгий, волокнистый,
Долгий, волокнистый.

Как же мне, матушка,
Как же, родимая,
Как лен трепати,
Как лен трепати?
Вот так, вот сяк,
Вот и эдак, вот и так!
При дороге лен, лен,
При широкой — частый,
Частый, перистый,
Долгий, волокнистый,
Долгий, волокнистый.

Как же мне, матушка,
Как же, родимая,
Белый ленок мыкать,
Белый ленок мыкать?

Вот так, вот сяк,
Вот и эдак, вот и так!
При дороге лен, лен,
При широкой — частый,
Частый, перистый,
Долгий, волокнистый,
Долгий, волокнистый.

Как же мне, матушка,
Как же, родимая,
Белый ленок прясти,
Белый ленок прясти?

Вот так, вот сяк,
Вот и эдак, вот и так!
При дороге лен, лен,
При широкой — частый,
Частый, перистый,
Долгий, волокнистый,
Долгий, волокнистый.

Как же мне, матушка,
Как же, родимая,
Красенцы сновати,
Красенцы сновати?

Вот так, вот сяк,
Вот и эдак, вот и так!
При дороге лен, лен,
При широкой — частый,
Частый, перистый,

Долгий, волокнистый,
Долгий, волокнистый.
Как же мне, матушка,
Как же, родимая,
Холстиночку ткати,
Холстиночку ткати?
Вот так, вот смяк,
Вот и эдак, вот и так!
При дороге лен, лен,
При широкой — частый,
Частый, перистый,
Долгий, волокнистый,
Долгий, волокнистый.
Как же мне, матушка,
Как же, родимая,
Холстиночку белити,
Холстиночку белити?
Вот так, вот смяк,
Вот и эдак, вот и так!
При дороге лен, лен,
При широкой — частый,
Частый, перистый,
Долгий, волокнистый,
Долгий, волокнистый.
Как же мне, матушка,
Как же, родимая,
Молодца дарити,
Молодца дарити?
Вот так, вот смяк,
Вот и эдак, вот и так!
При дороге лен, лен,

При широкой — частый,
Частый, перистый,
Долгий, волокнистый,
Долгий, волокнистый.

«Заинька, где был-побывал,
Серенький, где ночь ночевал?» —
«Скажу, скажу, барин мой,
Скажу, скажу, сударь мой!
В огороде у бабуси
Я капусту полол». —
«Заинька, не видали ль тебя,
Серенький, не видали ль тебя?» —
«Видали, барин мой,
Видали, сударь мой!
Там ходили три девицы,
Там гуляли красавицы». —
«Заинька, не знаешь ли, как звать,
Серенький, не знаешь ли, как звать?» —
«Знаю, знаю, барин мой,
Знаю, знаю, сударь мой!
Первая — Катюша,
Другая — Маруся,
Третья — Дунюшка-душа». —
«Заинька, не звали ли тебя,
Серенький, не звали ли тебя?» —
«Звали, звали, барин мой,
Звали, звали, сударь мой!
Катюша звала,
Маруся звала;
А Дунюшка удаля все кланялась
да звала». —

«Заинька, накормили ль тебя,
Серенький, накормили ль тебя?» —
«Накормили, барин мой,
Накормили, сударь мой!
Катюша — блинами,
Маруся — пирогами;
А Дунюшка удала калачика поднесла». —
«Заинька, напоили ль тебя,
Серенький, напоили ль тебя?» —
«Напоили, барин мой,
Напоили, сударь мой!
Катюша — вином,
Маруся — пивом;
А Дунюшка удала стакан меду подала». —
«Заинька, проводили ли тебя,
Серенький, проводили ли тебя?» —
«Проводили, барин мой,
Проводили, сударь мой!
Катюша — из дверей,
Маруся — из сеней;
А Дунюшка удала через двор провела». —
«Заинька, не побили ли тебя,
Серенький, не побили ль тебя?» —
«Били, били, барин мой,
Били, били, сударь мой!
Катюша — рогачом,
Маруся — помелом;
А Дунюшка удала за усики подрала». —
«Заинька, не плакал ли ты,
Серенький, не плакал ли ты?» —
«Плакал, плакал, барин мой,
Плакал, плакал, сударь мой!» —

«Зайнька, как же ты плакал,
Серенький, как же ты плакал?» —
«Ахны, ахны, барин мой,
Ахны, ахны, сударь мой!»

Скажи, скажи, воробушек,
Как девицы ходят?
Они этак и вот этак!
Туды глядь, сюды глядь,
Где молодцы сидят.

Скажи, скажи, воробушек,
Как молодцы ходят?
Они этак и вот этак!
Туды глядь, сюды глядь,
Где голубушки сидят.

Скажи, скажи, воробушек,
Как старушки ходят?
Они этак и вот этак!
Туды глядь, сюды глядь,
Где молодые сидят.

Скажи, скажи, воробушек,
Как злые люди ходят?
Они этак и вот этак!
Туды глядь, сюды глядь,
Где добрые сидят.

Как у наших у ворот
Стоит озеро воды.
 Ой ли, ой ли, ой люли!
 Стоит озеро воды.
Стоит озеро воды,
Молодец коня поил.
 Ой ли, ой ли, ой люли!
 Молодец коня поил.
Молодец коня поил,
К воротечкам подводил.
 Ой ли, ой ли, ой люли!
 К воротечкам подводил.
К воротечкам подводил,
К веревушке привязал.
 Ой ли, ой ли, ой люли!
 К веревушке привязал.
К веревушке привязал,
Красной девке приказал.
 Ой ли, ой ли, ой люли!
 Красной девке приказал:
«Красна девица душа,
Сбереги мово коня.
 Ой ли, ой ли, ой люли!
 Сбереги мово коня.
Сбереги мово коня,
Не порвал бы повода.

Ой ли, ой ли, ой люли!
Не порвал бы повода,
Повода шелковые,
Удила серебряные».
Ой ли, ой ли, ой люли!
Удила серебряные.
Красна девушка идет,
Словно павушка плывет.
Ой ли, ой ли, ой люли!
Словно павушка плывет.
Словно павушка плывет,
Таки речи говорит.
Ой ли, ой ли, ой люли!
Таки речи говорит:
— Не твоя, сударь, слуга!
Не держу твоего коня.
Ой ли, ой ли, ой люли!
Не держу твоего коня.
Когда буду я твоя,
Сберегу тогда коня.
Ой ли, ой ли, ой люли!
Сберегу тогда коня.

У ж как звали молодца, подзывали молодца
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!
 Как во пир пировать, во беседушку сидеть,
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!
 Как в беседушку сидеть, себе невесту
 выбирать.
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!
 Среди горницы на скамье, против
 вдовушки-души,
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!
 Молодец вдове челом — с молодца шляпа
 долой.
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!
 «Уж ты, вдовушка, подай, супротивница,
 подай!»
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!
 — Не твоя, сударь, слуга, я не слушаюсь
 тебя,
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!

Я не слушаюсь тебя, не работаю на тебя!
Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
Дунай!

Уж пошел молодец нерадошен, невесел,
Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
Дунай!

Нерадошен, невесел, и заплакал да пошел.
Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
Дунай!

Не честь молодцу, не хвала удальцу
Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
Дунай!

От своих братьев от товарищей.
Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
Дунай!

Уж как звали молодца, подзывали молодца
Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
Дунай!

Как во пир пировать, во беседушку сидеть,
Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
Дунай!

Как в беседушку сидеть, себе невесту выбирать.
Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
Дунай!

Середь горницы на скамье, против девицы-
души.
Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
Дунай!

Молодец девке челом — с молодца шляпа
долой.
Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
Дунай!

«Ты, девица, подай, раскрасавица, подай!»
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!

— Я твоя, сударь, слуга, я послушаюсь тебя,
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!

Я послушаюсь тебя, поработаю на тебя,
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!

Буду, сударь, работáть, черну шляпу
 подымать,
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!

Черну шляпу подавать, на тебя, друг,
 надевать. —
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!

Как пошел молодец, как пошел удалой
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!

И радощен и весел, сам защелкал да пошел.
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!

Уж как честь молодцу и хвала удалцу
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!

От своих-то братьев от товарищей.
 Ой, Дунай ли мой, Дунай, сын Иванович
 Дунай!

В чистом поле при займище
Журавли кричат.

Жур-жур, жур-жур,
Журавли кричат.

Журавль кричит, журавль кричит,
Журавку кличет.

Жур-жур, жур-жур,
Журавку кличет.

Журавушка, сударушка,
Лети, лети скорей!

Жур-жур, жур-жур,
Лети скорей.

Лети скорей, журавушка,
Муравку щипать!

Жур-жур, жур-жур,
Муравку щипать.

Как под лесом, под лесочком
Шелкова трава.

Жур-жур, жур-жур,
Шелкова трава.

На той траве донской казак
Коня треножил.

Жур-жур, жур-жур,
Коня треножил.

Красна девка боярыня
По воду пришла.
 Жур-жур, жур-жур,
 По воду пришла.
«Добрый молодец донской казак,
Бог помочь тебе».
 Жур-жур, жур-жур,
 Бог помочь тебе.
— Красавушка боярышня,
Пойди за меня.
Ты вытолки, ты вымели,
Накорми меня!
 Жур-жур, жур-жур,
 Накорми меня.
«Не вытолку, не вымелю,
Не накормлю тебя,
Мой батюшка — светел месяц —
Не выдаст меня!»
 Жур-жур, жур-жур,
 Не выдаст меня!

Около сыра дуба
Люли, люли, дуба!
Растет чернь-черница.
Люли, люли, черница!
А во той ли во чернице
Люли, люли, во чернице!
Черен соболь скачет.
Люли, люли, скачет!
Поскачи, поскачи, соболь,
Люли, люли, соболь!
По чисту полю.
Люли, люли, полю!
Поплыви, поплыви, утя,
Люли, люли, утя!
По тиху Дунаю.
Люли, люли, Дунаю!
Ищи себе друга,
Люли, люли, друга!
Ищи себе любушку.
Люли, люли, любушку!
Около сыра дуба
Люли, люли, дуба!
Растет чернь-черница.
Люли, люли, черница!
А во той ли во чернице
Люли, люли, во чернице!

Красных девок хоровод.
Люли, люли, хоровод!
Скачите вы, девушки, пляшите,
Люли, люли, пляшите!
Вы, холостые, не смотрите.
Люли, люли, не смотрите!
Смотрючи, девушку не взять,
Люли, люли, не взять!
Взять ли, не взять по любви,
Люли, люли, по любви!
По батюшкину благословенью,
Люли, люли, благословенью!
По матушкину умоленью,
Люли, люли, умоленью!

Как под лесом, лесом шелкова трава.

Ой ли, ой ли люшеньки, шелкова трава!

Ходил-гулял донской казак, сам в скрипку играл,
Играл, играл, выигрывал, девок выбирал.

Ой ли, ой ли люшеньки, девок выбирал!

«Хорошая, пригожая, поди за меня!

Не пойдешь ты — успокаешься, вспомнешь меня!»

Ой ли, ой ли люшеньки, вспомнешь меня!

— Пойти было к соседушкам, спросить про тебя... .

Соседушки, голубушки, каков человек? —

Ой ли, ой ли люшеньки, каков человек?

«Он пьяница, пропойца, пропьет и тебя!»

— Соседушки-голубушки не хвалят тебя:

Ты пьяница, пропойца, пропьешь и меня! —

Ой ли, ой ли люшеньки, пропьешь и меня!

Как под лесом, лесом шелкова трава.

Ой ли, ой ли люшеньки, шелкова трава!

Ходил-гулял донской казак, сам в скрипку

играл,

Играл, играл, выигрывал, девок выбирал.

Ой ли, ой ли люшеньки, девок выбирал!

«Хорошая, пригожая, поди за меня!

Не пойдешь ты — успокаешься, вспомнешь меня!»

Ой ли, ой ли люшеньки, вспомнешь меня!

— Пойти было к соседушкам, спросить про тебя...

Соседушки, голубушки, каков человек? —

Ой ли, ой ли люшеньки, каков человек?

— Соседушки-голубушки схвалили тебя,

Вино кури и пиво вари, — иду замуж за тебя! —

Ой ли, ой ли люшеньки, иду замуж за тебя!

Во лузах, во лузах,
Еще во лузах, зеленых лузах,
Вырастала, выросла,
Вырастала трава шелковая,
Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазоревые.
С той травы, с той травы,
И я с той травы выкормлю коня,
Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его.
Поведу, поведу,
Поведу я коня к бабушке.
Бабушка, бабушка,
Ах ты, бабушка родной мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово приветливое:
Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за старого замуж!
Старого, старого,
И я старого насмерть не люблю,
Со старым, с старым,
Я со старым гулять нейдут!

Во лузах, во лузах,
Еще во лузах, зеленых лузах,

Выросла, выросла,
Вырастала трава шелковая,
Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазоревые.
С той травы, с той травы,
И я с той травы выкормлю коня,
Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его.
Поведу, поведу,
Поведу я коня к бабушке.
Бабушка, бабушка,
Ах ты, бабушка родной мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово приветливое:
Не отдай, не отдай,
Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за молодого замуж!
Молодого, молодого,
И я молодого насмерть не люблю,
С молодым, с молодым,
И я с молодым гулять не пойду!

Во лугах, во лугах,
Еще во лугах, зеленых лугах.
Выросла, выросла,
Вырастала трава шелковая,
Расцвели, расцвели,
Расцвели цветы лазоревые.
С той травы, с той травы,
И я с той травы выкормлю коня,
Выкормлю, выкормлю,

И я выкормлю, выглажу его,
Поведу, поведу,
Поведу я коня к бабушке.
Бабушка, бабушка,
Ах ты, бабушка родной мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово приветливое!
Ты отдай, ты отдай,
Ты отдай меня за ровнюшку замуж!
Ровню я, ровню я,
Уж я ровню душой люблю,
С ровней я, с ровней я,
Уж я с ровней гулять пойду!

Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла.
 Люли, люли, стояла,
 Люли, люли, стояла!

Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати.
 Люли, люли, заломати,
 Люли, люли, заломати!

Я пойду погуляю,
Я пойду погуляю.
 Люли, люли, погуляю,
 Люли, люли, погуляю!

Белую березу заламаю,
Белую березу заламаю.
 Люли, люли, заламаю,
 Люли, люли, заламаю!

Срежу с березы три пруточка,
Срежу с березы три пруточка.
 Люли, люли, три пруточка,
 Люли, люли, три пруточка!

Сделаю три гудочка,
Сделаю три гудочка.
 Люли, люли, три гудочка,
 Люли, люли, три гудочка!

Четвертую — балалаечку,
Четвертую — балалаечку.
Люли, люли, балалаечку,
Люли, люли, балалаечку!
Вы, гудки, не гудите,
Вы, гудки, не гудите.
Люли, люли, не гудите,
Люли, люли, не гудите!
Стара мужа не будите,
Стара мужа не будите.
Люли, люли, не будите,
Люли, люли, не будите!
Старой спит с похмелья,
Старой спит с похмелья.
Люли, люли, с похмелья,
Люли, люли, с похмелья!
Пойду ль я на новы сени,
Пойду ль я на новы сени.
Люли, люли, новы сени,
Люли, люли, новы сени!
Стану ль старого будити,
Стану ль старого будити.
Люли, люли, будити,
Люли, люли, будити!
Встань, мой старой, пробудися,
Встань, мой старой, пробудися.
Люли, люли, пробудися,
Люли, люли, пробудися!
Ой, борода седая, пробудися,
Ой, борода седая, пробудися.
Люли, люли, пробудися,
Люли, люли, пробудися!

Вот тебе помои, умойся,
Вот тебе помои, умойся.
 Люли, люли, умойся,
 Люли, люли, умойся!
Вот тебе рогожка, утрися,
Вот тебе рогожка, утрися.
 Люли, люли, утрися,
 Люли, люли, утрися!
Вот тебе борона, расчешися,
Вот тебе борона, расчешися.
 Люли, люли, расчешися,
 Люли, люли, расчешися!
Вот тебе лапотки, обуйся,
Вот тебе лапотки, обуйся.
 Люли, люли, обуйся,
 Люли, люли, обуйся!
Вот тебе шубенка, оденься,
Вот тебе шубенка, оденься.
 Люли, люли, оденься,
 Люли, люли, оденься!
Вот тебе дорожка, прогуляйся,
Вот тебе дорожка, прогуляйся.
 Люли, люли, прогуляйся,
 Люли, люли, прогуляйся!
Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла.
 Люли, люли, стояла,
 Люли, люли, стояла!
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати.
 Люли, люли, заломати,
 Люли, люли, заломати!

Я пойду погуляю,
Я пойду погуляю.
 Люли, люли, погуляю,
 Люли, люли, погуляю!
Белую березу заламаю,
Белую березу заламаю.
 Люли, люли, заламаю,
 Люли, люли, заламаю!
Срежу с березы три пруточка,
Срежу с березы три пруточка.
 Люли, люли, три пруточка,
 Люли, люли, три пруточка.
Сделаю три гудочка,
Сделаю три гудочка.
 Люли, люли, три гудочка,
 Люли, люли, три гудочка.
Четвертую — балалаечку,
Четвертую — балалаечку.
 Люли, люли, балалаечку,
 Люли, люли, балалаечку!
Пойду ль я на новы сени,
Пойду ль я на новы сени.
 Люли, люли, новы сени,
 Люли, люли, новы сени!
Вы, гудки, загудите,
Вы, гудки, загудите.
 Люли, люли, загудите,
 Люли, люли, загудите!
Встань, мой милой, пробудися,
Встань, мой милой, пробудися.
 Люли, люли, пробудися,
 Люли, люли, пробудися!

Вот тебе водица, умойся,
Вот тебе водица, умойся.
 Люли, люли, умойся,
 Люли, люли, умойся!
Вот тебе полотенце, утрися,
Вот тебе полотенце, утрися.
 Люли, люли, утрися,
 Люли, люли, утрися!
Вот тебе гребень, расчешися,
Вот тебе гребень, расчешися.
 Люли, люли, расчешися,
 Люли, люли, расчешися!
Вот тебе башмачки, обуйся,
Вот тебе башмачки, обуйся.
 Люли, люли, обуйся,
 Люли, люли, обуйся!
Вот тебе кафтанчик, оденься,
Вот тебе кафтанчик, оденься.
 Люли, люли, оденься,
 Люли, люли, оденься!
Войди в терем, веселися,
Войди в терем, веселися.

Во чистом поле калинушка,
В зеленом саду малинушка.
На калине-то соловушек сидит,
На малине-то пташечка.
Ну-ко, соловушек, за песенки,
А пташечка за припевочки!
Я ли, молодешенька, по горенке хожу,
Ручки жму к ретиву сердцу.
Ох, сердце, душа моя, не радуйся,
У меня ли, у младешеньки, старый муж.
Стар добре, да не ровен мне.
В поле-то едет — ребята рвут,
Из поля едет — собаки грызут.
На печь-ту лезет — удушье берет,
С печи-то лезет — кахи да кахю!

Во чистом поле калинушка,
В зеленом саду малинушка,
На калине-то соловушек сидит,
На малине-то пташечка.
Ну-ко, соловушек, за песенки,
А пташечка за припевочки!
Я ли, молодешенька, по горенке хожу,
Ручки жму к ретиву сердцу.
Сердце, душа моя, порадуйся,

У меня ли, у младшеньки, ровня муж,
Ровня мне, да мне пѳд версту.
В поле-то едет — песенки поет,
Из поля едет — присвистывает.

Сидела Катюшенька во горенке одна,
Шила-вышивала я тонки белы рукава,
Шила, не дошила я, пошла батюшке сказать:
«Родименький батюшко, да я ли не швея?» —
«Дочь моя, Катюшенька, запишися в
монастырь». —

«Родимый мой батюшко, в монастырь я молода;
В этом же монастыре есть монахи молоды,
Эти же монашенки зелено вино пьют,
Меня, красну девушку, в стыд-бесчестье
приведут».

Сватался на Катеньке из Саратова купец,
Сказывал-рассказывал про именье про свое:
«Есть у меня, у молодца, три губерни на руках».
Думала-подумала: «Я за этого нейду». —

Сватался на Катеньке из Москвы славной купец,
Сказывал-рассказывал про именье про свое:
«Есть у меня, у молодца, сорок тысяч кораблей».
Думала-подумала: «И за этого нейду». —

Сватался на Катеньке из-за Минска музыкант,
Сказывал-рассказывал про именье про свое:
«Есть у меня, у молодца, скрипка и гудок».
Думала-подумала: «За этого пойду,
Сытая, не сытая — завсегда я весела,
Пьяная, не пьяная — знать, всегда я плясова».

Во заводе были мы,
Во Миасском гуляли, гуляли.
Золото мыли мы, мыли мы.
Там гуляла девица, девица,
За ней ходил молодец, молодец.
Я, старатель, шахту бил, шахту бил,
Много золота намыл, я намыл,
Тебя, девку, полюбил, полюбил.
Встань, девица, подбодрись, подбодрись,
С парнем, девка, полюбись, полюбись.
Парень девку обнимал, обнимал,
В алы губки целовал, целовал.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

Ты, зеленое мое виноградые,
Ой, ляли, ляли, виноградые,
Ненаглядые зеленые!
И я день под тобою простояла,
Ой, ляли, ляли, виноградые,
И я вешний денечек, весь денечек,
Я осеннюю ночку до светочку,
Ой, ляли, ляли, виноградые.
И я с батюшкой речи говорила:
«Государь ты мой, батюшка родимой,
Не отдавай ты меня, батюшка, младую, замуж,
Не прельщайся ты, батюшка, на богатство!
Не с богатством жить, батюшка, — с человеком!
Не с высокими хоромами быть — с советом!
Не с большими крестьянами быть — с любовью!
Да с частыми переходами быть — с любовью!»

Как у нас курени высоки,
Как у нас столы дубовые,
Как у нас скатерти шелковые,
Как у нас вина налитые!»

Хмель ты мой, хмель,
Да хмелевое перушко!
Перекинься, хмелюшко,
Да на мою-то да на сторонушку!
На моей-от сторонушке
Большое приволье
Да широкое раздолье!
По тому-то раздолью
Ходил-гулял да добрый молодец,
Он ходил пригорюнившись,
Он гулял опечалившись.
Завидела его мамонька
Да с высокого терема,
Что у батюшки на дворе,
Завидела да гаркнула:
«Дитя мое милое,
Что присмирело, чем опечалилось?
Женись, женись, дитятко,
Дитя мое родное!
Возьми, возьми, дитятко,
Княжну, княженецкую дочь!» —
«Мамонька родная,
Та не будет мне женой,
А тебе невестушкой,
В поле работницей,
В доме заменушкой,

Гостям приветницей!» —
«Возьми ж, возьми, дитяtko,
Соседскую дочь!» —
«Мамонька родная,
Та будет мне женой,
Тебе невестушкой,
Да послушницей,
В поле работницей,
В доме заменушкой,
А гостям приветницей!»

У нас нынче радостно на дворе
Щебетала ласточка на заре.
Плакала девчоночка на море,
На белом на камушке сидючи,
На крутенький бережочек гляючи.
По бережку цветики расцвели,
По цветикам батюшка гуляет.
Гуляй, гуляй, батюшка, здорово,
Сними меня с камушка с белого.
У батюшки жалости не много,
Не снял меня с камушка белого.
Горюч, горюч камушек подо мной,
Он жжет мои ноженьки нежные.
Ах, матушка, матушка родная,
Сними меня с камушка белого.
У матушки жалости не стало,
Со белого камушка не сняла.
Горюч, горюч камушек подо мной,
Он жжет мои ноженьки нежные.
Ах, миленький, миленький мой дружок,
Сними меня с камушка на песок.
— Ах, девица, девица красная,
Подай свои рученьки белые.

Как при вечере, вечере,
При последнем часу-времечке,
При Натальюшкином девишнике
Прилетал млад ясен сокол.
Он садился на окошечко на серебряно,
На серебряну решеточку;
Да никто сокола не видал,
Только увидала, услышала
Свет-Натальюшкина матушка.
Говорила своей доченьке:
«Уж ты, дочь ли моя милая,
Приголубь ясного сокола».
Отвечала свет-Натальюшка:
«Я бы рада приголубила —
Белы руки опустилися,
Резвы ноги подломилися».

Мимо дворика батюшкина,
Мимо терема матушкина
Пролежала тут дороженька;
Пробегал тут добрый конь;
За конем бежит добрый молодец,
У ворот стоит красна девица.
Как возговорит добрый молодец:
«Перейми коня, красна девица!» —
«Мне нельзя перенять коня:
У меня травой ноги спутаны,
Росой глаза замочены».
Возговорит добрый молодец:
«Не приманивай, красна девица:
Не травой ноги спутаны,
Не росой глаза замочены —
Ноги спутаны кручинушкой,
Глаза замочены горючьми слезами!»

Не бывать бы ветрам, да повеяли,
Не бывать бы боярам, да наехали,
Травушку-муравушку притолочили,
Гусей, лебедей поразогнали,
Красных девушек поразослали,
Красную Анну-душу в полон взяли.
Стала тужить, плакати Анна-душа,
Стала тужить, плакати Михайловна!
Стал унимать, разговаривати-то Иван-то

князь,

Стал унимать, разговаривати-то

Александрович:

«Не плачь, не тужи, свет Анна-душа,
Не плачь, не тужи, Михайловна!
Я тебя, Анна-душа, да не силой брал,
Я ж тебя, Михайловна, не неволею:
Бил челом, кланялся твоему батюшке,
Бил челом, кланялся твоей матушке,
Сняв шапку, сняв шапку соболиную,
Распустив полы сорочинские;
Износил кафтан китайчатый,
Истаскал кушак коломенчатый,
Все до тебя, Анна-душа, доступаючи,
Все до тебя, Михайловна, доступаючи».

Собрала невеста подружек;
Посадила подружек высоко;
А сама села выше всех,
Наклонила головушку ниже всех,
Думает думушку крепче всех:
«Что долго нет Ивана?
Мне посла послать — некого,
Мне самой идти — некогда.
Я хотя пойду, не дойду;
Я хотя дойду, не найду;
Я хотя найду его —
Позвать к себе не смею».

По морю утенушка плавала, плавала,
По синему сиз-косатая гуляла, гуляла.
Навстречу ей селезенюшко заплывал, заплывал;
Он в глазыньки утенушке зазирал, зазирал:
«Да куда ж ты, моя утенушка, хороша, хороша,
Да куда ж ты, моя сиз-косатая, пушиста, пушиста!»
По терему Машенька ходила, ходила,
По новому Ивановна гуляла, гуляла.
Навстречу ей Иванушка заходил, заходил.
Он в глазыньки Машеньке зазирал, зазирал:
«Да куда ж ты, моя Машенька, хороша, хороша,
Да куда ж ты, Ивановна, уборна, уборна!»

Закатись ты, солнце красное,
Ты взойди, светел месяц!
Ты свети во всю ноченьку,
Ты свети во всю темную,
Во весь путь, во всю дороженьку,
Свети ль ты моему суженому,
Моему ли другу милому,
Павлу, сударь, Васильевичу,
Чтоб с дороженьки не сбился,
Чтоб назад не воротился,
Чтоб в лесу не заблудился,
Чтоб в реке не измочился,
Лихие бы люди не напали,
Злы собаки бы не отогнали:
Без него ль то мне тошнехонько,
Без него ль то мне грустнехонько!

И как у нашего князя
Невеселые кони стоят;
Они чуют путь-дороженьку
По невесту ехать.
«Ах вы, девушки, подруженьки!
Уливайте гору крутую,
Чтобы моему разлучнику
Ни взойти бы, ни взъехать!» —
«Не грози, княгиня-душа!
На крутую гору пеш взойду,
Добра коня в поводу сведу». —
«Ах вы, девушки, подруженьки!
Запирайте вы вороточки
Что тремя замками немецкими!» —
«Не печалься, княгиня-душа!
Приведу я с собой слесаря:
Отопрет замки немецкие». —
«Ах вы, девушки, подруженьки!
Заплетайте косу русую,
Чтобы моему разлучнику
Не расплесть, не расчесать ее!» —
«Не печалься, княгиня-душа!
Привезу с собою свахыньку:
Расплетет она косу русую,
Увезем тебя с собой, душеньку!»

Воробушек-воробей,
Сколь далеко отлетал?
«Я от сада до сада,
До красного вишенья,
До черной смородины». —
«Ай, молодец-то, молодец,
Константин Дмитриевич!
Сколь далече отъезжал?» —
«Я от села до села,
До тестева до двора,
До тещинога терема,
До девичьей до комнатки:
Девушка, отопрись,
Красавица, отворись!» —
«Я бы рада отперлась,
Я батюшки боюсь,
Я матушки стыжуся». —
«Ох, девушка, уеду,
Красавица, уеду:
Дробен дождик плечи льет,
Красно солнце лицо жжет,
А буен ветер шляпу рвет».

На речке лебедушка кликала,
На быстрой бела кликала:
«Ты лети, лети, лебедь мой,
Ты лети, лети, белый мой!
Без тебя ли мне, лебедушке,
Речка не так течет;
Без тебя ли мне, лебедушке,
В поле травка не зелена!»
В тереме Акулинушка плакала,
В высоком Харлампьевна плакала:
«Ты иди, иди, суженый мой,
Ты иди, иди, ряженный мой!
Скорей иди, Филат-господин,
Филат, сударь, Фалалеевич!
Без тебя ли мне, девице,
Темно красное солнушко,
Без тебя ли мне, девице,
Неясен светел месяц,
Без тебя ли мне, девице,
Терем не так стоит;
Без тебя ли мне, девице,
Сахарна ества на ум нейдет,
Без тебя ли мне, девице,
Сладка меду не хочется;
Без тебя ли мне, девице,
Денечек весь пасмурен,
Без тебя ли мне, девице,
Не спится темна ночка!»

Отпусти, родимый тятенька,
На широку большу улочку,
На проезжую дороженьку.
Да наглядись, девья красота,
Да на широкую большу улочку,
Да на проезжую дороженьку.
Да наглядися ты, девья красота,
Ты на горы да на высокие,
Ты на леса, да леса темные.

У же вечер на дворе вечереется,
Уж красное солнушко за лес катится,
Что частые-то звездочки высыпаются,
У меня ли, молодешеньки некрасованой,
С моими ластушки, сестрицы, милыми подружки.
Я пойду ли спрошусь у родимой матушки:
«Ты, сударыня, родимая матушка!
Не гулять у тебе прошуся, не красоватися,
Я развеять свою кручинушку великую.
Я пойду ль, молодешенька, во чисто поле,
Я ударюсь, молодешенька, о сыру землю;
А мы вскрикнемте, сестрицы, громким голосом:
Ты раздайся ли, мать сыра земля!
Ах ты встань, ты встань, родной батюшко!
Ты приди ко мне, горюше молодешеньке,
На мою ли на смиренную на беседушку!
Снарядить-то меня, горюшу, есть кому,
А благословить-то меня некому.
Мы взойдем-ка ли, сестрицы, в новые сени,
Мы воскрикнемте, сестрицы, громким голосом:
Не шатитесь, не ломитесь, сени новые!
Неужли ж я, молодешенька, тяжелешенька?
С моим ластушкам, сестрицам, милым подружкам?
Тяжела моя великая кручинушка.
Государыня, родимая матушка!
Отвори-ка свой высок терем!

Не зноби меня, горюшу молодешеньку!
Я и так, молодешенька, назяблася.
Я сяду, молодешенька, под окошечком:
Не летит ли мой кормилец батюшко?
Мы пойдемте-ка, сестрицы, вдоль по улице;
Вы кладите-ка следочки частехонько,
Уливайте следочки горючьми слезьми.
Опосле пойдет родимая матушка:
«Не княгиня тут гуляла, не боярыня —
Тут ходила, тут гуляла чадо милое!»

Ты, река ли, моя реченька,
Ты река ли, моя быстрая!
Течешь, речка, не колыхнешься,
На крутой берег не взольешься,
Желтым песком не возмутишься!
Отчего же мне возмутится?
Ни дождя нету, ни вихорю.
Ах ты, умная девица,
Что сидишь ты, не улыбнешься?
Говоришь речи, не усмехнешься?
«Что чему же мне смеяться?»
На что глядя, радоваться?
Полон двор у нас подвод стоит,
Полна горница гостей сидит.
Уж как все гости собралися,
Одного-то гостя нет как нет;
Уж как нет гостя милого,
Моего батюшки родимого.
Снарядить-то меня есть кому,
Бласловить-то меня некому;
Что снарядит меня родная мать,
Бласловит меня чужой отец».

Ах, кукушечка кукует,
Кукует.
Я у матушки в терему
Горюю, горюю.
Ой, матушка моя родная,
Бояре едут,
Бояре едут.
Ах, дитяtko мое милое,
Сиди, не бойся,
Сиди, не бойся.
Ой, матушка моя родная,
Во двор въезжают,
Во двор въезжают.
Ах, дитяtko мое милое,
Сиди, не бойся,
Сиди, не бойся.
Ой, матушка моя родная,
Во избу входят,
Во избу входят.
Ах, дитяtko мое милое,
Вставай, прощайся,
Вставай, прощайся.

Вьюн на воде да извивается,
Иван-от у ворот низко кланяется:
«Дайте-подайте мое суженое, мое ряженое!»
Вынесли ему сто локот портен.
«То не мое, да то не надобно мне».
Вынесли ему сто рублей в карман.
«То не мое, да то не надобно мне».
Вывели ему сторублевого коня.
«То не мое, то не ряженое, то не суженое».
Вывели ему красну девицу,
Девицу Катерину да Ивановну.
«Это мое, да это суженое, это ряженое».

Во поле олень, во поле олень
Золотые рога, золотые рога!
Мимо ольня, мимо ольня
Молодец проезжал:
«Я тебя, олень, я тебя, олень,
И я подстрелю». —
«Не стреляй, добрый молодец,
Не стреляй, добрый молодец:
Будешь жениться, будешь жениться,
На свадьбу приду,
Златыми рогами, златыми рогами
Весь двор освечу,
Песню спою, песню спою,
Всех гостей взвеселю,
Пуще того, пуще того
Невесту твою».

Собирались красны девицы
В одное толпу гулять,
Зеленую грушу ломать.
Мы думали: грушица,
Ан душа красна девица,
Что Авдотья-то Ивановна.
По лесам-то она идет —
Все леса-то к ней приклоняются;
Что лугами-то она идет —
Все луга-то под ней зеленеются;
Что полями-то она идет —
Все поля-то на нее красуются;
Что улицей идет —
На нее любуются;
Ко двору-то она подходит —
Ее братья встречают,
По имени ее называют,
По отчеству величают;
Ко сеням она подходит —
Ее матушка встречает;
Ко дверям-то она подходит —
Родной батюшка встречает,
За белы руки хватает,
Золоты перстни снимает,
За дубовый стол сажает.

Не заря ли моя, зорюшка,
Не заря ль моя вечерняя!
Солнушко восхожее!
Высоко восходило,
Далеко светило
Через лес, через поле,
Через синее море.
По тому по синю морю
Там лежала жердочка,
Жердочка еловая,
Гибкая сосновая.
По той жердочке никто не хаживал.
Шел, перешел Яков Федорович,
Вел, перевел Натальюшку;
Переведши, целовал,
Целовавши, миловал:
«Друг ты мой, Натальюшка,
Сердце мое, Григорьевна!
Ты меня состарила,
Без ума поставила,
Без ума, без разума,
Без великой памяти:
Тихою походочкой,
Еще вежливой говорочкой,
Низкими поклонами,
Умильными взглядами!»

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка.
Во светелочке Татьянушка,
Во новой Ивановна.
Приходил-то к ней батюшка,
И он звал ее с собой домой:
«Ты пойдем, Татьянушка, домой,
Ты пойдем, Ивановна, домой». —
«Нейду я, не слушаю:
Ночь темная, не месячна,
Реки быстры, перевозу нет,
Леса темны, караулов нет».
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка.
Во светелочке Татьянушка,
Во новой Ивановна.
Приходила к ней матушка,
И она звала ее с собой домой:
«Ты пойдем, Татьянушка, домой,
Ты пойдем, Ивановна, домой». —
«Нейду я, не слушаю:
Ночь темная, не месячна,
Реки быстры, перевозу нет,
Леса темны, караулов нет».
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка.

Во светелочке Татьянушка,
Во новой Ивановна.
Приходил-то к ней Василий,
Приходил-то к ней Николаевич,
И он звал ее с собой домой:
«Ты пойдем, Татьянушка, домой,
Ты пойдем, Ивановна, домой». —
«Иду я, сударь, слушаюсь:
Ночь светла и месячна,
Реки быстры, перевоз есть,
Леса темны, караулы есть».

Кто у нас холост, не женат?
Андрей сударь Иванович!
Он ходит-гуляет,
Манерно ступает,
Сапог не ломает,
Чулок не марает,
Коня убирает,
На коня садится,
А конь веселится;
Он плеткою машет —
Конь его пляшет.
Со двора съезжает —
Весь двор устилает,
По улице скачет —
Вся улица сияет.
Никто не угадает;
Угадала-признавала матушка родная
По русым кудрям, по черным бровям.
К роще подъезжает —
Роща зашумела,
К лугам подъезжает —
Луга зеленеют,
К садам подъезжает —
Сады расцветают,

Пташки воспевают;
К полям подъезжает —
Поля мои чисты,
А ржи колосисты;
Ко двору подъезжает —
Матушка встречает:
«Поди, мой сыночек, поди, соколочек;
Я давно тебя ждала-поджидала,
Столы убирала».

Ой у нас ли во горнице
Разыгрались князья-бояра;
Молодые-то распотешились;
Генералы-то хвалятся:
«Ой у нас ли полки на руках!»
А Никифор-сударь хвалится,
А Петрович-сударь хвалится:
«У меня ли жена хороша!
У ней поступь павлиная,
У ней речь лебединая:
Она пойдёт — накормит меня,
Слово молвит — утешит меня».

Как у чарочки у серебряной
Золотой венечик,
У Никиты-то у Ефимыча
Дорогой обычай:
Где ни пьет, где ест,
Где ни кушает сударь,
Ночевать домой ходит.
— И ты, Верушка, ты, Кондратьевна,
Выдь встретить за ворота.
Выдь встретить за ворота.
«Недссуг мне, сударь, выдти:
Я сына качаю,
Я сына качаю,
Перемены себе чаю,
Перемены себе чаю —
Сноху молодую».
Как у чарочки у серебряной
Золотой венечик,
У Никиты-то у Ефимыча
Дорогой обычай:
Где ни пьет, где ест,
Где ни кушает сударь,
Ночевать домой ходит.
— И ты, Верушка, ты, Кондратьевна,
Выдь встретить за ворота,
Выдь встретить за ворота:

«И я рада бы, сударь, вышла:
Я дочку качаю,
И я дочку качаю,
Перепутья себе чаю,
Перепутья себе чаю —
Зятя молодого».

Соко́л Соко́льевич,
Доро́дный добрый молодец,
Он летал-полетывал
По зеленому садику,
Он садился на яблоньку,
На садовую сладку, медовую;
Он поймал себе лебедушку,
Ай лебедушку белую,
Домну Герасимовну.
Он взял за праву́ руку́,
Повел к своему двору,
Ко подворьицу широкому,
Он ко терему высокому.
Он воскликнул громким голосом:
«Государь мой родный батюшка!
Государыня родна матушка!
Люба́ ли вам невестушка
Домна Герасимовна?» —
«Уж ты, милое дитяtko!
Была бы тебе любá
И нам любехонька!»

**ПЕСНИ СЕМЕЙНЫЕ
И БЫТОВЫЕ**

Спи, усни, —
Бай, бай, бай!
Угомон тебя возьми.
Сон да дрема
У ты в сердцах,
Кунья-та шуба
У ты в ногах,
Соболина-та шапка
У ты в головах.
Спи, посыпай,
На повоз поспевай:
Доски готовы,
Конипряжены,
Спи, посыпай,
Боронить поспевай.
Мы те шапочку купим,
Зипун сошьем;
Зипун сошьем,
Боронить сошлем
В чистые поля,
В зеленые луга.

• Люли, люли, мою милую!
Люли, люли, мою хорошую!
Люли, люли, мою пригожую!

Баю, баю, покачаю
Дитю миленькую,
Дитю крошечную!
Я пойду во торги
И куплю пояски, —
Все шелковенькие.
К люльке прицепите,
Аннушку усыпите.
Баю, баю, укачаю.

Сон да дрема
По новым сеням брела.
По новым сеням брела,
Аннушку искала.
«Ино где мне ее найти —
Тут и спать уложить,
Спать уложить, дитю усыпить».
Баю, баю, баю.

Баю-баюшки, баю,
Живет мужик на краю.
 Бай, бай, баю-бай,
 Живет мужик на краю.
Он ни беден, ни богат,
У него много ребят.
 Бай, бай, баю-бай,
 У него много ребят.
У него много ребят,
Все по лавочкам сидят.
 Бай, бай, баю-бай,
 Все по лавочкам сидят.
Все по лавочкам сидят,
Все на матерю глядят.
 Бай, бай, баю-бай,
 Все на матерю глядят.
Все на матерю глядят,
Все соломку едят.
 Бай, бай, баю-бай,
 Все соломку едят.

Как повадился мужёнюшка.
За охотою ходить,
Перепелушек ловить.
Не поймал же перепелку,
Поймал белого лунька.
Как жена-то говорит:
«Сем лунька убить!»
Припечалился лунек.
Как присел же наш лунек,
Одну ножку потянет,
А другую поведет.
Как жена-то говорит:
«Сем на волюшку пустить!»
Подымался наш лунек
Потихохоньку, помалехоньку.
Как поднялся наш лунек,
Полетел же наш лунек;
Как пошел же наш лунек
Да плясать и скакать.

Из-за леса было, леса темного,
Из-за гор было, гор высоких,
Выбегала-то там олень белая,
Олень белая, златорогая,
Златорогая, златобокая.
Как за ней-то бежит млад охотничек,
Млад охотничек, млад гулебщик,
За плечами-то несет легкую турочку,
Турочку, винтовочку.
Хорошим-хорошо эта турочка была изукрашена.
Златом-серебром была изусечена,
Мелким жемчугом была изунизана.
Скидал, скидал млад охотничек с себя легкую
турочку,
Он прицелился в олень белую.
Как взговорила олень белая младому охотничку:
«Ты постой-ка, млад охотничек,
Не бей олень белую,
Не сироти-ка моих милых детушек, оленяточек.
Сам ты видишь, млад охотничек,
Они младым-младехоньки:
Не губи их, млад охотничек,
Не могут они сами себя поить-кормить».

Батюшке я говорила,
Света-государя упрашивала:
Батюшка, побывай у меня,
Свет-государь, погостюй у меня!
У меня ли, молодой, сине море у ворот:
Гуси, лебеди купаются,
Щучки, плотички хлобыщутся,
Малые карасики по бережкам лежат,
Красные девушки умываются,
Белятся и румянятся,
Русые волосы расчесывают,
Дробные косы заплетывают,
Алые ленты воплетывают...
Батюшка, побывай у меня,
Свет-государь, погостюй у меня!

Во бору ягодки сильно родилися,
Сильно родилися, спело вызрели.
Пошли девушки в бор по ягодки,
Все девушки ягод понабралися,
Одна девушка не набралася,
Во сыром бору заплуталася,
С молодцом девушка застоялася, заговорилася.
Опосле того стала плакать, девок кликать:
«Вы, ау! ау! красны девушки,
Вы, любимые мои подруженьки!
Вы сложитесь хоть по ягодке,
Вы дополните мое суденышко.
У меня, млады, мать неродная — люта мачеха,
Я приду домой, сяду на полу,
Свяжу голову шелковым платочком итальянским,
Скажу матушке — голова болит,
Государыне — я вся не могу
Со вчерашнего прогуляньца».

Зима студеная, снеги глубокие,
Снеги глубокие, насты высокие.
Весна красная да украшена,
Лето теплое, летечко гулящее.
Ты, работная страда, страда заботная,
Осень грязная, осень богатая.
Уж леса, да леса темные,
Леса темные, леса дремучие.
Во лесу девушка брала ягодки,
Брала ягодки да заблудилася,
Под березоньку да становилася,
Под кудрявую да спать ложилася,
На черничничек да на брусничничек.
От сна девушка да пробудилася,
Да не подумала, да слово-то молвила,
Не помыслила, да речь она проговорила:
«Ночка темная долга, да ночь осенняя,
Вот обеливать да темны ноченьки
Нету лунного да светла месяца,
Кругла месяца да частых звездочек.
У меня-то, у красной девушки,
Нету батюшки, да всхожа солнышка,
Нету матенки, да зеленой зари,
Нету братиков, да ясных соколов,
Нету сестриц-то, да белых лебедушек».

По горам, по горам,
И я по горам ходила,
Все цветы, все цветы,
И я все цветы видела,
Одного, одного,
Одного цвета нет как нет,
Нет цвета, нет цвета,
Ах, нет цвета алого!
Аль его, аль его
Желтым песком вынесло?
Аль его, аль его
Боярыни вырвали?
Аль его, аль его
Совсем в поле не было?
По двору, по двору,
И я по двору ходила,
Всех гостей, всех гостей,
И я всех гостей видела,
Одного, одного,
Одного гостя нет как нет,
Нет гостя, нет гостя,
Ах, нет гостя милого,
Милого, милого,
Моего друга сердечного!
Али мне, али мне
Послать было некого?

Али мне, али мне
Позвать было не к чему?
Аль ему, аль ему
В своем доме воли нет?
Али я, али я
Злодейка бесчестная?
Аль ему, аль ему
Служба царская сказана?

У ж вы, ночи мои, ночи темные!
Вечера ли мои, вечера осенние!
Я все ночи, все ночи просиживал,
Я все думы, все думы придумывал —
Как одна ли дума-думушка с ума **нейдет**.
Она с ума **нейдет**, со велика разума:
Если б были у меня, у молодца, крылушки,
А еще-то были да сизые перушки,
Полетел бы я на свою сторонушку,
Поглядел бы я на свое подворьице,
А еще бы я на родного батюшку,
А еще бы я на родную матушку,
А еще бы я на свою молодую жену,
На свою молодую жену да на малых детушек.

Ох, батюшка наш, славный тихий Дон!
Тихохонько бежишь, глубоко копашь.
Славой выводил круты бережки,
Посередь себя становишь часты острова,
На море, на устье — часты ракитовы кусты.
Во кустичке свивал сокол тепло гнездышко,
На завивочку кладет сокол чистого серебра,
По краюшкам выводит красным золотом,
Покрышечку сокол красит плисом-бархатом.
Свивши сокол тепло гнездо, сам задумался:
На что было, к чему свивать тепло гнездо?
Нет у меня, у сокола, соколинушки,
У меня ли, у доброго молодца, молодой жены!

Да по морюшку, да было по морю по Верейскому,
Да там плавала, да плавала белая, ну, лебедушка,
Да она плавала, да не так-то сама слезно

плакала,

Жалобу творит да она же на ясного сокола:

«Да ты, глупенький, да сокол глупый,

неразумненький,

Да за что ты, почто ты разбил стада

лебединые?

Да и убил ты, убил да мово белого лебеда,

Разорил, разгромил да мое же вот теплое

гнездышко,

Посиротил ты да моих же, моих малых детушек,

Малых детушек да моих же малых лебедяточек!» —

«Да не плачь, не горюй, не горюй, белая,

ну, лебедушка.

Узовьюся, узовьюся вот бы выше облака,

Полечу ж я да пушусь, вот бы млад ясен сокол,

Полечу ж я, пушусь вот бы за 'киян-море,

Соберу, пригоню, пригоню же стада гусей,

лебедей,

Да поставлю их, да поставлю вот бы в одну

линию;

Выбирай же ты, выбирай же, белая лебедушка,

Выбирай себе да по совести себе лебеда!» —

«Не найти же мне да по совести себе лебеда,

Я люта была по горам ходить,
Я люта была соловьев зорить.
У соловьюшки одно гнездышко;
У меня, младой, один милый друг.
Раздуша моя разнемогается,
Животом-сердцем скудается.
Попросил мой друг ключевой воды.
Я со вечера за водой пошла,
Ко полуночи воду черпала,
Ко белу свету на гору взшла.
От мила дружка пришла весточка,
Что мой милый друг переставился.

Ветры мои, ветры вы, буйные ветры!
Не можете ли, ветры, горы раскачати?
Гусли мои, гусли, звончатые гусли,
Не можете ли вы, гусли, вдову взвеселити?
У меня, у вдовушки, четыре кручины,
Четыре кручины да пятое горе,
Да пятое горе, что нет его боле!
Первая кручина — нет ни дров, ни лучины;
Другая кручина — нет ни хлеба, ни соли;
Третья кручина — молода овдовела;
Четверта кручина — малых детушек много;
А пятое горе — нет хозяина в доме.
Я посею горе во чистым поле.
Ты взойди, мое горе, черной чернобылью,
Черной чернобылью, горькою полынью!

Встрень-ка, встрень-ка
Ты меня, родимая матушка,
Со пути ты меня да с дороженьки,
Со пути ты меня да со широкого.
Подкосились у меня белые ноженьки,
Опустились у меня белые рученьки
Со казенной, мамушка,
Да со работушки.
Сокрушили меня малые детушки,
Ни проходу мне нет и ни выезду, —
Они мал-малы да малыньки,
Зеленым-зелены да зелененьки.
Встрень-ка, встрень-ка
Меня, родимая матушка,
Со пути ты меня да со дороженьки.

Луговая коростель,
Не кричи рано на заре,
Не буди меня рано на заре!
У меня матушка — мачеха,
Она меня поздно спать кладет,
Она меня рано взбуживает
К легкому делу — к жерновам.

Луговая коростель,
Закричи рано на заре,
Разбуди меня рано на заре!
У меня матушка родная,
Она меня рано спать кладет,
Она меня поздно взбуживает
К тяжелому делу — к пялицам.

Конопля, конопля зеленая моя!
Что ж ты, конопля, невесело стоишь?
— Ах, как мне, конопле, веселой стоять?
Снизу меня, коноплю, водой подмыло,
Поперек меня, коноплю, бурей сломило,
Сверху коноплю воробьи клюют.
Девка ты, девушка, девушка красная!
Что же ты, девушка, невесело сидишь?
— Ах, как мне, девушке, веселенькой быть?
Мой батюшка хочет замуж меня отдать,
А мачеха хочет ь черницы постричь.
Мой батюшка пошел бояр собирать,
А мачеха пошла за игуменьёю.
Скрипнули ворота растворчатые,
Брехнула собака борзая на цепи, —
Мне чало, батюшка с боярами,
Ажной моя мачеха с игуменьёю.
«Садись, мое дитяtko, на золотое стульце,
Расплетай, мое милое, русую косу!»
— Пусти меня, матушка, на Дон погулять,
Белильца, румянца с лица посмывать! —
«Смоешь, мое дитяtko, горячей слезой,
Сотрешь, мое милое, пельчатým рукавом!»

Родимая мамонька,
Дай понежиться-поспать,
Дай поспать-понежиться,
Приотважиться,
Покуда в красных девушках!
В чужие люди отдадут,
Поспать мне не дадут.
Еще свекор да свекровушка
Все журят да бранят;
Еще деверья да золовушки
Работать велят:
«Работай, невесточка,
Не постаивай,
На родимую сторонушку
Не поглядывай!»
На родимой на сторонушке
Есть отец и мать,
Есть и брат, сестра,
Есть и милый друг!

Батюшке я говаривала,
Матушке я приказывала:
Не отдавай, батюшка, в ту сторону,
В ту меня сторону — за Кострому!
Та сторона мне давно немила:
Горы высоки, реки глубоки.
Горы высоки — то горе мое;
Реки глубоки — то слезы мои.
Есть ли на свете такой человек,
Кто бы распорол мою белую грудь,
Кто бы посмотрел ретивое сердце?
Где взялась, моя матушка идет.
«Дитяtko мое, чадо милое!
На что пороть твою белую грудь,
К чему же смотреть ретивое сердце?
Видно печаль по ясным очам;
Видно кручина по белому лицу.
С радости — лицо белится,
Белится лицо, румянится;
С печали — лицо чернится,
Чернится лицо, марается».

А молодость, молодость,
Девичья красота,
Молодецкая сухота!
А чем тебя, молодость,
При старости вспомянуть?
Вспомянуть тебя, молодость,
Тоскою-кручиною,
Тоскою-кручиною,
Великой печалию!

Не по реченьке лебедушка плывет,
Не ко мне-то с горя матушка моя идет,
Не ко мне-то с горя матушка идет.
Ты иди-ка, иди, мать родимая, ко мне,
Да погляди-ка, мать, на несчастну на меня,
Как я с малых лет во чужих людях живу,
Как я с малых лет во чужих людях живу,
Ой да не по плису ль я, ох, не по бархату
хожу,
Не по плису ль я, не по бархату хожу,
Ой да я хожу, хожу все по острому ножу.

Кабы знала я, ведала,
Молоденька чаяла
Свою горьку долю,
Несчастье замужества —
Замуж не ходила бы,
Доли не теряла бы!
Пустила бы долю
По чистому полю,
Пустила бы красоту
По цветам лазоревым,
Отдала бы я черны брови
Ясному соколу:
Красуйся, красота,
По цветам лазоревым,
Гуляй, гуляй, воля,
По чистому полю,
Белейся, белета,
По белой березе,
Чернейтеся, очи,
У черного ворона.

Птдавал меня батюшка
За три города каменны,
За четыре новорубленные.
Не велел мене батюшка
Ни тужити, ни плакати.
Полечу, млада-молода,
Во сыры бора, в темные леса.
Уж я сяду, млада-молода,
На скрипучее деревце:
«Ты скрипи, скрипи, деревце,
По всему лесу темному,
По всему лесу дремучему.
Ты кукуй-ка, кукушечка,
По всему свету белому,
По всему миру крещеному.
Придавай тоски-жалобы
Ко вдове ко печальной,
Ко вдове благодатной,
Ко кормилице ко матенке».
Мы с кормилицей со матенкой
Через леса увиделися,
Через поле здоровалися,
Через межу слово мѡлвили:
«Уж ты, мама ли, мама моя,
Когда ты спородила меня?» —

«Спородила ты, дитяtko,
Да во мае во месяце,
Во злосчастный день — в середу». —
«Когда, мама, крестила меня?» —
«Я крестила ты, дитяtko,
Во злосчастный день — в пятницу,
Пеленала тебя, дитяtko,
Во злосчастные пелены,
Я качала тебя, дитяtko,
Да левой рукой наотмашь,
Не молила тебе, дитяtko,
Ни добра, ни здоровьица,
Да ни талану, ни участи.
Я молила тебе, дитяtko,
Одного веку долгого,
Одного росту великого».

На улице дождь, дождь,
На широкой сильный.
Не ситечком сеет,
Ведром поливает.
Ведром поливает,
Землю пробивает.
А братец сестричку
В зыбочке качает.
В зыбочке качает,
Еще величает:
«Сестрица родная,
Расти поскорее.
Расти поскорее
Да будь поумнее.
Отдам тебя замуж
В согласную семью.
Куда ни поеду,
К сестрице заеду.
Здорово, сестрица,
Здорово, родная!»

Понизешенько солнце ходит,
Поблизешенько братец ездит,
Ко мне в гости не заедет.
Али он дороженьки не знает?
Али он тропинушки не утямит?
Али он добра коня не управит?
Али он семью мою стыдится?
Али он собак моих боится?
— Ай ты, сестрица-горестница!
Я собак твоих не боюся,
Я и семью твою не стыжуся —
Я приеду, а ты плачешь,
Я и поеду, а ты возрыдаешь.

И сходила, младенька, все луга и болота,
Все луга и болота, все сенные покосы.
Пристигала, младеньку, меня темная ночка.
Ах, ахти горевати, где мне ночь коротати?
Мне на ум-то запало про родимого братца.
Уж я стук под окошко, уж я бряк во колечко:
«Дома ль, дома ль, братец, дома ль, белый
голубчик?» —
«Дома, дома, сестрица, дома, бела голубка!» —
«Ты укрой меня, братец, да от темных почи,
Что от темных ночи и от лютого зверя!» —
«Ах, сестрица-голубка, да светелка маленька,
Да светелка маленька и своя ли семейка!» —
Выходила невестка, выходила злодейка,
Выпускала собаки, все собаки лихие:
«Улю-лю, вы схватите, а ту-ту, разорвите,
Чтобы эта да гостья не почасту ходила,
Не почасту ходила, не подолгу гостила!»
Догонял ее братец, догонял ли голубчик:
«Воротися, сестрица, воротися, голубка!»
Как пошла-то сестрица, залилася слезами.

Худо, худо жить во чужих людях,
У чужого свекра-батюшки,
У чужой свекрови-матушки.
Поутру да будят порану,
Посылают младу по воду,
Босиком меня по холоду,
На реку меня на Колыму.
Прилетели гуси серые,
Сомутили воду свежую,
Не могла да я дожидаться,
Дать воде да устояться.
Я мутной воды начерпала,
Я домой пошла, заплакала,
У воротечек постукала,
Под окошечком послушала:
Не журит ли свекор-батюшка,
Не бранит ли свекровь-матушка.
Свекор-батюшка журит-бранит,
Свекровь-матушка побить велит.
Что одна-то была золовушка,
Размышлённая головушка:
«Полно, батюшка, журить-бранить,
Что ты, матушка, побить велишь?»
Я сама буду в чужих людях,
У чужого свекра-батюшки,
У чужой свекрови-матушки».

Полоса ли моя, да полосонька,
Полоса ль моя да непаханая,
Не пахана, не боронена!
Зарастай, моя полосонька,
Частым ельничком да березничком,
Еще горькиим да осинничком!
Уж я по лесу хожу-брожу,
Во сыром бору я грибы беру;
Никто в лесе не аукнется.
Откликались пастушки-дружки,
Государевы да охотнички,
Моей матушки да помощнички.
Припаду-то я да послушаю.
Чу, заносит голос матушки:
«Ты, ау, ау, мое дитяtko!
Не в лесу ли ты заблудилась,
Не в траве ли ты да запуталась,
Не в росе ли ты замочилась?» —
«Ты, родима моя матушка!
Заблудилась я в чужой стороне,
Я запуталась в чужих людях,
Замочилась я в горючих слезах!» —
«Ты, родимое мое дитяtko,
Ты носи платье, да не складывай,

Ты терпи горе, да не сказывай!» —
«Ты, родима моя матушка!
Понося платье, да сложить будет,
Потерпя горе, да сказать будет!»

Спится мне, младешенькой, дремлется,
Клонит мою головушку на подушечку;
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

Стучит-гремит, стучит-гремит,
Снохе спать не дает:

«Встань, встань, встань ты, сонливая!
Встань, встань, встань ты, дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!»

Спится мне, младешенькой, дремлется,
Клонит мою головушку на подушечку.
Свекровь-матушка по сеничкам похаживает,
Сердитая по новым погуливает.

Стучит-гремит, стучит-гремит,
Снохе спать не дает:

«Встань, встань, встань ты, сонливая!
Встань, встань, встань ты, дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!»

Спится мне, младешенькой, дремлется,
Клонит мою головушку на подушечку,
Мой любезный по сеничкам похаживает,
Легохонько, тихохонько поговаривает:

«Спи, спи, спи ты, моя умница,
Спи, спи, спи ты, разумница!
Загонена, забронена, рано выдана».

Заря, заря вечерняя,
Игра, игра веселая!
Уж я, млада, играть пошла,
Играть пошла, разыгрывать.
Кричит-звенит свекор в окно:
«Сноха, сноха, домой пора!»
Уж я, млада, не слушала,
Игры своей не портила,
Подруженек не гневала.

Заря, заря вечерняя,
Игра, игра веселая!
Уж я, млада, играть пошла,
Играть пошла, разыгрывать.
Кричит-звенит свекровь в окно:
«Сноха, сноха, домой пора!»
Уж я, млада, не слушала,
Игры своей не портила,
Подруженек не гневала.

Заря, заря вечерняя,
Игра, игра веселая!
Уж я, млада, играть пошла,
Играть пошла, разыгрывать.
Кричит-звенит милой в окно:

«Жена, жена, домой пора!»
Уж я, млада, послушала,
Игру свою попортила,
Подруженек прогневала.

Ах ты, ноченька, ночка темная!
Ночь ты темная, ночь осенняя!
Что ж ты, ноченька, так нахмурилась?
Ни одной в небе нету звездочки!
С кем мне ноченьку ночевать будет,
С кем осеннюю коротать будет?
Нет ни батюшки, нет ни матушки;
Лишь один-то есть мил-сердечный друг,
Да и тот со мной не в любви живет...

Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет,
Лазоревый цвет...
Веселая беседушка, где батюшка пьет,
Где батюшка пьет...
Он пьет, не пьет, за мной, младешенькой,
за мной, младой, шлет,
За мной, младой, шлет.
А я, млада-младешенька, замешкалася,
Замешкалася...
За утками, за гусями, за лебедями,
За лебедями...
За вольною за пташкою, за журушкою,
За журушкою...
Ах, как журушка по бережку похаживает,
Похаживает...
Ковыль-травку шелковую пощипывает,
Пощипывает...
Ах, ключевой водицею захлебывает,
Захлебывает...
За реченьку за быструю поглядывает,
Поглядывает...
За реченькой за быстрою четыре двора,
Четыре двора...
Во этих ли во двориках четыре кумы,
Четыре кумы...

«Вы, кумушки, голубушки, подружки мои,
 Подружки мои...
Кумитесь, любитесь — любите меня!
 Любите меня...
Пойдете во зеленый сад, возьмите меня,
 Возьмите меня...
Вы станете цветочки рвать, нарвите и мне,
 Нарвите и мне...
Вы станете венки плести, сплетите и мне,
 Сплетите и мне...
Пойдете вы на реченьку, возьмите меня,
 Возьмите меня...
Вы будете венки бросать, вы бросьте и мой,
 Вы бросьте и мой...
Как все венки посверх воды, а мой потонул,
 Мой потонул...
Как все дружки домой пришли, а мой
 не бывал».

Вниз по реченьке, вниз по быстренькой,
Там плывет утка да со селезнем.
Впереди плывет селезенюшка,
Селезенюшка сиз-косатенький,
А за ним плывет сера утушка.
«Ты постой, постой, селезенюшка,
Ты постой, постой, сиз-косатенький!
Ой и лучше б нам да вместе плыть,
Да вместе плыть, нам не розниться!
Промеж нас прошла быстрая река,
Быстрая река, разлука моя...»

В нас по сенюшкам, в нас по новеньким.
Там ходил Степан да со Марьею.
Впереди идет да Степан-сударь,
А за ним идет да и Марья-свет.
«Ты постой, постой, да Степан-сударь,
Ты постой, постой, да Иванович!
Ой и лучше б нам да вместе йтить,
Да вместе йтить, нам не розниться!
Промеж нас прошла чужая жена,
Чужая жена, разлука моя...»

Вы раздайтесь-расступитесь, добрые люди,
Уж вы дайте мне, младеньке, походить,
Пока батюшка-сударь замуж не выдал
За того ли за детину, за невежу!..
На кабак идет невежа — кричит-вопит,
С кабака идет невежа — восклицает:
«Дома ли моя жена молодая?
Отворяй, жена, широкие ворота,
Выставляй, жена, высоко подворотку!»
Уж как я ли, молоденька, поспешлива:
По новым сеням бежала, поспешала,
Поплотнее воротечки запирала,
Посмелее я с невежей говорила:
«Ты ночуй, ночуй, невежа, за воротам,
Тебе мягкая постеля — белы снеги,
А высоко изголовье — подворотка,
А теплое одеяло — буйны ветры,
Шитый-браный положок — частые звезды,
Воску ярого свеча — светел месяц.
За воротами проспишься, приютишься!
Как проспишься, так и в терем погодишься!»

В воскресенье матушка замуж отдала,
К понедельничку горе привязалось...

Уж ты, матушка, свет Михайловна!
Мне куда с горя подеваться?
Я пойду с горя во темны леса —
Горе вслед бежит, само говорит:
«Я леса срублю, тебя доступлю!»
Уж ты, матушка, свет Михайловна!
Мне куда с горя подеваться?
Я пойду с горя во чисты поля —
Горе вслед идет, само говорит:
«Я поля прижну, тебя доступлю!»
Уж ты, матушка, свет Михайловна!
Мне куда, бедной, с горя подеваться?
Я пойду с горя в зелены луга —
Горе вслед идет, само говорит:
«Я луга скошу, тебя доступлю!»
Ах ты, матушка, свет Михайловна!
Мне куда с горя подеваться?
Я пойду от горя во высок терем —
Горе вслед идет, само говорит:
«Я терем зажгу, тебя доступлю!»
Ах ты, матушка, свет Михайловна!
Мне куда с горя подеваться?
Я пойду с горя во круты горы —

Горе вслед идет, само говорит:
«Я червом совьюсь, горы выточу,
Горы выточу, тебя доступлю!»
Ах ты, матушка, свет Михайловна!
Мне куда с горя подеватися?
Я пойду с горя во сыру землю —
Горе вслед идет
Со тупицами, острыми заступами.
Устоялося, рассмеялося:
«Уж ты, дочь моя родная!
Ты умела горюшко повыгоревать!»

Как болит-то ли, болит у мужа головка,
На чужих-то ли глядя на жен на хороших,
Что на девок-то ли, девок на пригожих.
У меня-то ли жена, жена некорыстна,
Некорыстная жена, ах да не по мыслям.
Куда пошлешь-то жену — ее не дошлешься;
Хоть дошлешься-то жену — ее не дождешься.
Как придет-то ли жена, да правды не скажет,
Как стелет постелюшку — сама слезно плачет,
Изголовьице кладет — она возрыдает,
Своего прежнего дружка она вспоминает!

И е сон мою головушку клонит —
Хмелинушка в головушке бродит!
Бродит, бродит, да вон не выходит.
Пойду, млада, да вдоль долиною
Искать свою счастливую долю.
Мне навстречу едет казак с Дону.
Пойду я спрошу у казака правду:
Куда эта дороженька пала?
Куда пала, куда пролегала?
Либо в лесик, либо в чистое поле.
В темном лесе соловьюшко свищет,
Меня, младу, свекор лютей ищет.
Хоть кличь не кличь, я к тебе не йду!
Хоть кличь не кличь, я к тебе не йду,
Хоть я йду я к милому другу.

Н а речке, на речке,
На том бережочке
Мыла Марусенька
Белые ноги,
Мыла Марусенька
Белые ноги
Мыла, белила,
Сама говорила,
Мыла, белила,
Сама говорила.
Плыли к Марусеньке
Серые гуси,
Плыли к Марусеньке
Серые гуси,
Серые гуси,
Лазоревы уши,
Серые гуси,
Лазоревы уши.
— Шиш-ма, летите,
Воды не смутите,
Шиш-ма, летите,
Воды не смутите.
Будет Марусеньку
Свекор бранити,
Будет Марусеньку
Свекор бранити,

Свекор бранити,
Свекровка журити,
Свекор бранити,
Свекровка журити:
«Где ж ты, Марусенька,
Долго ходила?
Где ж ты, Марусенька,
Долго ходила,
Долго ходила,
Кого полюбила?»

«Ивушка, ивушка, зеленая моя!
Что же ты, ивушка, не зелена стоишь,
Не зелена стоишь, не лазорево цвѣтешь?» —
«Как же мне, ивушке, зелено стоять,
Зелено стоять, лазорево цвести?
Сверх меня, ивушку, солнышком печет,
Сбоку частым дождичком сечет,
А под самый корешок ключева вода течет!»
Ехали бояре из Новагорода,
В поле ночевали, в лугах завтракали;
Увидели ивушку издалекова,
Срубили ивушку под самый корешок,
Сделали из ивушки два весла,
Два весла, весла-весельца, третью лодочку
косу;

Сели в лодочку, поехали домой;
Взяли-подхватили красну девицу с собой.
Стали они девицу выпрашивати:
«Что же ты, девица, не весело сидишь,
С нами, молодцами, ничего не говоришь?» —
«Как же мне, девице, веселой быть!
У меня ли батюшка с матушкой неправдою живут:
Меньшу сестру прежде замуж выдают!
Меньшая сестра чем же лучше меня?
Что меньшая-то сестра ни соткать, ни сопрясть,

Только по воду ходить,
Только по воду ходить на Самару на реку,
С горки на горку ведерки катать;
Весело идти, коромыслом мотать!»

Ах вы, сени, мои сени, сени новые мои,
Сени новые, кленовые, решетчатые!
Сени новые, кленовые, решетчатые.
Как и мне по вас, по сеничкам,
не хаживати!
Как и мне по вас, по сеничкам, не хаживати,
Друга милого за рученьку не важивати,
Друга милого за рученьку не важивати.
Выходила молода за новые ворота,
Выходила молода за новые ворота,
Выпускала сокола из правого рукава.
Выпускала сокола из правого рукава,
На полетике соколику наказывала,
На полетике соколику наказывала:
«Ты лети, лети, сокол, высоко и далеко,
Ты лети, лети, сокол, высоко и далеко,
И высоко и далеко, на родиму сторону.
На родимой на сторонке грозен батюшка живет,
Он грозен, сударь, грозен, он немилостив
ко мне,
Он грозен, сударь, грозен, он немилостив ко мне:
Не велит мне, молодой, ходить вечером одной,
Не велит мне, молодой, ходить вечером одной!
Я не слушала отца, спотешала молодца,
Я не слушала отца, спотешала молодца.
Я за то его спотешу, что один сын у отца,

Я за то его спотешу, что один сын у отца,

Зовут Ванюшкой — пивоварушкой,

Зовут Ванюшкой — пивоварушкой.

Пивовар пиво варил — красных девушек манил,

Пивовар пиво варил — красных девушек манил:

«Вы пожалуйста, девицы, в пивоварню во мою,

Вы пожалуйста, девицы, в пивоварню во мою!

Во моей ли пивоварне пиво пьяно на ходу,

Во моей ли пивоварне пиво пьяно на ходу,

Пиво пьяно на ходу — красных девок напою!»

У ж ты, мать моя, матушка,
Мать, бела лебедушка!
Ты на что меня хорошу родила,
Черноброву, приглядчивую?
Мне нельзя к обедне сходить,
Нельзя богу молиться,
Добрым людям поклониться.
А на меня ли люди зрятся,
А попы-то запеваются,
А дьячки-то зачитаются.
Просвирнин сын по церкви ходил,
Он тихохонько на ножку ступил,
Пол-осмины мне просвир посулил.
Мне просвиры-то хочется,
А полюбить его не хочется.
Полюбил меня из лавочки купец,
Посулил он мне китаечки конец.
Мне китаечки-то хочется,
А полюбить его не хочется.
Полюбил меня крестьянин молодой,
Посулил мне сноп соломы аржаной.
Мне соломки-то не хочется,
Полюбить его хочется.

По улице мостовой,
По широкой столбовой
Шла девица за водой,
За ней парень молодой,
Кричит: «Девица, постой!
Красавица, погоди!
Пойдем вместе за водой,
За холодной ключевой». —
«Ах ты, парень-паренек,
Твой глупенький разумок!
Не кричи во весь народ:
Мой батюшка у ворот;
Зовет меня в огород
Чесноку, луку полоть,
Маку сеяного,
Луку зеленого.
Я во праву руку луку,
Во левую чесноку,
Сама по цветики пойду,
По лазоревые».

Я по цветикам ходила,
По лазоревым гуляла,
Цвета алого искала.

Цвета алого искала,
Не нашла цвета такого
Супротив своего милого.
Как мой миленький хорош,
Чернобров, душа, пригож,
Ручки в пазушку положи!
Мне подарочек принес,
Подарочек дорогой —
С руки перстень золотой.
Мне не дорог твой подарок,
Дорога твоя любовь!
Не хочу перстня носить,
Хочу так дружка любить!

Ты куда ж, моя надежда,
Снаряжаешься?
Собирался мой милой,
Собирался дорогой
Он на Волгу на реку,
На крутенький бережок,
На крутенький бережок,
На желтенький на песок.
Уж я по воду пойду,
На крутой берег взойду,
Туда-сюда погляжу,
Куда реченька бежит.
Волга-матушка быстра
Скоро судно пронесла,
Моего мила дружка
Во зеленые лужка.
Суденышко за лесок,
А я, млада, в голосок.

Суденышко во пучину,
А я, млада, во кручину.
Суденышко тонет, тонет,
У меня ли сердце ноет.
Суденышко потонуло,
А я, млада, воздохнула.

Как со вечеру дождек, со полуночи снежок,
Ко белой заре порошица молоденькая,
Вот молоденькая, моложавенькая.
Как по этой по пороше трое санушек бежат:
Двое саней с козырями, третьи с вырезами.
Как во первых-то во санушках Иван-сударь сидит,
Он сидит-сидит-сидит, ничего не говорит,
Ничего не говорит, приворачивать велит:
«Приворачивай, ребята, ко Смирнову ко двору!»
У Смирнова-казака хвалят дочь, хороша,
Хвалят дочь: хороша что и Машенька-душа!
Как и Машенька по сенюшкам похаживала,
Она белыми руками размахивала. . .
«Уж ты бей башмачки, разбивай каблучки!
Мне не батюшка купил, не родимый подарил —
Мне купил-подарил Иван-сударь господин.
Он велел износить, под лавочку положить,
Под лавочку положить и чулочками накрыть,
За чулочек потянуть и Ваничку вспомануть!»

У ж ты, Сема, Симеон,
Не ходи ты по сеням,
Ты не стой со мной,
Не качай головой.
Ты не стой со мной,
Не качай головой,
Мне не быть за тобой,
За дурацкой головой!
Мне не быть за тобой,
За дурацкой головой,
Уж и быть за иным,
За Иваном румяным!
Уж и быть за иным,
За Иваном румяным,
За таким ли румяным,
За Иваном кудрявым!
За таким ли румяным,
За Иваном кудрявым.
У Ивана-кудряша
Нету денег ни гроша!
У Ивана-кудряша
Нету денег ни гроша!
Нету денег ни гроша —
Походочка хороша!

Ты, отеческая дочь,
Не ходи гулять в полночь,
Не ходи гулять в полночь
Мимо моего двора,
Не прокладывай следу
К нову зелену саду!
Есть у моего двора
Приукатана гора,
Приукатана-углажена,
Водою улита,
Водою улита,
Каблучками убита.
Лишь я скок на ледок,
Окаянный башмачок,
Окаянный башмачок,
Поскользнулся каблучок,
Поскользнулся каблучок,
Я упала на бочок.
Не слыхала, как упала;
Погляжу, млада, лежу,
Погляжу, млада, лежу
Я на правом на боку,
Я на правом на боку,
Обмираю со смеху.
И я глядь-поглядь —
Меня некому поднять.

Из гостиного двора
Шел детинка молодой,
Шел детинка молодой,
Не женатый, холостой.
Я не знала, как назвать,
Поучилась солгать,
Поучилась солгать,
Его душенькой назвать:
«Душа моя, душенька,
Подними, радость, меня!» —
«Уж я рад бы тя поднять, —
Со сторон люди глядят,
Со сторон люди глядят,
Поймать меня хотят,
Поймать меня хотят,
Ручки-ноженьки сковать,
Ручки-ноженьки сковать,
Во солдатушки отдать,
Во солдатушки отдать
И батюшке не сказать!»

Я в лесе был, березку рубил,
Березку, березку, березку рубил.
Березку рубил, метелки вязал,
Метелки, метелки, метелки вязал.
Метелки вязал, на возик складал,
На возик, на возик, на возик складал.
На возик складал, бечевкой стягал,
Бечевкой, бечевкой, бечевкой стягал.
Бечевкой стягал, коня запрягал,
Конёчка, конёчка, коня запрягал.
Коня запрягал, в Москву отправлял,
В Москву, Москву да в Москву отправлял.
В Москву отправлял, там девку видал,
Там девку, там девку, там девку видал.
Там девку видал, чернявку встречал,
Чернявку, чернявку, чернявку встречал:
Сидит над окном, играет цветком,
Играет, играет, играет цветком.

Куманечек, побывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня,
Побывай-бывай-бывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня!» —
«Я бы рад побывать у тебя,
Побывать-бывать-бывать у тебя, —
У тебя, кума, ведь улица грязна,
Что грязна-грязна-грязна-таки, грязна!» —
«Куманечек, тому горю помогу,
Помогу-могу-могу, помогу —
Через дорогу я мосточек намощу,
Намощу-мощу-мощу, намощу!

Куманечек, побывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня,
Побывай-бывай-бывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня!» —
«Я бы рад побывать у тебя,
Побывать-бывать-бывать у тебя, —
У тебя ль, кума, ворота скрипучи,
Скрипучи-пучи-пучи, скрипучи!» —
«Куманечек, тому горю помогу,
Помогу-могу-могу, помогу —
Под ворота кусок сала положу,
Положу-ложу-ложу, положу!

Куманечек, побывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня,
Побывай-бывай-бывай у меня,
Душа-радость, побывай у меня!» —
«Я бы рад побывать у тебя,
Побывать-бывать-бывать у тебя.
У тебя, кума, собачка лиха,
Что лиха-лиха-лиха-таки, лиха!» —
«Куманечек, тому горю помогу,
Помогу-могу-могу, помогу —
Я собачку на цепочку привяжу,
Привяжу-вяжу-вяжу, привяжу!»

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В настоящее издание входят тексты русских народных песен, созданных в дореволюционное время. Тексты песен даются в записях XIX и начала XX века, а также использованы и записи, сделанные после 1917 года советскими собирателями.

Размещение песен в этом сборнике в основном тематическое: в обособленные разделы входят песни, выражающие отдельные стороны и явления народной жизни. Внутри тематических разделов песни в жанровом отношении родственные поставлены рядом. Строго придерживаться жанрового признака при расположении песен в этом сборнике не представляется возможным. К тому же в народной поэзии этот признак не всегда и не полностью определяет характер песни — например, очевидно, что обрядовые песни с течением времени отрываются от обряда, свадебные песни и причитания могут переходить в круг песен обычно-лирического характера, а хороводные и плясовые сближаются между собой. Кроме того, внутри каждого отдела песни расположены в историческом порядке — от более старинных к новым. Но и этот принцип приходится проводить лишь приблизительно, ввиду того,

что в песенном репертуаре старинные и новые песни существуют на равных правах и старинные подвергаются постоянным изменениям.

Некоторые темы в разделах сборника пересекаются. Песня отнесена к тому или другому разделу в зависимости от того, какая тема в ней преобладает, дает основную окраску. В одном случае, например, любовная тема в песне может быть подчинена теме тоски по родине, в другом любовная тема развивается более самостоятельно.

Песни размещены по 10 отделам:

I. Старинные песни, связанные с народным календарем, со сменой времен года, с работами, приуроченными к ним. Трудовой быт народа вырисовывается в них еще без черт крепостной неволи.

II. Песни о чужой стороне, о скитаниях, с главным мотивом тоски по родине, любви к родной земле. Особое место среди них занимают песни о смерти на чужбине.

III. Военские песни: о походе, о войне, рекрутские и солдатские.

IV. Песни о неволе, о подневольном быте времен крепостничества, песни протеста против угнетения.

V. Разбойничьи песни.

VI. Песни народных восстаний.

VII. Рабочие и революционные песни.

VIII. Любовные песни, мужские и женские; тематически связанные с ними хороводные и игровые.

IX. Свадебные песни.

X. Песни семейные и бытовые, а также плясовые, близкие по содержанию к бытовым.

Записи текстов народных песен, делавшиеся разными собирателями в разное время и в самых различных местностях, естественно, чрезвычайно отличаются по языку и орфографии. Собиратели XIX века нередко придерживались в своих записях диалектных особенностей языка, фольклористы XX века уже точно воспроизводят все особенности исполнения, считая это требование обязательным. Тем не менее в нашем сборнике тексты даются на языке общелитературном, и фонетические отклонения записей сохраняются лишь в тех случаях, когда с этим связаны элементы литературной формы — интонация, ритм.

Потребности вокального исполнения (в особенности это относится к лирическим песням) вносят особые изменения в словесный текст — при пении слова и отдельные строки часто повторяются, слова растягиваются, вставляются междометия и дополнительные слова и словечки. Для образца приведем известную песню «Не одна во поле дороженька пролежала» в фонографической записи Линевой.

Ах, не одна-то, не одна, ах,

Во поле доро...

Ах, во поле дороженька,

В поле пролега...

Эх,

В поле пролега...

Ах, в поле пролежала.

Ах, да частым е. .

Ах, ельничком, бере. . .

Ах, ельничком, березничком
Она зарастала...
Эх,
Она зараста...
Ох, она зарастала.

Ах, что не белою поро...
Ах, белою поро...
Ах, белою порошею
Ее заноси...
Эх,
Ее заноси...
Ах, ее заносило.

Ах, что нельзя-то ли, нельзя
К милой в гости е...
Ах, в гости ехать,
Не проехать,
Эх,
К милой в гости ехать —
Не проехать.

Здесь текст совпадает с развитием мелодии, именно так поется песня. Но поскольку в нашем издании выдвигается вперед литературная сторона песен, то все специально связанное с вокальным исполнением их, как правило, устраняется.

Припевы воспроизводятся каждый раз полностью после соответствующих строф.

Песни, авторы которых известны, в этот сборник не включаются, даже в тех случаях, когда песни подверглись переработке в устном народном творчестве.

Ссылки на главнейшие собрания, вошедшие в перечень, даются в примечаниях сокращенно. Например, вместо: «Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Том VI. СПб., 1900, № 202», пишется: «Соболевский, VI, № 202».

ПЕСНИ, СВЯЗАННЫЕ С НАРОДНЫМ КАЛЕНДАРЕМ

«Весна красна». — Шейн, № 1175.

«Ты, пчелынька». — Шейн, № 1181.

«Весна красна» и «Ты, пчелынька» — песни-«веснянки», сохранившиеся с глубокой древности; пелись перед началом полевых работ как своего рода заклятия на приход весны.

«И ё! и ё! Березонька». — Русские народные песни в обработке советских композиторов. Сост. Л. Атовмян и М. Иорданский. М., 1947, стр. 102. Весенняя обрядовая песня. *Кукорички* (кокуры) — булочки с яйцом.

«А мы просо сеяли, сеяли». — И. Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1841, кн. 3, стр. 27. Киреевский. Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2651, и другие сборники. Одна из стариннейших русских песен, связана с земледелием.

«Кто с нами, кто с нами». — Листопадов, IV, № 183.

«Ж а л и м ы, ж а л и». — Шейн, № 1269. Песня, которую поют жницы. *Долговая* — долгая. *Поб-стать* — полоса, которую проходит жница. *По месяцу жали* — т. е. с ночи жали.

«З а р е к о й о г о н ь г о р и т». — Н. А. Римский-Корсаков. Сборник русских народных песен. СПб., 1876, стр. 2. Песня, относящаяся к зимним празднествам, — так называемая «Колядка».

ПЕСНИ О ЧУЖОЙ СТОРОНЕ

«Т ы в з о й д и, т ы в з о й д и, к р а с н о е с о л - н ы ш к о». — Соболевский, VI, № 178.

«С т о р о н а л ь т ы м о я, в о т м о я с т о р о - н у ш к а». — Соболевский, VI, № 180.

«А х т ы, н о ч е н ь к а, н о ч к а т е м н а я». — Соболевский, III, № 233.

«С е д и н а л ь м о я, с е д и н у ш к а». — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2583.

«П р о л е г а л а в о п о л е д о р о ж е н ь к а». — Соболевский, VI, № 202.

«К а к в п о л е ш л я х - д о р о ж е н ь к а п р о - л е г а л а». — Соболевский, VI, № 203. *Браный* — из узорчатой ткани.

«Я в с ю н о ч ь, м л а д а, н е с п а л а». — Якушкин, стр. 566. *Шармовать* — бушевать.

«У государыни матушки». — Соболевский, III, № 2.

«На море орел». — Соболевский, III, № 11.

«Уж вы, горы мои, горы Воробьевские». — Сборник Лопатина и Прокунина, ч. I, № 3.

«Край дорожки, край широкой было московской». — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 1, № 1263. *Кумашна* — из кумача (красная ткань). *Китайна* — из китайки (полосатая ткань).

«За Кубанью за рекой, там казак гулял». — Мякутин, т. II, стр. 67. *Чумбурик* (чумбур) — повод. *Прикол* — кол, к которому привязывают коня.

«Туманы вы, мои туманушки, туманы вы мои разосенние!» — Соболевский, I, № 414. *Близ Индерских гор* — горы за р. Урал, вокруг Индерского озера. *Якушка* — Яик — прежнее название р. Урал; река была переименована после Пугачевского восстания.

«Уж ты, степь ли моя, степь Моздокская». — Сборник Лопатина и Прокунина, ч. I, № 15. *Наборные* — с бляхами.

«Ой да как под славною было все под Журжею». — Листопадов, II, № 121. *Журжа* —

город на левом берегу Дуная, отмеченный в истории русско-турецких войн. *Шат-гора* — название Эльбруса, здесь как название высокой, большой горы. *Шеплеватая* — переключенная.

ПЕСНИ ВОИНСКИЕ

«А вскрикнули да два лебедя». — Соболевский, VI, № 210. *Позобаться* — покормиться.

«С гор вода бежит, с гор по камушкам». — Соболевский, VI, № 273.

«Бережочек зыблется». — П. К. Симони. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. II. Песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на Крайнем Севере Московского царства. СПб., Акад. наук, 1907, стр. 1. Одна из самых ранних записей русской песни; пели ее, очевидно, ратные люди, несшие сторожевую дорожную службу по берегам рек. *Ино* — вот. *Емлите* — берите. *Яровы* — бойкие, быстрые. *Ветляны стружочки* — челны, выдолбленные из ствола ветлы. *Гренемте* — ударим, сильно гребнем.

«Как бежал-то, бежал молодой невольник». — Мякутин, т. II, стр. 88.

«Чем-то наша славная земелюшка распахана?» — Соболевский, VI, № 3.

«Как ты, батюшка славный тихий
Дон». — Соболевский, VI, № 1.

«Ой вы, станы мои». — Листопадов, II,
№ 56. *Стан* — станица, селение.

«Служба явлена в поход». — Соболев-
ский, VI, № 142.

«Уж ты, сад, ты мой сад, сад зеленень-
кий». — Соболевский, IV, № 472. *Рясно* —
обильно.

«Не сизы орлы солеталися». — Собо-
левский, VI, № 230. *Каленые стрелы* — стрелы,
закаленные на огне.

«Во дикой-то степи пролегывала
большая дороженька». — Мякутин, т. II,
стр. 82. *Поярчатый* — сваланный из поярка, вой-
лочный. *Тесьмяненькая* — сделанная из ремня.

«Матушка красно солнышко». — Собо-
левский, VI, № 368.

«Воздалече было, воздалеченько». —
Соболевский, VI, № 333. *Тесьмяное* — см. выше.

«Панья пану да говорила». — Листопа-
дов, IV, № 31. *Панья пану* — жена мужу.

«Мне, матушка, тошнехонько». — Соболевский, VI, № 278. *Пала-перепалася* — испугалась, огорчилась. *Торока́* — ремни позади седла для привязывания поклажи.

«Не травушка, не ковылушка». — Песни Донского казачества. Вст. ст. И. Кравченко. Сталинград, (1938), № 112. *Цевкой течет* — непрерывно течет, как нитка с катушки.

«Не кукушечка, братцы, во сыром бору куковала». — Якушкин, стр. 555.

«Ох, ты пей-ка, моя головушка, прохладися». — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2787. *На ряду* — на улице.

«Мы пройдемте-ка, братцы, вдоль по улице». — Соболевский, VI, № 10.

«Еще нет-то у нас в синем море, нет такой бусочки». — Соболевский, VI, № 115. *Бусочка* (буса) — большая лодка, корабль.

«Породила да меня матушка». — Сочинения М. Д. Чулкова. СПб., 1913, т. I, стр. 189. *Камчатные* — из камки (шелковая узорная ткань).

«Отпущало, отпущало сердце матушкино». — Якушкин, стр. 559.

«Как за лесом, за лесочком». — Записана А. А. Прокофьевым в районе Ладожского озера в 1935 году.

«Не беленькая березонька к земле клонится». — Соболевский, VI, № 192.

«Ты, долина ль моя, долинушка, раздолье широкое!» — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2975. *Назолушка* (назола) — досада, тоска.

«Да полно ж тебе, добрый молодец, на чужой сторонушке пить-гулять!» — Соболевский, VI, № 244. *Тесьмяненькая* — см. выше. *Обротать* — взнуздать.

«Там построили там кабак». — Якушкин, стр. 545.

«Проторенная новая дорожка». — Соловьевы, № 618. *Преображенский полк* — один из первых регулярных гвардейских полков, созданных Петром I из потешных войск.

«Ой да не буён-то ветерок поносит». — Листопадов, II, № 67.

«А Ванюшка, мой батюшка». — Соболевский, VI, № 160.

ПЕСНИ О НЕВОЛЕ

«А и горе, горе-гореваньице!» — Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. М., 1938, № 55. *Прежде век* — издавна.

«Из-за леса, леса темного». — Шейн, № 853. *Каточки* (катки) — глухие колеса, кружки из толстых досок.

«Калинушку с малинушкой водой залило». — Шейн, № 852.

«Во лесу, лесу дремучем». — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2676.

«Слобода моя, ты слободушка!» — Соболевский, II, № 392. *Худо* можется — нездоровится.

«У ворот сосна раскачалася». — Якушкин, стр. 575.

«Вы, кудриль, мои кудри». — Н. Л. Бродский, Н. М. Мендельсон, Н. П. Сидоров. Историко-литературная хрестоматия, ч. 1. М., 1923, стр. 178.

«Через леса, леса темные». — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2352.

«Вырастала древушка тонка, высокая». — Соболевский, VI, № 220.

РАЗБОЙНИЧЬИ ПЕСНИ

«Не шуми, мати зеленая дубравушка». — Песня приводится А. С. Пушкиным в романе «Капитанская дочка». Впервые была напечатана в 1770 году в «Собрании разных песен» М. Д. Чулкова, ч. I, № 131 (см. Сочинения М. Д. Чулкова. СПб., 1913, т. I, стр. 173). *Калены стрелы* — см. выше. *Воровать* — разбойничать.

«Вниз по матушке по Волге». — Сборник Лопатина и Прокунина, ч. I, № 46. *Погодка* (погода) — ненастье, сильный ветер с дождем. *Грянемте* — здесь: двинемся.

«Сирота ль моя, ты сиротушка!» — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2055 и 2049.

«Ты взойди, взойди, солнце красное». — Якушкин, стр. 571. Места на Волге около устья р. Керженки (в приведенном тексте — *Торженка*), неподалеку от сел Лыскова и Юркина; были пристанищем беглого люда и разбойничьих шаек. *Косна лодочка* — легкая лодка.

«Что светил-то, светил месяц во полночи». — Соболевский, VI, № 399.

«Не от пламечка, не от огничка». — Соболевский, VI, № 479. *Грять* — каркать. *Во победности* — в беде.

ПЕСНИ НАРОДНЫХ ВОССТАНИЙ

«Ай как на речке, на реке». — Листопадов, I, ч. 2, № 78. *На речушке Камышинке* — небольшая река у г. Камышина, в устье ее находился стан восставших разинцев. *Гребенские казаки* — казаки, жившие по гребням Терского хребта у реки Терек.

«Ах туманы вы, мои туманушки!» — Лозанова, стр. 53. *Тюремнички* — узники.

«Не шуми и не бушуй». — Листопадов, I, ч. 2, № 107. Под Симбирском в 1670 году произошло сражение, в котором войска Разина потерпели поражение. *Негодушка* — непогода, ненастье. *Гребенские* — см. выше.

«Ой не вечер, то ли не вечер». — Лозанова, стр. 69.

«Загорелась во поле ковылушка». — Листопадов, I, ч. 2, № 103.

«Ай да не шуми, шумка». — Листопадов, I, ч. 2, № 108. *Шумка* — дерево с листьями.

«А из тихого, из мелкого из зато-ну». — Лозанова, стр. 54.

«Ой да ты, батюшка Оренбург-город!» — Листопадов, I, ч. 2, № 165.

«Как за барамы житье было привольное». — Н. Л. Бродский. Крепостное право в народной поэзии, сб. «К воле». М., 1911, стр. 73—74. Н. Л. Бродский указывает, что эта песня «распространялась в 40-х годах среди крестьян Саратовской губернии». Запись обнаружена в деле по обвинению в подстрекательстве крестьян к бегству. *Слега — жердь.*

РАБОЧНЕ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕСНИ

«Работали мы да день до вечера». — Н. Шушканов. Беглые. Из жизни рабочих Златоустовского завода в первой половине XIX в. Свердловск, 1936, стр. 17.

«Благослови, сударь хозяин». — Бирюков, стр. 273. Пародия на песни, с которыми в праздник приходили «славить» хозяина. *Демидовы* — богатейшие горнозаводчики, обосновавшиеся на Урале еще в XVII веке. Жестокая эксплуатация на демидовских заводах не раз приводила к восстаниям. *Вица* — розга. *Студенцою поят* — поят студеной колодезной водой.

«Эй, ухнем! эй, ухнем!» — М. Балакирев. «Сборник русских народных песен». Лейпциг, 1895, стр. 80. Бурлацкая песня, впервые записанная в 1860—1861 годы композитором М. Балакиревым.

«Во всю-то ночь мы темную». — Ю. Н. Мельгунов. Русские песни, непосредственно

с голосов народа записанные, вып. I. М., 1870, стр. 59. *Дядя* — передовой бурлак.

«Ой - ёй, ой - ёй». — М. Горький. О литературе. Литературно-критические статьи. М., 1953, стр. 764. *Бурлацкая песня*, записанная Горьким.

«Ай да вы, заводы». — Е. М. Блинова. Сказы, песни, частушки. Челябинск, 1937, стр. 220.

«Как на свете живется». — Бирюков, стр. 273.

«Что шахтерская жизнь проклята». — «Глеб Успенский. Материалы и исследования», т. I, М., 1938, стр. 43. *Лугошечка* — липка, с которой содрана кора.

«Вы в шахтах не бывали». — Г. Белорецкий. Заводская поэзия. — «Русское богатство», 1902, № 11, стр. 43 (перепечатано в предисловии сборника «Песни и сказы шахтеров», сост. Ал. Ивановым. Р. н/Д, 1940).

«Уж ты, волюшка, да разневоля». — Хор им. Пятницкого. 30 русских народных песен. М., 1939, стр. 55.

«Во приисках лето жили». — Бирюков, стр. 274. *Бисеретская*. — Бисерть — река на Урале, на которой находится Бисертский завод.

«Загудел гудок на пять». — Ал. Ионов, стр. 26. *Клетка* (клеть) — подъемная площадка для спуска в шахту. *Камера* — горная выработка, предназначенная для различных установок.

«Эх, да постыла контрашна работа». — Зайцев, стр. 134. *Контрашна работа* — работа по контракту.

«Ты взойди-ка, взойди». — Зайцев, стр. 134.

«Во деревне-то я спородился». — Зайцев, стр. 135.

«Горы мои, горы вы Уральские». — Зайцев, стр. 143.

«Во заводе парень жил». — Зайцев, стр. 138.

«Губернатор Богданович». — Зайцев, стр. 137.

«Царь гуляет, тризну правит». — Ионов, стр. 32.

ЛЮБОВНЫЕ ПЕСНИ

«Ах не одна-то, не одна». — Сборник Лопатина и Прокунина, ч. I, № 22.

«Как у голубя как у сизого». — А. В. Гуревич и Л. Е. Элиасов. Старый фольклор Прибайкалья, т. I, Улан-Удэ, 1939, № 76. *Епанечка* — короткая шубейка, женская накидка.

«Я вечер, вечер, добрый молодец». — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2547. Запись Пушкина.

«Эко сердце, да эко бедное мое!» — Соболевский, V, № 179. *Укладная* — булатная, стальная. *Миткалинова* — ситцевая.

«Ах да не вечерняя заря спотухала, заря спотухала». — Сборник Лопатина и Прокунина, ч. I, № 27.

«Вспомни, вспомни, моя любезная». — Якушкин, стр. 657.

«Ты не пой, не пой, соловьюшко». — Якушкин, стр. 580. Перед двадцать первой строкой, очевидно, пропуск, легко восполняемый по другим вариантам (см. Соболевский, V, № 667 и др.). Следует читать:

Посреди двора стоит крыльцо
Раскрашенное.
С того крыльца ведут к венцу
Красну девицу.

«Селезень мой, селезень». — Соболевский, V, № 692.

«Добрый молодец похаживает». — Якушкин, стр. 595. *Калинова стрела* — вместо каленая — см. выше. *Ества* — еда.

«Уж вы, бабочки, бабеночки мои». — Листопадов, IV, № 112. *Болечка* — болезная, т. е. милая.

«На горе растет калина, под горою малина». — Якушкин, стр. 611.

«Вдоль по улице молодец идет». — М. Н. Картыков. Русские песни. Вологда, (1922), стр. 255.

«За морем синичка не пышно жила». — Сочинения М. Д. Чулкова. СПб., т. I, 1913, стр. 233. Песня пелась в праздник поздравляющими — отсюда последняя строка.

«На речке на Клязьме купался бобер». — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 1, № 1554а.

«Хожу я по улице, да не нахожуся». — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 1, № 2082. Песню часто начинают со слов: «Светит месяц». *Голицы* — кожаные рукавицы.

«Из улицы в улицу». — Соболевский, III, № 239.

«Соловей-соловейко молодой». — Соболевский, IV, № 678.

«В темном лесе, в темном лесе». — Уральский фольклор, под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949, стр. 81. Песня старинная, печаталась уже в песенниках XVIII века, данный текст записан в Свердловской области в 1948 году.

«Зеленая роща во всю ночь шумела». — Соболевский, IV, № 53.

«Пойду я, младенька, погуляю». — И. М. Кудрявцев. Две лирические песни, записанные в XVII веке. — Труды отдела древнерусской литературы АН СССР, IX. М.—Л., 1953, стр. 385.

«Да ой не плачьте, мои ясны очи». — Там же.

«Над озером верба». — Н. А. Римский-Корсаков. Сборник русских народных песен. СПб., 1876, стр. 24.

«Как на матушке на Неве-реке». — Соболевский, V, № 727. *Браные* — см. выше. *Косящатое окно* — окно с косяком.

«Не бушуйте, не бушуйте, ветры буйные». — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2309.

«У ж ты, веснушка, весна!» — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 1, № 1426.

«Гусли вы, гусли звончатые мои». — Соболевский, V, № 470.

«Вы, молодчики, вы, молоденькие, вы, дружки мои». — Сборник Лопатина и Прокунина, ч. I, № 76.

«Цвели в поле цветики, да поблекли». — Линева, вып. I, № 8.

«Я куда сгоря, да куда сгорюшка подеваюсь». — Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш. Песни русского народа. СПб., 1894, стр. 176.

«Ах что есть ли в поле за травушка за муравушка». — Якушкин, стр. 582. Сон, будто в тереме раскрылись все окна и двери, по народному суевию — к беде, к смерти, к разлуке.

«Ах ты, ночь же, ночка». — Якушкин, стр. 606. *Победенькая* — бедная, несчастная.

«Шла тропинка». — Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш. Песни русского народа. СПб., 1894, стр. 151. *Каленая стрела* — см. выше.

«По рощице Машенька гуляла». — Соболевский, V, № 755.

«Эй да уж вы, ночи темные». — Сборник Лопатина и Прокунина, ч. I, № 62.

«Эх да уж вы, ночи, ночи мои темные!» — Сборник Лопатина и Прокунина, ч. I, № 60.

«Никак не возможно мне без печали жить». — Ап. Григорьев. Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны. Собрание сочинений. М., 1915, вып. 14, стр. 33.

«Не велят Маше на улицу ходить». — Якушкин, стр. 585.

«Возле речки, возле мостика». — Соболевский, V, № 639.

«Сказали про молодца, что не жив, не здоров». — Шейн, № 775. *Воску ярого* — из перетопленного воска. *Косящатое окно* — см. выше.

«По Тверской Ямской, вдоль по Питерской». — Соболевский, III, № 365. *Воску ярого* — см. выше.

«Раздивья тому на свете жить». — Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш. Песни русского народа. СПб., 1894, стр. 169. *Раздивье* — достойно удивления, хорошо.

«Веселитесь вы, подружки, к нам весна скоро придет!» — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 1. № 1304.

«Ой выду я на реченьку». — Соболевский, IV, № 533.

«Снежки белые, пушисты». — Линева, вып. I, № 10.

«И экой Ваня, разудалая, ой да голова». — Песни Севера, записанные Колотиловой. Архангельск, 1947, стр. 41. Из репертуара Северного хора.

«Ой да вы, морозы». — Песни донского казачества. Вст. ст. И. Кравченко. Сталинград, (1938), № 178.

«Несчастливый день суббота». — Двенадцать русских народных песен, записанных М. Е. Пятницким. М.—Л., 1946, № 8. Из репертуара хора им. Пятницкого. *Скородить* — боронить.

«Ты не пой, ты не пой». — Листопадов, III, № 75. *Назола* — см. выше. *Стень* — тень.

«Ой, мимо сада, сада зеленого». — Песни донского казачества. Вст. ст. И. Кравченко. Сталинград, (1938), № 136.

«Волга-матушка родимая течет». — Соболевский, IV, № 59. *Расшивушка* — барка, большая лодка. *Гоголь* — селезень. *Путина* — путь.

«Выйду за ворота, погляжу далеко». — Линева, вып. I, № 13.

«К у р е в у ш к а , к у р е в а». — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 1, № 1173. *Курева* — метель. *Переводливые* — или переводчивые, переносящие сплетни. *Накутить* — наплести.

«Н а у ч и т ь л и т е , В а н ю ш а». — Якушкин, стр. 603.

«К а к п о й д у я , м о л о д е н ь к а». — Соболевский, V, № 760.

«Я в е ч о р в г о с т я х г о с т и л а». — Соболевский, II, № 28.

«О й д а В а н я б е л ы й , В а н я ч е р н о б р о в ы й». — Соболевский, IV, № 398.

«П о с е ю л е б е д у н а б е р е г у». — Сборник Лопатина и Прокунина, ч. I, № 104.

«Т о н е г у с е л ь к и р о к о ч у т». — Русские народные песни Подмосковья, собранные Янковым. М., 1951, стр. 119. Из репертуара хора Яркова.

«У ж я з о л о т о х о р о н ю , х о р о н ю». — И. Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1841, кн. 3, стр. 15.

«Ч е р е з с а д , ч е р е з с а д». — Бирюков, стр. 83. *Корытовать* — брать в свою пользу.

«А к а к ж е м н е , м а т у ш к а». — Русские песни. Тексты песен, исполняемых хором им. Пятницкого.

М., 1944, стр. 44. *Красенцы* (крóсна) — ткацкий станок.

«Зайнька, где был-побывал». — Соболевский, VII, 494.

«Скажи, скажи, воробушек». — И. Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1841, кн. 3, стр. 28.

«Как у наших у ворот». — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2739. *Верешка* (веря) — столб, на который навешиваются ворота.

«Уж как звали молодца, подзывали молодца». — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2967.

«В чистом поле при займище». — Листопадов, IV, № 174. *Займище* — пойма, заливной луг.

«Около сыра дуба». — И. Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1841, кн. 3, стр. 39.

«Как под лесом, лесом шелко ва тра ва». — Соболевский, II, № 224.

«Во лузях, во лузях». — Приводится в многочисленных песенниках с незначительными вариантами. Соболевский, II, № 299—306; Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2962 и др. *Во лузях* — в лугах.

«Во поле береза стояла». — Н. Лопатин. Полный народный песенник. М., 1885, № 60.

«Во чистом поле калинушка». — Шейн, № 451. *Мне под версту — ровня мне.*

«Сидела Катюшенька во горенке одна». — Крестьянская лирика. Ред. и прим. Евг. Гиппиуса и Э. Эвальд. Л., 1935, стр. 144.

«Во заводе были мы». — Зайцев, стр. 89. Переделка хороводной песни: «В хороводе были мы». *Бить шахту — пробивать, рыть шахту.*

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

«Ты, зеленое мое виноградье». — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 677. *Хоромы с частыми переходами* — большие хоромы из нескольких домов, соединенных переходами.

«Ты, горюн-горюн, воробейка». — Листопадов, IV, № 66. *Курени* — дома.

«Хмель ты мой, хмель». — Соболевский, III, № 281.

«У нас нынче радостно на дворе». — Песни донского казачества. Вст. ст. И. Кравченко. Сталинград, (1938), № 153.

«Как при вечере, вечерере». — Н. А. Римский-Корсаков. Сборник русских народных песен. СПб., 1876, стр. 68.

«Мимо дворика батюшкина». — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 145. Песня, записанная Пушкиным и переданная им П. В. Киреевскому в числе других песен, которые Пушкин, по свидетельству Киреевского, «с большой точностью записал со слов народа». Некоторые свадебные песни Пушкин использовал в «Русалке».

«Не бывать бы ветрам, да повеяли». — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 214. *Китайчатый* — из китайки (ткань). *Коломенчатый* — из коломянки (ткань).

«Собрала невеста подружек». — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 146. Из песен, записанных Пушкиным.

«По морю утенушка плавала, плавала». — Н. А. Римский-Корсаков. Сборник русских народных песен. СПб., 1876, стр. 80.

«Закатись ты, солнце красное». — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 995.

«Как у нашего князя». — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 149. Из песен, записанных Пушкиным.

*

«Воробушек - воробей». — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 370.

«На речке лебедушка кликала». — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 911. *Ества* — см. выше.

«Отпусти, родимый тятенька». — Уральский фольклор, под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949, № 22.

«Уже вечер на дворе вечерееется». — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 166. Из песен, записанных Пушкиным. *Не шатитесь* — не шатайтесь.

«Ты, река ли, моя реченька». — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 168. Из песен, записанных Пушкиным.

«Ах, кукушечка кукует». — Линева, вып. I, № 12. Другие варианты этой песни начинаются словами: «Что в поле пыльно?»

«Вьюн на воде да извивается». — Песни Севера, записанные Колотиловой. Архангельск. 1947, стр. 66. Из репертуара Северного хора. *Локоть* — старинная мера длины. *Портно* — узкий грубый холст.

«Во поле олень, во поле олень». — Шейн, № 391. В других текстах эта песня начи-

нается словами: «Не разливайся, мой тихий Дунай».

«Собирались красны девицы». — Соболевский, IV, № 113.

«Не заря ли моя, зорюшка». — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 618.

«На горе стоит елочка». — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 272.

«Кто у нас холост, не женат?» — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 680.

«Ой у нас ли во горнице». — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 308.

«Как у чарочки у серебряной». — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 344.

«Сокóл Сокольеви́ч». — Киреевский, Новая серия, вып. I, № 227.

ПЕСНИ СЕМЕЙНЫЕ И БЫТОВЫЕ

«Спи, усни». — Шейн, № 16. Доски — сани.

«Люли, люли, мою милую!» — Шейн, № 11. *Ино* — вот, где бы.

«Баю - баюшки, баю». — Хор им. Пятницкого. 30 русских народных песен. М. — Л., 1939, стр. 31.

«Как повадился муж ёнюшка». — Шейн, № 392. Детская игровая песенка. *Лунек* — птица.

«Из-за леса было, леса темного». — Мякутин, т. II, № 47.

«Батюшке я говорила». — Соболевский, III, № 178.

«Во бору ягодки сильно родилися». — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2361. *Суденьшко* — посудина, корзина. *Не могу* — болею.

«Зима студеная, снега глубокие». — Крестьянская лирика. Ред. и прим. Евг. Гиппиуса и Э. Эвальд. Л., 1935, стр. 236.

«По горам, по горам». — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2792.

«Уж вы, ночи мои, ночи темные!» — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2019.

«Ох, батюшка наш, славный тихий Дон!» — Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2433.

«Да по морюшку, да было по морю по

Верейскому». — Листопадов, I, ч. 1, № 64.
Верейское море — старинное название Каспийского моря.

«Я люта была по горам ходить». — Соболевский, V, № 706. *Зорить* — разорять, губить.
Переставился — преставился, умер.

«Ветры мои, ветры вы, буйные ветры!» — Соболевский, III, № 214.

«Встрень-ка, встрень-ка». — А. В. Гуревич и Л. Е. Элиасов. Старый фольклор Прибайкалья, т. I. Улан-Удэ, 1939, № 77.

«Луговая коростель». — Соболевский, II, № 2.

«Конопля, конопля зеленая моя!» — Соболевский, I, № 298. *Мне чало* — мне показалось. *Ажной* — ан, а это. *Пельчатым рукавом* — рукавом, который застегивается петлей на пуговицу.

«Родимая мамонька». — Соболевский, II, № 167.

«Батюшке я говаривала». — Соболевский, III, № 8.

«А молодость, молодость». — Соболевский, II, № 163.

«Не по реченьке лебедушка плывет». — Русские песни. Тексты песен, исполняемых хором им. Пятницкого, М., 1944, стр. 32.

«К а б ы з н а л а я, в е д а л а». — Шейн, № 1197.

«О т д а в а л м е н я б а т ю ш к а». — Крестьянская лирика. Ред. и прим. Евг. Гиппиуса и З. Эвальд. Л., 1935, стр. 208. *Талан* — удача.

«Н а у л и ц е д о ж д ь, д о ж д ь». — Русские народные песни в обработке советских композиторов. Сост. Л. Атовмян и М. Иорданский. М., 1947, стр. 89.

«П о н и з е ш е н ь к о с о л н ц е х о д и т». — Шейн, № 839. *Не утямит* — не приметит.

«И с х о д и л а, м л а д е н ь к а, в с е л у г а и б о л о т а». — Соболевский, III, № 224.

«Х у д о, х у д о ж и т ь в о ч у ж и х л ю д я х». — Соколовы, № 443.

«П о л о с а л и м о я, д а п о л о с о н ь к а». — Соболевский, III, № 61.

«С п и т с я м н е, м л а д е ш е н ь к о й, д р е м л е т с я». — Шейн, № 833. *Неурядливая* — нерадивая, не заботящаяся о хозяйстве.

«З а р я, з а р я в е ч е р н я я». — Соболевский, II, № 630.

«Л у ч и н а, л у ч и н у ш к а б е р е з о в а я!» — Соболевский, II, № 557. С добавлениями в начале и в конце имеется среди песен, записанных Пушкиным (Киреевский, Новая серия).

«Ах ты, ноченька, ночка темная!» —
Соболевский, II, № 462.

«Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет». — Сборник Лопатина и Прокунина, ч. I, № 77. *Журушка* — журавль.

«Вниз по реченьке, вниз по быстренькой». — Соболевский, III, № 94. *В нас* — у нас.

«Вы раздайтесь-расступитесь, добрые люди». — Соболевский, II, № 417. *Браный* — см. выше. *Воску ярого* — см. выше.

«В воскресеньице матушка замуж отдала». — Соболевский, I, № 442. *Тупица* — тупой топор для колки дров.

«Как болит-то ли, болит у мужа головка». — Якушкин, стр. 594. *Некорыстная* — нехорошая.

«Не сон мою головушку клонит». — Сборник Лопатина и Прокунина, ч. I, № 79.

«На речке, на речке». — Записана А. А. Прокофьевым в районе Ладожского озера в 1935 году.

«Ивушка, ивушка, зеленая моя!» — Соболевский, II, № 40. Эта женская песня пелась солдатами в качестве походной со следующим вступлением:

Полно вам, солдатушки, тужить-горевать,
Что солдатское житье, право, лучше всего —
Стоя наедимся, сидя выспимся,
Во поход пойдем, с горя песню запоем.

Лодочку косну — см. выше.

«Ах вы, сени, мои сени, сени новые мои». — Сборник Лопатина и Прокунина, ч. I, № 82.

«Уж ты, мать моя, матушка». — Шейн, № 587. *Китаечки конец* — целый кусок ткани китаяйки.

«По улице мостовой». — Соболевский, IV, № 740.

«Как со вечеру дождек, со полуночи снежок». — Соболевский, IV, № 556. *С козырями* — с высокой спинкой.

«Уж ты, Сема, Симеон». — Сборник Лопатина и Прокунина, ч. I, № 84—85.

«Ты, отеческая дочь». — Соболевский, IV, № 646.

«Я в лесе был, березку рубил». — Листопадов, IV, № 3.

«Куманечек, побывай у меня». — Соболевский, IV, № 347.

ОСНОВНЫЕ СОБРАНИЯ ТЕКСТОВ РУССКИХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН

Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—IX. М., 1860—1874.

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. I, II. М., 1911, 1917, 1929.

Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским, тт. I—VII. СПб., 1896—1902.

Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказаниях, легендах и т. д. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, вып. I, II. М., 1898—1900.

П. И. Якушкин. Народные стихи и песни. — Сочинения, СПб., 1884.

Н. М. Лопатин и В. П. Прокунин. Сборник русских народных лирических песен, ч. I. М., 1889.

А. И. Мякутин. Песни оренбургских казаков, тт. I—IV. Оренбург, 1904—1910.

Е. Э. Линева. Великорусские песни в народной гармонизации, вып. I, II. СПб., 1904, 1909.

А. Листопадов. Песни донских казаков, тт. I—V. М., 1949—1954.

Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

А. Н. Лозанова. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М., 1935.

В. П. Бирюков. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936.

А. л. Ионов. Песни и сказы шахтеров — фольклор горняков Шахтинского района. Р. н/Д., 1940.

И. С. Зайцев. Народное творчество Южного Урала, вып. 1. Челябинск, 1948.

СОДЕРЖАНИЕ *

Вступительная статья	5
--------------------------------	---

ПЕСНИ, СВЯЗАННЫЕ С НАРОДНЫМ КАЛЕНДАРЕМ

«Весна красна»	45	397
«Ты, пчелынька»	46	397
«Иё! иё! Березонька»	47	397
«А мы просо сеяли, сеяли»	48	397
«Кто с нами, кто с нами»	50	397
«Жали мы, жали»	53	398
«За рекой огонь горит»	54	398

ПЕСНИ О ЧУЖОЙ СТОРОНЕ

I

«Ты взойди, ты взойди, красное сол- нышко»	57	398
«Сторона ль ты моя, вот моя сторонушка»	58	398
«Ах ты, ноченька, ночка темная»	59	398
«Седина ль моя, сединушка»	60	398
«Пролежала во поле дороженька»	61	398

* Первая цифра означает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

«Как в поле шлях-дороженька пролежала»	62	398
«Я всю ночь, млада, не спала»	63	398
«У государыни матушки»	64	399
«На море орел»	66	399

2

«Уж вы, горы мои, горы Воробьевские» .	67	399
«Край дорожки, край широкой было московской»	68	399
«За Кубанью за рекой, там казак гулял»	69	399
«Туманы вы, мои туманушки, туманы вы мои разосенние!»	71	399
«Уж ты, степь ли моя, степь Моздокская»	73	399
«Ой да как под славною было все под Журжею»	75	399

ПЕСНИ ВОИНСКИЕ

1

«А вскрикнули да два лебедя»	79	400
«С гор вода бежит, с гор по камушкам»	80	400
«Бережочек зыблется»	81	400
«Как бежал-то, бежал молодой невольник»	83	400
«Чем-то наша славная земляюшка распана»	84	400
«Как ты, батюшка славный тихий Дон» .	85	401
«Ой вы, станы мои»	86	401
«Служба явлена в поход»	87	401
«Уж ты, сад, ты мой сад, сад зелененький»	88	401
«Не сизы орлы солеталися»	89	401

«Во дикой-то степи пролеживала большая дороженька»	90 401
«Матушка красно солнышко»	91 401
«Воздалече было, воздалеченько»	92 401
«Панья пану да говорила»	93 401
«Мне, матушка, тошнехонько»	94 402
«Не травушка, не ковылушка»	96 402

2

«Не кукушечка, братцы, во сыром бору куковала»	97 402
«Ох, ты пей-ка, моя головушка, прохла- дия»	98 402
«Мы пройдемте-ка, братцы, вдоль по улице»	99 402
«Еще нет-то у нас в синем море, нет такой бусочки»	100 402
«Породила да меня матушка»	101 402
«Отпущало, отпущало, сердце матушкино»	102 402
«Как за лесом, за лесочком»	103 403

3

«Не беленькая березонька к земле клонится»	105 403
«Ты, долина ль моя, долинушка, раздолье широкое!»	106 403
«Да полно ж тебе, добрый молодец, на чужой стороншке пить-гулять!»	108 403
«Там построили там кабак»	109 403

«Проторенная новая дорожка»	111 403
«Ой да не буён-то ветерок поносит»	112 403
«А Ванюшка, мой батюшка»	113 403

ПЕСНИ О НЕВОЛЕ

«А и горе, горе-гореваньце!»	119 404
«Из-за леса, леса темного»	120 404
«Калинушку с малинушкой водой залило»	122 404
«Во лесу, лесу дремучем»	123 404
«Слобода моя, ты слободушка»	124 404
«У ворот сосна раскачалась»	125 404
«Вы, кудри ль, мои кудри»	126 404
«Через леса, леса темные»	128 404
«Вырастала древушка тонка, висока»	129 404

РАЗБОЙНИЧЬИ ПЕСНИ

«Не шуми, мати зеленая дубравушка»	133 405
«Вниз по матушке по Волге»	134 405
«Сирота ль моя, ты сиротушка!»	135 405
«Ты взойди, взойди, солнце красное»	136 405
«Что светил-то, светил месяц во полуночи»	138 405
«Не от пламечка, не от огничка»	139 405

ПЕСНИ НАРОДНЫХ ВОССТАНИЙ

«Ай как на речке, на реке»	143 406
«Ах туманы вы, мои туманушки!»	145 406
«Не шуми и не бушуй»	147 406
«Ой не вечер, то ли не вечер»	149 406
«Загорелась во поле ковылушка»	151 406
«Ай да не шуми, шумка»	153 406

«А из тихого, из мелкого из затону» . . .	155	406
«Ой да ты, батюшка Оренбург-город!» . . .	156	406
«Как за барами житье было привольное» . . .	158	407

РАБОЧИЕ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕСНИ

«Работали мы да день до вечера» . . .	163	407
«Благослови, сударь хозяин» . . .	164	407
«Эй, ухнем! эй, ухнем!» . . .	165	407
«Во всю-то ночь мы темную» . . .	166	407
«Ой-ёй, ой-ёй» . . .	167	408
«Ай да вы, заводы» . . .	168	408
«Как на свете живется» . . .	169	408
«Что шахтерска жизнь проклята» . . .	170	408
«Вы во шахтах не бывали» . . .	171	408
«Уж ты, волюшка, да разневоля» . . .	172	408
«Во приисках лето жили» . . .	173	408
«Загудел гудок на пять» . . .	174	409
«Эх, да постыла контрашна работа» . . .	175	409
«Ты взойди-ка, взойди» . . .	176	409
«Во деревне-то я спородился» . . .	177	409
«Горы мои, горы вы Уральские» . . .	178	409
«Во заводе парень жил» . . .	179	409
«Губернатор Богданович» . . .	180	409
«Царь гуллет, тризну правит» . . .	181	409

ЛЮБОВНЫЕ ПЕСНИ

«Ах не одна-то, не одна» . . .	185	409
«Как у голубя как у сизого» . . .	186	410
«Я вечер, вечер, добрый молодец» . . .	187	410
«Эко сердце, да эко бедное мое!» . . .	188	410

«Ах да не вечерняя заря спотухала, зари спотухала»	189 410
«Вспомни, вспомни, моя любезная»	191 410
«Ты не пой, не пой, соловьюшко»	193 410
«Селезень мой, селезень»	195 411
«Добрый молодец похаживает»	196 411
«Уж вы, бабочки, бабеночки мои»	197 411
«На горе растет калина, под горою малина»	198 411
«Вдоль по улице молодец идет»	199 411
«За морем синичка не пышно жила»	200 411
«На речке на Клязьме купался бобер»	201 411
«Хожу я по улице, да не нахожуся»	202 411
«Из улицы в улицу»	203 411
«Соловей-соловейко молодой»	204 412
«В темном лесе, в темном лесе»	206 412

2

«Зеленая роща во всю ночь шумела»	208 412
«Пойду я, младенька, погуляю»	209 412
«Да ой не плачьте, мои ясны очи»	210 412
«Над озером верба»	211 412
«Как на матушке на Неве-реке»	212 412
«Не бушуйте, не бушуйте, ветры буйные»	213 412
«Уж ты, веснушка, весна!»	214 413
«Гусли вы, гусли звончатые мои»	215 413
«Вы, молодчики, вы, молоденькие, вы, дружки мои»	216 413
«Цвели в поле цветики, да поблекли»	218 413
«Я куда с горя, да куда с горяшка подеваюсь»	219 413

«Ах что есть ли в поле за травушка за муравушка»	220 413
«Ах ты, ночь же, ночка»	222 413
«Шла тропинка»	224 413
«По рощице Машенька гуляла»	225 413
«Эй да уж вы, ночи темные»	226 413
«Эх да уж вы, ночи, ночи мои темные!»	227 414
«Никак не возможно мне без печали жить»	228 414
«Не велят Маше на улицу ходить»	230 414
«Возле речки, возле мостика»	231 414
«Сказали про молодца, что не жив, не здоров»	233 414
«По Тверской Ямской, вдоль по Питерской»	234 414
«Раздивья тому на свете жить»	236 414
«Веселитесь вы, подружки, к нам весна скоро придет!»	237 414
«Ой выду я на реченьку»	238 415
«Снежки белыс, пушисты»	239 415
«И экой Ваня, разудалая, ой да голова»	240 415
«Ой да вы, морозы»	241 415
«Несчастливый день суббота»	242 415
«Ты не пой, ты не пой»	243 415
«Ой, мимо сада, сада зеленого»	245 415
«Волга-матушка родимая течет»	246 415
«Выйду за ворота, погляжу далско»	247 415
«Куревушка, курева»	248 416
«Научить ли те, Ванюша»	249 416
«Как пойду я, молоденька»	250 416
«Я вечор в гостях гостила»	251 416
«Ой да Ваня белый. Ваня чернобровый»	253 416

«Посею лебеду на берегу» . . .	254 416
«То не гусельки рокочут» . . .	256 416
«Уж я золото хороню, хороню» . . .	257 416
«Через сад, через сад»	259 416
«А как же мне, матушка»	260 416
«Заинька, где был-побывал»	265 417
«Скажи, скажи, воробушек»	268 417
«Как у наших у ворот»	269 417
«Уж как звали молодца, подзывали молодца»	271 417
«В чистом поле при займище»	274 417
«Около сыра дуба»	276 417
«Как под лесом, лесом шелкова трава»	278 417
«Во лугах, во лугах»	280 417
«Во поле береза стояла»	283 418
«Во чистом поле калинушка»	288 418
«Сидела Катюшенька во горенке одна»	290 418
«Во заводе были мы»	291 418

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

«Ты, зеленое мое виноградье»	295 418
«Ты, горюн-горюн, воробейка»	296 418
«Хмель ты мой, хмель»	298 418
«У нас нынче радостно на дворе»	300 418
«Как при вечере, вечере»	301 419
«Мимо дворика батюшкина»	302 419
«Не бывать бы ветрам, да повеяли»	303 419
«Собрала невеста подружек»	304 419
«По морю утенушка плавала, плавала»	305 419
«Закатись ты, солнце красное»	306 419
«Как у нашего князя»	307 419

«Воробушек-воробей»	308 420
«На речке лебедушка кликала»	309 420
«Отпусти, родимый тятенька»	310 420
«Уже вечер на дворе вечерееется»	311 420
«Ты, река ли, моя реченька»	313 420
«Ах, кукушечка кукует»	314 420
«Вьюн на воде да извивается»	315 420
«Во поле олень, во поле олень»	316 420
«Собирались красны девицы»	317 421
«Не заря ли моя, зорюшка»	318 421
«На горе стоит елочка»	319 421
«Кто у нас холост, не женат?»	321 421
«Ой у нас ли во горнице»	323 421
«Как у чарочки у серебряной»	324 421
«Сокól Сокольевич»	326 421

ПЕСНИ СЕМЕЙНЫЕ И БЫТОВЫЕ

«Спи, усни»	329 421
«Люли, люли, мою милую!»	330 421
«Баю-баюшки, баю»	331 422
«Как повадился мужёнюшка»	332 422
«Из-за леса было, леса темного»	333 422
«Батюшке я говорила»	334 422
«Во бору ягодки сильно родилися»	335 422
«Зима студеная, снега глубокие»	336 422
«По горам, по горам»	337 422
«Уж вы, ночи мои, ночи темные!»	339 422
«Ох, батюшка наш, славный тихий Дон!»	340 422
«Да по морюшку, да было по морю по Верейскому»	341 422
«Я люта была по горам ходить»	343 423

«Ветры мои, ветры вы, буйные ветры!»	344	423
«Встрень-ка, встрень-ка»	345	423
«Луговая коростель»	346	423
«Конопля, конопля зеленая моя!»	347	423
«Родимая мамонька»	348	423
«Батюшке я говаривала»	349	423
«А молодость, молодость»	350	423
«Не по реченьке лебедушка плывет»	351	423
«Кабы знала я, ведала»	352	424
«Отдавал меня батюшка»	353	424
«На улице дождь, дождь»	355	424
«Понизешенько солнце ходит»	356	424
«Исходила, младенька, все луга и болота»	357	424
«Худо, худо жить во чужих людях»	358	424
«Полоса ли моя, да полосонька»	359	424
«Спится мне, младешенькой, дремлется»	361	424
«Заря, заря вечерняя»	362	424
«Лучина, лучинушка березовая!»	364	424
«Ах ты, ноченька, ночка темная!»	365	425
«Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет»	366	425
«Вниз по реченьке, вниз по быстренькой»	368	425
«Вы раздайтесь-расступитесь, добрые люди»	369	425
«В воскресеньице матушка замуж отдала»	370	425
«Как болит-то ли, болит у мужа головка»	372	425
«Не сон мою головушку клонит»	373	425
«На речке, на речке»	374	425
«Ивушка, ивушка, зеленая моя!»	376	425
«Ах вы, сени, мои сени, сени новые мои»	378	426
«Уж ты, мать моя, матушка»	380	426
«По улице мостовой»	381	426

«Как со вечера дождик, со полуночи снежок» 384 426
«Уж ты, Сема, Симеон» 385 426
«Ты, отеческая дочь» 386 426
«Я в лесе был, березку рубил» 388 426
«Куманечек, побывай у меня» 389 426

ПРИМЕЧАНИЯ

От составителя 393
Основные собрания текстов русских лирических песен 427

Редакционная коллегия:

*В. Г. Базанов, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев, В. М. Саянов,
А. К. Тарасенков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, С. П. Щипачев*

ЛИРИЧЕСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Редактор *А. А. Прокофьев*
Художник *Л. С. Хижинский*
Худож. редактор *И. С. Серов*
Техн. редактор *С. И. Брусиловская*
Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 1/II 1955 г. Подписано к печати
8/VII 1955 г. М 41657. Бум. 82×108/84. Печ. л.
13,75 (11,28). Уч.-изд. л. 10,99. Тираж 50 000.
Цена 6 р. 50 к. Заказ № 172

Ленинградское отделение издательства «Советский
писатель»

Ленинград, Невский пр., д. 28.

Типография № 3 Управления культуры Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., д. 1/3

